

Михаил БОЛТУНОВ

"АЛЬФА" - СВЕРХСЕКРЕТНЫЙ ОТРЯД КГБ

Нехитрую эту песню любят ее авторы, бойцы "Альфы".

В редкие у них свободные минуты кто-нибудь берет гитару, песня берedit душу, заставляет вспоминать пережитое...

*Не надо говорить высоких фраз,
Не надо лучше, чем есть, казаться.
Нас жены провожая каждый раз,
Твердят как заклинанье: возвращайся.
А мы уходим, оставляя за спиной
Свои заботы, радости и близких,
Чтобы спасти людей, закроем их собой
От пули озверевших террористов.
Из года в год несем мы этот крест.
От напряженья мышцы рвем и жилы,
И каждый раз, надев бронежилет,
Стараемся, чтоб люди были живы.
Чтоб страх не искажал ребячьих глаз,
Чтоб матери не ведали печали,
Мы тянем лямку, люди, ради вас,
И это не однажды доказали.
Сарапул - восемьдесят первый год,
Тбилиси - "свадьба" в восемьдесят третьем,*

***Уфа - захвачен снова самолет,
В Орджоникидзе угрожали детям.
Не раз сигнал тревоги нас срывал,
Мы жизнью ради жизни рисковали,
Но на судьбу нам сетовать нельзя:
Ведь мы работу добровольно выбрали.***

Генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Бесчастнов, начальник 7-го управления КГБ, шел на доклад к Андропову.

Полированный мрамор ступенек, барская плавность ковровой дорожки и кабинеты, кабинеты, как часовые - слева, справа.

...Коридоры Лубянки. Вроде и родные они и знакомые, а не любил их Алексей Дмитриевич. В пятьдесят третьем спешил он этим же коридором к Кобулову, заместителю Берии.

Бесчастнов был тогда советником в Чехословакии. Смутное время: чехи бастовали, в стране ширились волнения.

Кобулов молча разглядывал стоявшего перед ним полковника, шумно, с храпом дышал, устраивая под столом огромный живот. Дубовый стол, изготовленный по специальному заказу с вырезом для кобуловского живота, жалобно поскрипывал. Наконец Кобулов спросил:

- Что у тебя там за стачки, Бесчастнов?

- Не у меня, а в Чехословакии.

Замминистра оскалился, побагровел:

- Ты забыл, перед кем стоишь?! Я сорву этот значок, - он ткнул пальцем на депутатский значок Бесчастнова, в ту пору Алексей Дмитриевич был депутатом Верховного Совета РСФСР. - В подвал посажу, тут - на Лубянке...

Бесчастнов вышел от Кобулова и увидел: кабинеты, кабинеты, как часовые, и коридор. Куда он ведет? К Берии? В тот самый подвал, и: которого никто еще не выходил?

Чудом спасся Алексей Дмитриевич. После сдачи дел в Праге ему приказали лететь в Москву самолетом. Знал: прямо у трапа - арестуют. Он ослушался, поехал поездом. А в ночь его прибытия в Москву; был арестован Берия, посыпалась его шайка, и Кобулов сам оказался в подвале Лубянки.

Бесчастнов шел знакомым коридором. Вот и дверь, за которой сидел когда-то Кобулов, теперь там другой человек - молодой можно сказать юный.

- Алексей Дмитриевич! - кто-то окликнул его.

Обернулся: Володя Крючков, начальник секретариата председателя КГБ. Подошел, поздоровались.

- Ты чего стоишь, как бедный родственник?

- Молодость вспомнил. Знаешь, кто за этими дверями сидел?

- Слышал!

- А я видел... И не дай Бог такого никому другому.

- Вот ты говоришь: мо-о-ло-дость... - протянул со вздохом Крючков и взял его под руку. - В молодости я только и видел Бесчастнова в президиумах.

- Да ну тебя, - отмахнулся Алексей Дмитриевич.

- Нет, серьезно. Что я - всего лишь районный прокурор, а ты начальник областного управления. Еще какого, Сталинградского

Помню, "Правду" открываю: батюшки! Депутатом Верховного Совета РСФСР в Ленинграде избран Сталин, а в Сталинграде - Бесчастнов.

...Пройдет несколько лет, и Алексей Дмитриевич, уже отставной генерал, позвонит председателю КГБ Крючкову.

- Володя, помнишь, ты все сокрушался, что только и видел меня в президиумах?

Крючков, слышно было, усмехнулся в трубку:

- Помню...

- Ну а теперь я тебя в президиумах вижу. Зря завидовал...

...Расставшись с Крючковым, Бесчастнов в назначенное время появился в приемной Андропова.

- Юрий Владимирович ждет, - сообщил помощник. Алексей Дмитриевич вошел. Андропов глянул из-под очков, поднялся из-за стола. Поднялся тяжело, но виду не подал. Бесчастнов знал: у Юрия Владимировича больные почки. Впрочем, это не было в комитете ни для кого секретом. Андропов не жаловался, но и не скрывал своих болячек.

Рукопожатие крепкое, взгляд цепкий, несколько ироничный. После смерти Андропова много будут писать о нем. Скажут об уме, работоспособности, интеллигентности, фильм даже снимут, а потом помоями обольют, тысячи грехов повесят. Бесчастнов все прочтет, все увидит и не удивится. Это ведь в наших

российских традициях: лизоблюды страсть как любят отплясывать на гробах своих вчерашних повелителей.

Нет, никто из писавших и снимавших не знал его, Юрия Андропова, и не понял до конца. Кем он был, каким был? А он, Бесчастнов, знал? Знал. Еще с тех пор, когда Алешка Бесчастнов увидел на трибуне московской комсомольской конференции секретаря ярославского обкома комсомола Юру Андропова. Задиристо выступал тогда ярославский секретарь... Сколько раз потом их сводила и разводила судьба. И теперь вот который год вместе.

Так что многое из написанного об Андропове, Бесчастнов хорошо знал, чушь собачья.

- Здравствуй, Алексей, - председатель КГБ кивнул на кресло у маленького журнального столика, - присаживайся. Что пить будем?

- Если есть право выбора, - усмехнулся Бесчастнов, - то коньяк, Юрий Владимирович.

Очки Андропова лукаво блеснули. Что не позволялось другим разрешалось Бесчастнову. Алексей Дмитриевич - любимец управления, весельчак, бессменный тамада на совместных торжествах. Так, на юбилее Семена Кузьмича Цвигуна, андроповского первого зама, можно было помереть со скуки. За столом сидели надутые, важные, как на коллегии КГБ или на поминках. А Бесчастнов выручил. Раскачал даже юбиляра, который, приняв рюмку, начал уже подремывать.

...Юрий Владимирович опустил в соседнее кресло.

- Право есть, Алексей, а выбора нет. Либо просто чай, либо чай с молоком.

- И все? - удивился Бесчастнов. Андропов развел руками.

Подали чай. Помолчали, не спеша прихлебывая крепкий чай. Однако пора было приниматься за дело. Андропов снова стал Андроповым, Председателем КГБ, членом Политбюро, Бесчастнов - его подчиненным, начальником "семерки".

- Вот что, Алексей Дмитриевич, - сказал председатель, - дело нам с тобой предстоит не простое. Новое подразделение надо создать.

"Новое, так новое", - подумал про себя Бесчастнов. В ту пору в комитете формировалось немало новых подразделений, и постоянных и временных, для выполнения каких-то частных задач. Не привыкать.

Но Андропов сделал паузу и вопросительно посмотрел на Алексея Дмитриевича. Бесчастнов ждал.

- Подразделение необычное. "Коммандос". Наши, советские "коммандос". Догадываешься, зачем?

- Задачи могут быть разные...

- Задача пока одна: противостоять терроризму. Судя по всему, начинается его новый виток - захваты самолетов, убийства заложников, разбойные нападения. Вспомни-ка Мюнхен, Олимпийские Игры - сам не хуже моего знаешь. Что там "Черный сентябрь" натворил: настоящая бойня. И хваленая полиция ничего не сделала. А мы разве на другой планете живем? Есть у нас что противопоставить бандитам?

Бесчастнов хотел было ответить, но Андропов не дал.

- Я знаю, что ты скажешь. Когда жареный петух клюнет, соберем ребят, лучших оперативников. Есть у нас и спортсмены и стрелки. Есть! Но знают они, как подойти к самолету, как проникнуть внутрь? Чтоб и заложников освободить, и террористов уничтожить, и самим в живых остаться? А?

Алексей Дмитриевич молчал. Председатель говорил дело. Он сам раньше задумывался над этим. Только ли о самолете речь, а если террористы захватят здание, как штурмовать? А пароход, железнодорожный вагон? Не было еще такого, и слава Богу. Но где гарантия, что и дальше тихо-мирно жить станем.

- Так я тебя еще раз спрашиваю, есть у нас что противопоставить?

Андропов глядел в упор. Он не ждал ответа - отвечал сам. - Нет, дорогой мой Алексей, нечего. Так, знаешь ли, на уровне любителей, полупрофессионалов. А нам нужны профессионалы высокого класса. Я бы сказал, самого высокого...

Он встал и взял с рабочего стола, видимо, заранее подготовленный журнал.

- Посмотри, ребята из первого главка по моей просьбе принесли. На открытой странице Бесчастнов увидел большое цветное фото: громадные, гренадерского роста парни в пятнистой маскировочной форме. Они сидели прямо на капоте черного "мерседеса", свесив ноги, положив огромные кулаки на колени, улыбались, уверенные в себе.

- Что, Алексей Дмитриевич, буржуазная пропаганда? - усмехнулся Андропов.

Бесчастнов покачал головой.

- То-то! Западногерманское элитарное подразделение ГСГ-9. Решает задачи по пресечению особо тяжких преступлений, связанных с убийствами, взятием заложников, разбоем. Словом, отлично подготовленные "коммандос".

Он снял очки, поднес журнал к самому лицу, подслеповато вглядываясь в фигуры бойцов ГСГ-9. Потом резко захлопнул журнал, отбросил.

- Мы что, хуже? Настоящих ребят не найдем? Найдем. В общем, так, Алексей, первый главка поможет. Кое-какие иностранные материалы подбросит. Почитайте, подумайте. И вперед - будем создавать группу, растить своих "коммандос".

Приказ председателя КГБ Бесчастнов принял к исполнению. Нашлись и материалы. Правда, и в Первом главном управлении их было не густо.

Посмотрели, прикинули. Особо не торопились, дело новое, опыта практически никакого. Алексей Дмитриевич нутром чуял, что дополнительных штатов для "коммандос" не дадут, денег тоже. В общем, еще одна головная боль.

Однако Андропов вскоре напомнил о своем поручении. А начальнику "семерки" и похвалиться нечем, кроме банального: "изучаем", "работаем". И тогда совсем по-иному сверкнули очки председателя...

На следующий день был назначен временно исполняющий обязанности командира группы майор Роберт Петрович Ивон. С него и началась группа.

- Командира возьми из пограничников, - посоветовал Андропов. - Можно Бубенина с Даманского посмотреть. Герой, парень обстрелянный, смелый...

Алексей Дмитриевич позвонил начальнику погранвойск генералу Матросову, передал разговор с Андроповым.

- Ну, коли в командиры берешь, тогда отдам, - согласился Матросов.

Прилетел Бубенин. Объяснили, что за группа, каковы задачи, цели. В свою очередь присмотрелись к пограничнику. Офицер действительно боевой, со звездой Героя - в ту пору большая редкость. Весь Союз знает, да что там Союз - весь мир. Портреты героев-пограничников с острова Даманский обошли многие газеты и журналы планеты.

Сам Бубенин сомневался, но потом дал согласие. Человек военный: надо, значит, надо.

Правда, через несколько лет он все же напишет рапорт - попросится опять на границу. Что поделаешь, тут как в любви: насильно мил не будешь. А насильно в группу никого не тянули. Онг сама, как магнитом, притягивала к себе. Многим хотелось боевой работы.

Наконец, утвердили штаты, начался набор. Бесчастнов доложи? об этом председателю КГБ. Юрий Владимирович остался доволен. Он верил - рождалось подразделение, которое сможет защитить людей от страшной чумы XX века терроризма.

В тот день, после доклада, уже собираясь уходить от председателя Алексей Дмитриевич вдруг вспомнил: а названия-то группе не дали

- Название? - переспросил Андропов, - не важно, как мы ее наречем. Важно другое, какой она будет, наша группа. Пусть именуется группой "А".

Так она и вошла в комитетские анналы - суперсекретная антитеррористическая группа "А".

"Альфой" ее назовут в печати после августовского путча 1991 года.

Досье "Альфы"

Терроризм - одно из самых гнусных и мерзких преступлений против человечества.

Брут поднял руку на Цезаря как на диктатора. Был ли он террористом? Без всякого сомнения. Однако убийца знал: система ценностей, существующая в рамках римской политической структуры, дает возможность его оправдать.

Да, терроризм, как явление человеческой жизни, известен достаточно давно. Еще в первом веке нашей эры в Иудее действовала секта сикариев (сика - кинжал или короткий меч), уничтожавшая представителей еврейской знати, сотрудничавших с римлянами. А Фома Аквинский и отцы христианской церкви допускали идею убийства правителя, враждебного, по их мнению, народу.

В средние века представители мусульманской секты ассошафинов убивали префектов и калифов. В эти же времена политический террор практиковали некоторые тайные общества в Индии и в Китае.

В 1848 году немецкий радикал Карл Гейнцен доказывал, что запрет убийства неприменим в политической борьбе и что физическая ликвидация сотен и тысяч людей может быть оправдана, исходя из "высших интересов" человечества. Гейнцен явился в какой-то мере основоположником теории современного терроризма. В его работах можно найти немало идей, созвучных идеологическим воззрениям сегодняшних террористов.

Он считал, будто силе и дисциплине реакционных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос. И здесь Гейнцен надеялся на отравляющий газ, ракеты, а также требовал поиска новых средств уничтожения. Это и есть так называемая философия бомбы "которая появилась в XIX веке, хотя ее корни уходят к оправданию тираноубийства в греческой истории.

Концепция "философии бомбы" получила дальнейшее развитие и углубление в "теории разрушения" Бакунина. В своих работах он отстаивал мысль о признании лишь одного действия - разрушения и в качестве средств борьбы предлагал яд, нож и веревку.

Революционеры, считал Бакунин, должны быть глухи к стенаниям обреченных и не идти ни на какие компромиссы, что русская почва должна быть очищена мечом и огнем.

Доктрина "пропаганды действием" была выдвинута анархистами в 70-е годы XIX века. Суть ее в том, что не слова, а только террористические действия могут побудить массы к давлению на правительство. Эта же мысль проходит позднее и у Кропоткина, когда он определяет анархизм как "постоянное возбуждение с помощью слова устного и письменного, ножа, винтовки и динамита".

К концу XIX века особая роль в пропаганде терроризма в Европе и США принадлежит Иоганну Мосту, который проповедовал "варварские средства борьбы с варварской системой".

Терроризм становится постоянным фактором общественной жизни со второй половины XIX века. Его представители - русские народники, радикальные националисты в Ирландии, Македонии, Сербии, анархисты во Франции 90-х годов, а также аналогичные движения в Италии, Испании, США.

До первой мировой войны терроризм считался орудием левых. Но по существу к нему прибегали индивидуалисты без политических платформ, а также националисты далеко не левых, социалистических ориентаций.

С окончанием войны терроризм на свое вооружение взяли правые, национал-сепаратисты и фашистские движения в Германии, Франции, Венгрии, "Железная гвардия" в Румынии. Крупнейшими терактами того времени были политические убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург в 1919 году, югославского короля Александра и французского премьер-министра Барту в 1934 году.

В основе этих движений лежат разные идеологические платформы, но фактически и те и другие руководствуются положениями доктрин "философии бомбы" и "пропаганды действием".

Наступил век XX. Увы, ничего не изменилось в природе терроризма. Более того, терроризм теперь спектр самых разнообразных явлений, начиная от политических убийств и кончая массовой гибелью людей в пламени гражданской войны.

И если для русских народовольцев, первомайцев, эсеров совершение теракта - безусловно, самопожертвование, самоуничтожение для блага общества, то для "красных бригад" - акт самоутверждения. Ныне "красный терроризм" и "черный", фашистского, неонацистского толка недалеко отстоят друг от друга и мало что имеют общего с теми терактами, которые совершали, например,

народовольцы. Ибо у нынешнего терроризма одна вожаделенная цель: захват власти. Ни о каком "благое общества" тут не может идти речь.

В XX веке произошел перенос терроризма на государственный уровень, чего человечество прежде не знало. Террористическое государство "давило" своих граждан беззаконием внутри страны, заставляло их постоянно ощущать свое бессилие и слабость. Оно не меняло поведения и за пределом своих границ, в мировом сообществе. Фашистская Германия на глазах у всех растоптала Польшу. Был дан урок всей Европе, да и миру. И - о чудо! многие поспешили проявить лояльность к соседу-бандиту! Что поделаешь, если бандит силен?

Сегодня бандитская традиция вошла в силу во многих уголках бывшего СССР. Попытка насилем добиться своих, даже самых благородных целей, новый дикий росток на древе государственного терроризма. И самое страшное, что росток этот набирает силу - в войны втянуты Армения, Азербайджан, Осетия, Молдова. То и дело звучат взаимные претензии и угрозы на государственном и правительственном уровнях.

Да, терроризм многолик. Распад крупнейшей "атомной" державы Советского Союза обострил проблему расползания ядерного оружия, а значит, возможность проявления ядерного терроризма. Следует отдавать себе отчет, что нынешние террористы, это не любители, бросающие в толпу самодельную бомбу, а высокоподготовленные профессионалы. В недавнем прошлом использование террористами последних достижений военной науки и техники реактивной авиации, спутниковой связи, ракет с тепловой головкой наведения. Что на очереди? Ядерное, биологическое, химическое вооружение? И пусть над этим сегодня кто-либо улыбнется - так ли уж невероятны такого рода опасения? Ведь террористы еще со времен западногерманских боевиков Баадера Мейнхоффа вынашивают мечту - либо украсть, либо изготовить атомную бомбу.

В США, на основе заключения одного из подразделений по предупреждению ядерного терроризма, еще несколько лет назад был сделан вывод: создание примитивного ядерного устройства (несмотря на всю трудность его изготовления) вполне по силам террористической группировке, которая сможет использовать в работе трех-четырех серьезных специалистов.

Кстати говоря, Нью-Йорк в 1975 году уже пережил минуты атомного шантажа, когда городское руководство получило предупреждение от неизвестных лиц. В записке говорилось: "Нам удалось спроектировать и построить атомную бомбу, она находится в тайнике на острове Манхеттен. Устройство будет взорвано в 6 часов вечера, если не будут выполнены наши требования - передать нам 30 миллионов долларов мелкими, ничем не помеченными купюрами разрозненных номеров".

Написанное можно было бы воспринять как шутку, если бы не чертеж, приложенный к записке: его сделал человек, хорошо знаю

щий ядерную физику. Слава Богу, за бутафорским свертком, подложенным взамен денег в условленном месте, никто не пришел. Но сама история наводит на весьма грустные размышления. Тем более, что в Соединенных Штатах около 80 раз выдвигались угрозы применения ядерного оружия, хотя в подавляющем большинстве они были ложными.

Несколько лет назад американская газета "Вашингтон пост" совместно с телекомпанией Эй-Би-Си провели в США опрос общественного мнения, в ходе опроса они пытались выяснить, что представляет большую опасность для Соединенных Штатов - военная мощь Советского Союза или терроризм, поддерживаемый Ливией, Ираком, Ираном?

Только 15 процентов американцев считали, что советская военная мощь представляет серьезную угрозу безопасности их страны, но 82 процента опрошенных назвали в качестве такой причины терроризм.

Размышляя о ядерном терроризме, нельзя не вспомнить и далеко идущие цели угандийского диктатора Иди Амина. Это он руководил ядерным заговором под названием "Операция Покер", в ходе которого предусматривалось создание

небольших атомных бомб, умещавшихся в обычном чемоданчике, и доставка их в угандийские посольства по всему миру с помощью дипломатов-убийц. Конечно, для создания столь миниатюрного ядерного устройства потребовались бы капитальные научные и инженерные знания, специалисты, которых Амин не имел. Но известно, что диктатор старался их найти. И было это совсем недавно - в 1979 году. После падения режима Амина документы, обнаруженные в Уганде, поведали миру о зловещих планах маньяка.

Разумеется, ядерный терроризм - не единственное изобретение XX века. Ученые предсказывают возникновение в ближайшие годы экологического терроризма. Различные движения "зеленых" находятся на той черте отчаяния, когда возможен их переход к террору. Ведь у них нет других эффективных и признанных государственной системой средств воздействия на правительства и парламенты. Нет иной возможности заставить себя заметить и считаться с собой. Трудно сказать, какие формы обретет "зеленый террор", какие методы возьмет на вооружение, но приход его в нашу действительность вполне вероятен. Если ядерные преступники лишь мечтают о бомбе и угрожают мнимым оружием, а "зеленый террор" существует лишь в прогнозах экспертов, то воздушные бандиты давно перешли к делу. Их методы становятся с каждым годом все более изощренными, хорошо продуманными, отработанными.

По прогнозам экспертов всемирного фонда авиационной безопасности, в ближайшее время воздушный терроризм станет настоящим бедствием.

Некоторые наиболее пессимистично (а может, реалистично?) настроенные специалисты считают, что впереди у пассажирской авиации тяжелые времена. Отечественная авиация не является исключением. Десятки случаев захвата самолетов - ярчайшее тому подтверждение.

Нападения на самолеты гражданской авиации, а также другие транспортные средства, их захват, угон и уничтожение остается на сегодняшний день одной из самых распространенных и опасных форм терроризма.

Итак, приказ о создании группы был подписан. Назначены командиры. Предстояло главное - подобрать людей.

Бесчастнов и руководство группы понимали: традиционные методы отбора, принятые в КГБ, не годятся. Подразделение уникальное и методы отбора должны быть уникальными.

Легко сказать, а что конкретно могли предложить вчерашний начальник погранзаставы майор Бубенин или его зам - офицер 7-го правления КГБ Ивон? Никто из них ничем подобным правде не занимался. Опыта, что называется, ноль. И взять его негде.

Майор Бубенин не мог подобно Беквиту - создателю и командиру американской группы "Дельта", съездить на стажировку в отряд специальных английских сил

САС и, переняв лучшее, внедрить методы у себя. Ему не пришлось выезжать даже из Москвы. Андропов хоть и разрешил набирать людей из штата всего комитета, но одним из условий для закрепления в группе будущего сотрудника была московская прописка.

Полковник Чарльз Беквит так пишет о подборе кандидатов в "Дельту": "В поисках подходящих людей наши офицеры объездили почти всю страну. Они побывали в Беннинге и Худе, Леонардвудде и Карсоне, Белвуаре, Стюарте и Тивенсе. Они не пропускали даже маленького военного поста. Дважды побывали в армиях, дислоцированных в Европе. Это была очень тяжелая работа. Мы искали самых надежных людей".

В группу "А" также искали самых надежных. И выбор, тем не менее, оказался достаточно широк. Несмотря на некоторые ограничения, приемная комиссия имела потенциальную возможность из тысяч сотрудников КГБ взять себе лучших. Не забудем: подразделение создавалось в 1974 году. Андропов находился на своем посту уже восемь лет. К тому времени он превратил опальный во времена Хрущева комитет в мощную и всесильную организацию.

Неоспорим и тот факт, что офицеры безопасности занимали особое место в государстве: значительно более высокая зарплата, различные льготы, о которых не могли мечтать ни прокурорские работники, ни сотрудники МВД и даже армии, в ту пору столь же крупной и влиятельной структуры. Что бы ни говорили сейчас о КГБ 70-х годов, служба там считалась престижной. Карательные функ

ции тщательно скрывались, а молодежи цветисто преподносилась романтика чекистской службы. Поэтому справедливости ради следует сказать недостатка в людях, желавших стать сотрудниками государственной безопасности, не было. Шли сюда не худшие.

Сегодня весьма популярна мысль, которую всячески поддерживают и подогревают некоторые средства массовой информации о том, что КГБ якобы пополнялся за счет людей ущербных, в прошлом завербованных и работавших на комитет из страха, различной масти стукачей. Мысль наивная с точки зрения профессионалов. Стукачи нужны там, где они нужны, то есть за пределами штата. А в самом штате необходимы работники не глупые, думающие, образованные.

И если заводские, фабричные, институтские коллективы в свое время и в милицию рекомендовали лучших, то что уж говорить о КГБ. У него были несравненно большие возможности. Иное дело, что потом энергия и ум специалистов направлялись порой на дела не совсем благовидные. Но это уже другой разговор. В данном случае, в группе "А", они направлялись на борьбу с терроризмом.

У Бубенина, в отличие от Чарльза Беквита, не было возможности провести компьютерный анализ предполагаемых кандидатов, оставалось положиться на опыт комитетских кадровиков и, как ни странно звучит, на знакомства. Многие оказались в группе благодаря протекционизму командиров, поскольку те имели

большой стаж работы в "семерке" и достаточно хорошо знали сотрудников своего управления. Каждый, кто желал "порадеть родному человечку", как выражался известный литературный герой, понимал, что ему лично придется идти под пули террористов плечом к плечу с этим самым "родным человечком". А кому не дорога собственная жизнь?

И второе обстоятельство - группу "А" вряд ли можно назвать "теплым местечком". Огромные физические нагрузки, постоянный тяжкий труд, а в конце пути, как пел Высоцкий, "плаха с топорами". Так что "порочный" метод оказался как нельзя кстати.

Когда-то, формируя "Дельту", Чарльз Беквит написал объявление: "Требуются добровольцы в "Дельту". Гарантируются медаль, гроб или и то, и другое".

Нечто подобное могли предложить своим будущим бойцам и руководители группы "А". Они, конечно, пытались "выбить" некоторые льготы, но те были столь ничтожны, что вряд ли могли служить приманкой любителям материальных благ.

Сюда шли бессеребренники, люди мужественные, готовые не за деньги, но ради идеи, ради спасения других пожертвовать собою. Потом, с годами, мысль о самопожертвовании при спасении заложников станет одной из основных и обретет свою страшную реальность.

Однако, когда Беквит обещал добровольцам, вступающим в "Дельту", гроб, он твердо знал: случись подобное, семья погибшего будет хорошо обеспечена, а при ранении или увечья инвалид получит пенсию, которая обеспечит ему достойную жизнь.

А у нас? Что делать с бойцом группы "А", если он в конце своего пути останется инвалидом? Только одно: отправить на мизерную пенсию и тем самым обречь и его и семью на жалкое существование. А ведь группа реально столкнулась с этой проблемой уже в 1979 году, когда после штурма дворца Амина в Афганистане несколько бойцов получили тяжелые ранения.

Счастье, что тогда начальником 7-го управления был Алексей Дмитриевич Бесчастнов, фронтовик, человек большой души, который и заступился за инвалидов, ходатайствовал за них перед Андроповым. Они остались в кадрах КГБ. Некоторые служат и сейчас, поскольку их феноменальный опыт нужен другим.

Но окажись на месте Бесчастнова кто-либо другой, скорее всего инвалиды-альфовцы были бы там же, где сотни афганцев, подобных им: в отставке, в запасе, на жалкой пенсии. Ведь никакими законодательными актами их дальнейшее пребывание на службе, увы, не предусмотрено. Еще хуже обстояло дело с семьями погибших.

В Афганистане группа "А" потеряла двоих своих сотрудников. Но ведь и в "мирное" время работа альфовцев связана с постоянным риском и, как это ни горько сознавать, возможны потери - пули террористов ничем не отличаются от

пуль моджахедов. К глубокому сожалению, такой сложный вопрос не удалось проработать в период формирования группы и определения ее статуса.

Хотя, откровенно говоря, негоже становиться в позу судьи, зная, как создавалась группа. Задним числом мы все умны. Михаил Михайлович Романов признался мне, что были и у них попытки предугадать судьбу людей подразделения, заглянуть вперед - выпросили сотрудникам немножко повыше оклад да льготное начисление срока службы - день за полтора. Чтобы понять, скольких трудов это стоило, надо окунуться в ту эпоху. О большем тогда не приходилось и мечтать.

Да они и не мечтали, считая, что вполне достаточно того, что есть. Более важным было другое - какая впереди работа. Хотелось службы интересной, боевой. На отборочной комиссии лейтенанту Анатолию Савельеву сказали лишь одно, что работа, которую ему предлагают в группе "А", будет интересней прежней. Правда, при этом добавили - и опасней. Но это уже не имело значения, Анатолий дал согласие.

Так что же за люди пришли в подразделение? Прежде всею, спортсмены. Группа комплектовалась из числа высокоподготовленных в физическом и профессиональном отношении сотрудников КГБ.

Как правило, офицеры и прапорщики имели высшее или среднее специальное образование.

Чарльз Беквит в своих воспоминаниях пишет, что при проведении тестов с кандидатами в "Дельту" он "был шокирован неинформированностью солдат". Он задавал такие, например, вопросы: "что вы думаете о разногласиях между Президентом Труменом и генералом Макартуром во время корейской войны, кто из них был прав и почему?" Ответом чаще всего было унылое молчание.

Экзаменовывать наших сотрудников не было необходимости. Теоретически они подковались крепко. Валерий Емышев, к примеру, пришел в группу после окончания высшей школы КГБ, имел юридическое образование, Анатолий Савельев закончил авиационный техникум и педагогический институт.

Руководителей интересовали тесты на физическую подготовленность. И потому, естественно, в составе группы "А" собрались в подавляющем большинстве перворазрядники, кандидаты и мастера спорта, чемпионы управления Комитета государственной безопасности города Москвы и даже страны. Так, мастер спорта Глеб Толстик, сотрудник группы "А", был чемпионом страны по боксу, участником Олимпийских Игр.

Но и при особой важности физподготовки, других специальных дисциплин, таких как ведение огня из всех видов оружия, вождение автомобилей и бронетанковой техники, на первое место при отборе кандидатов в группу ставилось "наличие головы". Этот шуточный термин стал определяющим. Речь шла об умении мыслить оперативно, безошибочно принимать решения, быстро и наверняка действовать при их выполнении.

Да, со временем у группы появилось психологическое и медицинское обеспечение, собственные разработки, изучался и применялся зарубежный опыт. И все-таки, какие инструкции ни пиши, какими специалистами ни обставляя сотрудника, в операции, лицом к лицу с преступником, он всегда один. И чаще всего помочь ему не могут ни начальник, ни старший товарищ.

В Уфе, в 1986 году, вооруженными преступниками был захвачен самолет Ту-134 с 76 пассажирами на борту. Террористами оказались двое военнослужащих. Нечто подобное случилось и чуть раньше, в Сарапуле Удмуртской АССР. Тогда довольно легко удалось переиграть преступников, тоже солдат. Однако жизнь непредсказуема. Теперь это были не просто молодые парни в погонах, и самолет они захватили не случайно. Они оказались своего рода "специалистами", службу проходили в составе нештатной антитеррористической группы подразделения внутренних войск, специально готовились, изучали устройство самолета - все выходы, входы, люки и лючки. Им не составило труда перекрыть практически все пути проникновения в авиалайнер, да еще при наличии такого мощного оружия как пулемет и автомат. Они были почти неуязвимы. Ситуация, что называется, нештатная. Думай, группа "А", думай.

Кстати говоря, за все время деятельности группы штатных ситуаций практически не было. Жизнь ломает самые тщательно отработанные планы в первые же минуты операции.

В Сухуми в 1990 году при взятии захваченного преступниками изолятора временного содержания микроавтобус "РАФ", в который погрузились террористы, должен был остановиться сразу, после взрыва. На такой "ход" и просчитывалась вся операция, но "РАФ" прокатился метров пятнадцать-двадцать. А ведь каждая секунда, каждый метр его движения может быть оплачен человеческими жизнями. И вновь думай, "Альфа", думай, действуй только наверняка. Ошибка недопустима, однако, увы, случаются и ошибки.

В Ленинграде 8 марта 1988 года семья Овечкиных захватила самолет Ту-154, следовавший рейсом Иркутск-Курган-Ленинград. Первые сведения, которые поступили на землю, показали местным руководителям КГБ и ГУВД не такими уж страшными. Женщина с детьми, подросток с обрезом, мифическое взрывное устройство... Когда переговоры зашли в тупик, решили начать штурм. Какими силами? Собственными. К чему им "Альфа", они сами с усами.

Действия штурмующей группы были исключительно непрофессиональны, непродуманы, прямолинейны. Помните "альфовский" термин о "наличии головы"? Трагические события в Ленинграде подтвердили его жизненность. В ходе штурма погибли, оказались искалеченными несколько человек, сгорел самолет.

Ленинградская пресса потом страстно анализировала события, пытаясь найти виновников, а вместе с ними и ответ на волнующий всех вопрос: почему это случилось, в чем главная причина трагедии?

Мне кажется, она не в конкретных ошибках руководства операцией или неподготовленности штурмовой группы. Причина иная.

Сегодня дилетант, даже самый талантливый, не может соперничать с террористами. Нельзя заниматься этими вопросами, так сказать, частично, на уровне смежной специальности. Человек, посвятивший себя борьбе с терроризмом, должен отдать ей всю жизнь, он обязан быть профессионалом. Ибо цена его ошибки несоизмерима ни с какой другой.

Набирая первую "тридцатку" в группу "А", Алексей Дмитриевич Бесчастнов не мог предвидеть, но интуицией чувствовал: подразделение должно заниматься только борьбой с террористами. И потому хотел видеть в группе лучших из тех десятков тысяч, которыми в ту пору располагал Комитет Государственной Безопасности СССР.

Сегодня можно с уверенностью сказать: он и руководство группы не ошиблось в подборе людей - первая "тридцатка", созданная в 1974 году, стала костяком элитарного, высококомандного, боевого подразделения, которому (можно смело утверждать) под силу выполнение любых, в том числе сложнейших задач, связанных с терроризмом и организованной преступностью.

Волей председателя Комитета государственной безопасности группа "А" родилась. Тридцать сотрудников зачислены в ее штат. Ребята боевые, спортивные, полные энергии и веры в себя. В своих прежних подразделениях они были лучшими. О прошлой работе знали все или почти все. Теперь пришлось начинать с нуля.

Михаил Михайлович РОМАНОВ, заместитель начальника группы "А"

- Жили мы на правах бедных родственников. Когда создается новое подразделение, резервных помещений, конечно же, нет. Потеснился один из отделов, и кое-как разместились. Дежурная смена спала на раскладушках. Негде было хранить оружие. Учебный процесс выглядел куцо. Но коллектив подобрался хороший, ребята что надо, с жизненным и чекистским опытом.

А мир тем временем сотрясали сообщения об угоне самолетов, о захватах террористами заложников. Надо было спешить.

Роберт Петрович Ивон, мой коллега, тоже заместитель начальника, кадровый офицер, занимался разработкой и проведением тренировок, учений, полевых выходов, я же тащил свой участок: физическую и специальную подготовку.

Что за группа антитеррора, которая не знает, как нейтрализовать террористов и освободить заложников в самолете, в доме, в автобусе, в железнодорожном вагоне? Сперва надо было разработать модель освобождения, иметь соответствующее вооружение, оптику, спецбоеприпасы - химические, осветительные, взрывные.

Помнится, одной из первых наших разработок было создание автобуса-ловушки. Известно, что террористы для доставки в аэропорт требуют, как правило, машину

или автобус. А если по дороге их усыпить? Определенная доза газа подается в салон - и мы их берем, что называется, "тепленькими", не успевшими опомниться.

Идея была привлекательная, что и говорить. Вот только на пути к ее осуществлению пришлось столкнуться с массой проблем. Нам удавалось усыпить подопытных животных (для этого использовались три обезьяны и две кошки) на 5-7 минут. Но успеем ли мы за такое короткое время нагнать автобус и взять террористов? Ведь группа захвата следует всегда несколько позади, чтобы ее не обнаружили.

А если потеряем из виду автобус и террористы, очухавшись, поймут в чем дело и расправятся с заложниками?

Были проблемы и сугубо технического характера. Как, например, в салоне погасить шум выхода газов? Да, замаскировать под шум работающего двигателя. Но оказалось, сделать это практически очень трудно. Так и осталась наша идея неосуществленной.

С первых шагов группы мы столкнулись с вопросами концептуально-правового подхода. В борьбе с террористами некоторые страны, такие как Аргентина, Колумбия, Турция, считают нецелесообразным вступать в переговоры с террористами. По их мнению, в случае захвата заложников, надо осуществлять операцию с применением силы.

Мы избрали другой путь, считая эффективным разрешением конфликта проведение переговоров, иногда идя и на частичные уступки.

Перед группой поставили задачу - использовать боевое оружие только в исключительном случае. Эта концепция перевернула все наши взгляды на роль вооружения. Теперь мы нуждались в принципиально новом оружии - газовом, например, которое приобрели за рубежом. Однако в ту пору у нас не было опыта его применения.

Какой тут выход? Попробовать на себе. Помнится, мы перевели на русский язык инструкцию. Внимательно прочли ее. Если попал под выстрел как лучшее успокоительное средство инструкция рекомендовала воду. Вода так вода. Разделись с Ивоном до трусов и устроили дуэль на газовых пистолетах. Дозы небольшие. Выстрелили друг в друга и бросились под воду. А она, оказывается, когда попадает на кожу после выстрела, вызывает страшную резь. Такое впечатление, что все, приходит конец, прощайся с жизнью.

Позже, в ходе тренировок поняли: оружие для нас не очень подходящее: сквозняков боится, встречного ветра. А под самолетом или на крыле, кто же может гарантировать отсутствие ветра? Так что пришлось искать замену "газовикам".

Вообще, причина всех наших мучений - отсутствие учебно-тренировочной базы.

Допустим, какие-то теоретические занятия можно провести и в кабинете. А постоянные стрелковые тренировки? Без тира не обойтись. Необходимы и другие помещения. Как устроить тренинг по теме - бой в доме? Там ведь и тактика действий имеет свои специфические законы, и стрельба совсем иная, и проникновение в дом, и многие другие элементы.

А в чужой тир то пускают, то не пускают, то в одни часы, то в другие. В общем, все шло с мерзким скрипом...

Неизбежно встал вопрос с транспортом. Одно дело - выехать на стрельбище, другое - мчаться по боевой тревоге. Тут и скоростные машины нужны, и водители экстракласса, виртуозы. Их ведь тоже где-то обучать надо - не в школе же ДОСААФ.

Не последнее дело экипировка. Она должна была полностью соответствовать нашим жестким требованиям. Пришлось пересмотреть буквально все, во что одеваются солдаты и офицеры Вооруженных Сил, КГБ, МВД.

Многое позаимствовали у летчиков, удобными оказались комбинезоны летных техников, кожаные куртки, сапоги. Спасибо, армия всегда шла навстречу: обувала, одевала.

Не было проблем и со штатным вооружением. Стрелковые упражнения рассчитаны на применение практически всех видов оружия - пистолета Макарова, автомата Калашникова (всех его модификаций), пулемета, снайперской винтовки Драгунова и даже крупнокалиберных пулеметов Владимирова.

Для ближнего боя использовался автомат "Скорпион". Конечно, были у нас и другие иностранные марки, но они оказались хуже наших. К тому же для них нужен запас патронов. И ведь именно для штатного оружия подогнана кобура, комбинезон. Словом, в применении зарубежных "образцов" больше хлопот, чем пользы.

Хотя, признаться, я очень любил американскую винтовку М-16. Бой у нее прицельный. Не хвалясь, скажу, что с оптикой на 100 метров попадал в круг немногим больше пятака.

Но это что касается штатного оружия. Если же говорить о спецоружии, его разработка и внедрение растягивались на годы. Нет, оно создавалось, но не для нас. Мы порою с трудом пробивали себе несколько единиц. У нас ведь как: хотите - берите партию пять тысяч штук, а сотню кто будет делать?

Кстати говоря, рядовые сотрудники НИИ всегда относились к нашим просьбам с открытой душой: помочь, подсказать, рассчитать - пожалуйста. А вот начальство морщило лоб: "Вы у нас не в плане..." И хоть головой об стену.

Помню, как мучительно долго решался очень важный для нас вопрос о создании титанового бронежилета, который позволил бы приблизиться к мине или

предполагаемой взрывчатке, заряду, рассмотреть их, а возможно, и нейтрализовать.

Наша страна - морская держава, и потому в составе группы "А" было создано подразделение для борьбы с подводными диверсантами и террористами. Готовили людей на Балтике, на Кубе. Разрабатывали свои программы, кое-что позаимствовали у кубинцев.

Конечно, с завистью смотрели на зарубежные группы подобного типа, западногерманскую ГСГ-9, например. Но что сравнивать несравнимое? У них и штат иной, и обеспечение. Под Бонном своя резиденция, учебная база, которая нам и не снилась. Транспорт сверхнадежный - автобусы, скоростные автомобили "мерседес", специально изготовленное вооружение. Интересно, что огонь автомата шмайстер последнего выпуска, которым вооружена ГСГ-9, я ощутил на себе, в Афганистане при штурме дворца Амина. Автомат принадлежал одному из телохранителей Амина и оказался моим боевым трофеем.

Вот таким было наше начало...

Помните старую веселую частушку: "Поменяли хулигана на Луиса Корвалана"? В середине семидесятых она была популярна в народе. Теперь мы доподлинно знаем: в декабре 1976 года Советский Союз обменял известного диссидента Владимира Буковского на генерального секретаря коммунистической партии Чили товарища Лучо.

Обменяли их в Цюрихе. Но как - доселе неизвестно. Приехавший в Москву через пятнадцать лет Буковский в телеинтервью обмолвился о людях, которые сопровождали его из Владимирской тюрьмы и потом за границу, но кто они, оставалось гадать. Ни имен, ни фамилий Буковский не знал, да и знать не мог.

А люди были из "Альфы". Операция по обмену диссидента стала своеобразным дебютом группы. Правда, за эти два года их несколько раз поднимали по тревоге: студенты блокировали эфиопское посольство, устроили демонстрацию у диппредставительства африканского государства Того. Требовали повышения стипендий. Сначала их уговаривали, а потом заходили в посольство, выводили на улицу, упирающихся просто брали на руки, выносили, рассаживали в автобусы. На этом борьба с "террористами" закончилась. Еще двое сотрудников были в командировке в Ливане, обеспечивали безопасность посла. Но разве о таком мечтали бойцы группы антитеррора?

Хотелось настоящей боевой работы. Два года только и занимались тем, что стреляли, бегали кроссы, водили машины, прыгали с парашютом, действовали на учениях в качестве разведывательно-диверсионной группы.

Всякий раз, когда в подразделение наведывался генерал Бесчастнов, терзали шефа "семерки". Тот пытался успокоить: мол, не спешите, ребята, на ваш век работы хватит. И всякий раз повторял: главное, чтобы вы были готовы к работе, всегда, в любое время дня и ночи. При этих словах бойцы всегда шумели,

пытаясь затащить Алексея Дмитриевича в тир, где на деле доказывали, что стрелки они отличные. И в стойке, и с колена, и в падении цели поражали отменно.

Бесчастнов удовлетворенно кивал, улыбался, но упрямо гнул свое. А однажды заставил призадуматься, спросив: как они считают, умеют ли стрелять снайперы западногерманской антитеррористической группы ГСГ-9? Сомнений не было, группа считалась одной из лучших в мире.

- Значит, вы признаете, что их ребята стреляют так же лихо? усмехнулся генерал.

Получив утвердительный ответ, он задал главный вопрос: - Тогда почему на Олимпиаде в Мюнхене два немецких снайпера, державших террористов на прицеле, не смогли выстрелить?

Действительно, почему? Оказывается, мало уметь метко и быстро стрелять, надо быть еще и психологически готовым. Ведь террорист тоже человек, не робот. Значит, надо быть психологически готовым убить человека... Того человека, который ставит себя вне закона. Жестоко? Нет, гуманно. В высшей степени гуманно. Ибо речь идет о чудовище в человеческом обличье, которое угрожает детям, как в Орджоникидзе, или убивает несколько человек подряд, как в Тбилиси. И все же вопросы остаются. Искать на них верные ответы учит старый генерал, опытный контрразведчик Бесчастнов. Ах, как он окажется прав!

Пройдут годы, бойцы группы с улыбкой вспомнят свое нетерпение. Но это будет потом. А сейчас им предстояло выполнить конкретное задание обменять Корвалана на Буковского. Никто из четверых, кому поручено проведение операции - Ивон, Берлев, Леденев и Коломеец - за границей, в том числе и в Цюрихе, никогда не бывали. Да и многочисленные начальники, которые инструктировали бойцов группы "А", сами не очень представляли, как осуществится обмен. Общие слова и призывы к постоянной бдительности, предупреждения о возможности провокаций только нагнетали нервозность.

...Для полета в Цюрих Андропов дал свой самолет. Ту-134 ждал Буковского и сопровождающих его сотрудников группы в Чкаловском. Накануне Буковского забрали из Владимирской тюрьмы и перевезли в Лефортово.

Утром 17 декабря за ним приехали. Из камеры вывели бледного, щупленького мужчину. В тусклом свете тюремных ламп лицо Буковского напоминало серую гипсовую маску и только глаза были живые, тревожные... О чем он думал в те минуты, диссидент, "хулиган", непроходящая головная боль советской верхушки? Об обмене, о будущей эмиграции, о стране, которую покидает. Она не очень приветлива была к нему - тюрьмы да лагеря, и все-таки его Родина.

А может, размышлял о человеке, который ждал его в конце коридора с наручниками? Может быть...

Буковский протянул руки, на запястьях щелкнули металлические обручи. Он слегка поморщился. Берлеву стало жаль арестанта.

- Давят, что ли?

"Пожалел волк овцу", - подумал, небось, Буковский, но все-таки нехотя кивнул:

- Давят...

Николай Васильевич достал из кармана носовой платок, разорвал пополам, подмотал под наручники. Буковский чуть заметно усмехнулся:

- Я еще вчера понял, что вы не из милиции.

- То есть как - не из милиции? - пытался сыграть искреннее удивление Берлев, окинув взглядом свою новую, с иголки, милицейскую форму.

- Нет, - упрямо качнул головой Буковский, - воспитание другое. Эти за пять лет со мной ни разу не поздоровались. А уж чтоб посочувствовать... Голос его сорвался.

Они вышли в тюремный дворик, сели в "рафик". Берлев и Ивон рядом с Буковским, Леденев и Коломеец - напротив. Теперь путь лежал в Чкаловское. По дороге забрали мать и сестру Буковского, потом племянника. Мальчик лежал в онкологическом отделении больницы, был тяжело болен, но диссидент настаивал: племянник должен лететь с ними.

Разрешение получено, и бойцам группы "А" оставалось лишь исполнить свою миссию: доставить Буковского в Цюрих, а оттуда забрать Корвалана.

Вылетели ближе к полудню. После пересечения границы Берлев снял с Буковского наручники, предложил перекусить.

Они сидели друг против друга, по существу, враги - бледный человек с гипсовым мальчишеским лицом, всю жизнь посвятивший борьбе с государством, которое всю жизнь защищал Берлев.

Что он знал об арестанте, которого сопровождал? Почти ничего. Разве только, что тот просидел по тюрьмам двенадцать лет, что антисоветчик и диссидент. Чего добивался Буковский, ради какой высокой цели променял нормальную жизнь на лагерные нары? А может, она стоит того, его идея?

Никогда прежде не было у Николая Берлева сомнений: чему учили в школе, тому и верил, в армии - тоже верил. Дай как не верить: ему, простому сельскому пареньку с Дона, довелось нести службу на посту N 1, у Мавзолея Ленина и Сталина. В 59-м стоял, в 60-м. Каждый день офицеры твердили о том, какая это высокая честь - охранять тела вождей. Но грянул 1961-й, XXII съезд партии, и оказалось, что охранял он вовсе не вождя, а кровавого тирана. О, теперь на политзанятиях в их роте офицеры говорили совсем другое!

И Берлев больше не верил. Не только офицерам, говорившим сначала одно, потом другое. Он не верил никому. Вспоминал, как в их карауле случилось ЧП: кто-то из посетителей пронес и бросил в сталинский саркофаг булыжник. Нарушителя скрутили. Как ненавидел часовой, Николай Берлев того человека,

который посмел поднять руку на, как казалось тогда, святое! А может, это был сын невинно расстрелянного или замученного в сталинских лагерях?

Поэтому прежде, чем ненавидеть, он хотел понять. Правда, такое не всегда удается. Помнится, когда пришло время перезахоронить Сталина, поразил его не мертвый тиран, для которого Николай с товарищами по роте рыл могилу, а живой его соратник, Анастас Микоян. Тот отказался даже войти в Мавзолей, проститься с вчерашним кумиром. Лишь махнул рукой. Солдаты срезали маршальские погоны, золоченые пуговицы, сняли звезду Героя, вынесли труп и закопали. Не было ни дальних, ни близких родственников Сталина. Присутствовали комендант Мавзолея, дежурные офицеры, да вот они солдаты кремлевского полка. Той же ночью имя "Сталин" на Мавзолее заложили плитой ДСП и закрепили клеенку, под цвет мавзолейного мрамора. Теперь на плите читалось одно имя вместо привычных двух. Солдат отпустили в казарму.

Берлев тогда ворочался всю ночь: хотелось спать и никак не уснуть. Опять привиделся Микоян, небрежный взмах руки, словно хоронили не человека, с кем Анастас Иванович прошел революцию, гражданскую войну и до самой смерти был рядом, а так, никому неизвестного бродягу. Неужто только теперь у Микояна, как у двадцатилетнего сержанта Коли Берлева, открылись глаза? Разве он раньше ничего не знал? Или знать не хотел, боялся?

Вот и сейчас Берлеву говорили, что Буковский просто псих, ненормальный. А завтра скажут наоборот, как тогда, в 61-м?

От раздумий его оторвал голос Ивона.

- Подлетаем, - сказал он, и в ту же секунду качнулся и вздыбился горизонт огней за иллюминатором. Самолет заходил на посадку.

Не успели пилоты заглушить двигатели, как у трапа тормознула "скорая помощь" - шикарный "мерседес", весь в мигающих огнях. С борта самолета перенесли в машину больного мальчишку. "Мерседес" взвыл сиреной и рванул на выезд из аэропорта.

Лайнер был окружен вооруженными швейцарскими полицейскими. Ивон прикинул: человек семьдесят, не меньше.

- Многовато что-то, Дмитрий, - наклонился он к Леденеву.

- Уважают, Роберт Петрович, - мрачно пошутил тот.

- Кого? Нас или Буковского?

Леденев не ответил: к самолету через летное поле приближался огромный автомобиль. Такие машины приходилось видеть лишь в заграничном кино. Сверкая черными сияющими боками, он резко затормозил.

- Ну вот и Корвалан, - сказал с облегчением Ивон, узнав среди покинувших машину генерального секретаря и его жену. Теперь оставалось проводить Буковского. Однако тот отказался выходить из самолета.

- Это же американцы! Мы хотим в Швейцарию, а не в Америку. Я протестую...

Корвалан с женой уже поднялся в самолет, в передний салон, а Буковский не соглашался покидать борт.

Внизу у трапа произошло замешательство: Корвалан в самолете, а Буковского нет. Люди, приехавшие в лимузине, выхватывают автоматы и окружают Дмитрия Леденена: "Господин Буковский! Господин Буковский!"

Леденев отбивается, пытаясь жестами объяснить, что он не тот, за кого его принимают.

Через командира корабля Ивон связывается с центром: Корвалана забрали, а Буковский выходить не хочет, оба на борту, что делать? Говорят, когда сообщили Андропову, он долго смеялся: опять "голоса" поднимут вой: вероломный Кремль обманул доверчивых американцев.

Было приказано успокоить Буковского и передать, что все идет строго в соответствии с договоренностью. Насилу удалось убедить. Наконец, он с родственниками покинул борт самолета, блокада была снята, люди с оружием исчезли. Поступил приказ: "На взлет!"

Командир экипажа сообщил: летим в Минск. Теперь заволновался Корвалан. Поначалу думали, что беспокойство связано с изменением маршрута, оказалось, дело в другом. Советское руководство приняло решение: после обмена в течение суток никаких заявлений не делать. Но Корвалан возражал: "Как же так, исчез, а куда?" Доложили в Москву. Вскоре было дано "добро" и Корвалан с борта самолета сделал заявление для печати.

В полете Берлев передал ему фотографию из журнала "Советский экран", где генеральный секретарь был изображен в национальной одежде, попросил автограф. Корвалан с удивлением рассматривал фото, потом написал несколько слов для Николая Васильевича.

В Минске они доставили Корвалана по назначенному адресу и поездом возвратились в столицу. На Белорусском вокзале их встречал генерал Бесчастнов.

Особая палка КГБ. Секретно. Экз. ед.

"28 марта 1979 года в 14.30 неизвестный гражданин в сопровождении второго секретаря посольства США Р. Прингла пришел в консульский отдел посольства Соединенных Штатов Америки. Через 35 минут стало известно, что проникший в посольство гражданин требует у американцев разрешения на выезд в США, в случае отказа угрожает взорвать находящиеся у него 2 килограмма тола.

После переговоров с неизвестными официальными представителями посольства высказали просьбу сотрудникам охраны диппредставительств, чтобы они с имеющегося согласия посла Туна любым способом убрали гражданина из посольства. В 15.35 к зданию прибыли 5 сотрудников спецподразделения 7-го управления КГБ."

...Террорист читал стихи. Левая рука его лежала на поясе, палец продет в кольцо взрывного устройства. Сотрудник группы "А" Михаил Картофельников видел, как побелел сустав, передавленный металлом, но преступник словно забыл о руке. Он самозабвенно, прикрыв припухшие веки, читал:

Язвы мира век не заживали:

Встарь был мрак - и мудрых убивали,

Ныне свет, а меньше ль палачей?

Пал Сократ от рук невежд суровых,

Пал Руссо... но от рабов Христовых

За порыв создать из них людей!

В иной обстановке могло показаться, что на лестничной клетке собралось пятеро друзей. Обступили одного, а тот, увлеченный поэзией, радуется прекрасными стихами. Увы, события были далеки от поэтической идиллии.

Любитель стихов - Юрий Власенко пришел в посольство США не на вечер изящной словесности. Угрожая самодельным взрывным устройством, он требовал самолет и крупную сумму денег. Хотел, чтобы его вывезли на посольском автобусе в аэропорт, где должен был ожидать готовый к отлету авиалайнер.

Переговоры результатов не дали. Власенко запрещал к себе приближаться, лишь вновь и вновь повторял свое требование.

Попытка выкурить его из посольства с помощью шашек со слезоточивым газом тоже оказалась неудачной. То ли газ на него не действовал, то ли перепутали расположение комнат на этаже и швыряли не в то окно. В общем, сами наплакались вдоволь, а Власенко хоть бы что.

Решили пойти еще раз на переговоры. Долго прикидывали, что да как, спорили. Как всегда в таких случаях, было много начальников, различных команд, советов. Но советы - советами, а дело на контроле у председателя комитета. Председатель торопил - надо было принимать решение.

У окна кабинета, где находился террорист, бесменно дежурили Михаил Романов и Сергей Голов. Они надежно перекрыли, по существу, единственный путь отхода террориста.

...Ивон назвал троих - Филимонова, Шестакова и Картофельникова. "Ты, ты и ты - за мной!" Вчетвером они поднялись на нужный этаж.

- Эй, мужик! - играя под простачка, крикнул в открытую дверь Ивон, иди, поговорим...

- А ты кто такой? - на пороге стоял Власенко. Рубашка, свитер, поверх свитера широкий самодельный пояс, в нем тротил: 2 килограмма. Запас взрывчатки немалый, не дай Бог рванет - все они в одно мгновение покойники.

Рука террориста на кольце. За всю их длинную беседу он ни на мгновение не снял руки с кольца.

- Вы откуда? - спросил Власенко.

- Да мы военные. Наша часть здесь, по-соседству, - ответил за всех Ивон.

- Звание у вас какое?

- Звание? - удивленно переспросил заместитель начальника группы, старшина я, а ребята...

Двое представились сержантами, Картофельников - рядовым. Власенко усмехнулся:

- Что ж с вами говорить, хлопцы. Вы же ничего не решаете... И вправду, стоит ли тратить время на старшину и сержантов? Вот так пассаж. Повернется сейчас и уйдет - и весь разговор. Однако Власенко не уходил. То ли вполне миролюбивый простецкий вид армейских "сверхсрочников" подкупил его, то ли нервы сдавали - поговорить захотелось, но он обратился к стоящей четверке:

- А я-то думал, "митьки" набежали.

- Кто-кто? - переспросил Филимонов.

- Да "митьки", говорю, - милиция.

Он опустил голову, оглядел пояс, палец на кольце, потом медленно, словно прощупывая, прошелся по ногам, добрался до лиц стоящих перед ним людей.

- Если у меня туг ничего не получится, пойду и взорву "митьков".

- Да что ты, Юра, - сказал кто-то из группы. Власенко помолчал, глядя в лицо возразившего, а потом спросил:

- Тебя били когда-нибудь в милиции?

- Нет...

- А меня били. Ногами. Как мяч футбольный, катали. Установилась тишина. Ивон и его подчиненные понимали: их жизнь, безопасность посольства в руках этого человека. Надо было раскатать парня, может, удастся уговорить сдать свою "игрушку".

Посочувствовали. Вместе поругали "митьков". Стали отоваривать, мол, брось ты это дело, Юра. Пойдем, сядем как люди, выпьем, поговорим. Спросили: тебе чего надо-то?

- Да ничего особенного, - загорелись глаза у Власенко, - учиться в институте хочу, два раза поступал, и никак. Квартиру бы в Москве выхлопотать.

Картофельников смотрел в сияющие глаза Власенко и думал: да, этот человек - преступник, один неверный шаг - и он утащит в преисподнюю десятки людей. Но не родился же он таким. Неужто только теперь пришло время выслушать этого парня, когда ни у него, ни у них, по существу, нет выбора. Кто они - те люди, которые били его ногами, поправ закон и мораль, кто они, из года в год не принимавшие его в институт? Может, все обстояло и не совсем так, как он рассказывает, но почему же на его пути так и не нашелся человек, который понял бы, выслушал, помог? И не нужен был бы тротил.

И снова, неожиданно для всех, Власенко стал читать стихи. Хорошие были стихи. Картофельников и сам когда-то в институте увлекался Шиллером. Но никогда не думал, что услышит стихи здесь, в американском посольстве, на лестнице, пребывая чуть ли не в роли заложника.

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,

И сердце ветрами продуто.

Веселье и молодость брагой кипят,

Ловите святые минуты,

Ставь жизнь свою на кон в игре боевой,

И жизнь сохранишь ты, и выигрыш - твой!

А с нижнего этажа знаками показывали: мол, время, время... Власенко на уговоры не поддавался; правда, расчувствовался настолько, что предложил выпить. В комнате у него стояла початая бутылка коньяка - то ли американцы поднесли, то ли осталась от хозяев кабинета.

Ивон с ребятами отказался, и Власенко выбросил бутылку в окно. На улице это не осталось незамеченным. Романов кивнул Голову:

- Смотри, Серега, бутылка вылетела. Давай-ка залезай, глянь в окно.

Голов подтянулся, встал на подоконник, осторожно заглянул в окно:

- Михалыч, вижу!

Романов доложил руководству. Поступила команда: когда Ивон с ребятами оторвутся, ранить Власенко.

Но оторваться не так просто. Теперь уже по всему было видно: террорист сам не сдастся. Однако стихи и душевная беседа, видимо, несколько успокоили Власенко.

- Ладно, - сказал он, - вы мне понравились, ребята. Я не буду вас взрывать.

Как говорят, и на том спасибо. Сотрудники группы "А" едва успели сбежать вниз, как прозвучали выстрелы, а следом за ними взрыв. Раненый террорист выдернул чеку.

Сработала часть заряда, и все-таки взрыв был сильным, вынесло оконную раму и металлическую решетку в окне.

Когда сотрудники во главе с Ивоном вновь вбежали в кабинет, Власенко без чувств лежал на полу. Рядом горел диван. Они пытались сбить пламя. Кто-то из американцев услужливо сунул в руки Картофельникова огнетушитель. Михаил ожидал увидеть мощную струю пены, но огнетушитель лишь зашипел и на издыхании выплеснул пар. "Вот так Америка, - удивился он тогда, - совсем как у нас".

Впрочем, через несколько минут все было кончено. Власенко отправлен в больницу на "скорой помощи". По дороге он скончался.

На следующий день Михаил Картофельников прочитал заметку в "Известиях". Неизвестный автор Н. Волгин писал: "Кто же этот человек, поначалу столь любезно принятый в американском посольстве? Это некий Власенко К. М, не имеющий уже в течение длительного времени никаких определенных занятий.

И вот с такими людьми якшаются представители американского посольства, неразборчивые и, прямо скажем, безответственные в своих связях".

Михаил вспомнил стихи Шиллера на гулкой лестничной клетке. Глаза террориста. Побелевший палец на кольце взрывного устройства.

Действительно, кто он, этот человек?

В октябре 1979 года группа "А" скромно отметила свое пятилетие. Она участвовала в различных мероприятиях, привлекалась к оперативной деятельности, но каких-либо "громких" дел на ее счету до сих пор не было. Разве что сопровождение в Цюрих Буковского да освобождение посольства США от Власенко. Но как-то не поворачивался язык назвать такие операции настоящей боевой работой.

Пять лет для создания антитеррористической группы - много это или мало? Достигла ли профессиональной зрелости группа "А"? Вопрос, который беспокоил и руководство Комитета госбезопасности, да и командование самой группы. И никто не мог ответить на него.

Полковник Чарльз Беквит считал, что для создания "Дельты" понадобится два года. После неудачной операции западногерманской ГСГ-9 на Олимпиаде-72,

через пять лет, в Могадишо, при штурме самолета, захваченного террористами те оказались нейтрализованными, причем без единой жертвы среди заложников. И это были те же "коммандос", но на их тренировку ушло пять лет.

Ровно столько же времени на подготовку отвела судьба и группе "А". Теперь, как казалось, самое время заняться воздушным терроризмом, который к концу 70-х годов прочно "прописался" на наших авиалиниях. Захваты самолетов кончались, как правило, перестрелками, жертвами среди заложников и пассажиров. Становился очевидным разрыв между растущей профессионализацией террористов и дилетантизмом милиции и сотрудников КГБ, которые занимались освобождением захваченных от случая к случаю, как говорится, "когда грянет гром".

В 1978 году было совершено шесть попыток угона самолетов, в основном, из южных аэропортов страны.

Террорист Афонин потребовал от экипажа изменить курс на Швецию. Получив отказ, одиннадцать раз выстрелил в дверь кабины и в переборки самолета. После посадки в Пярну его задержали.

Через час после взлета Ан-24 из Грозного пассажир Махаев из пистолета ранил в ногу бортмеханика Рядченко и после посадки в Махачкале застрелился.

В 1979 году учащийся Вяншас, угрожая взрывом, пытался угнать Як-40 из Симферополя в Турцию.

При попытках угона из Новокузнецка и Анадыря застрелены двое преступников.

Однако в 1979 году руководство страны вряд ли занимали проблемы борьбы с воздушным терроризмом. Внимание КГБ было приковано к южным границам. Впервые за многие десятилетия беспокоило "мягкое подбрюшье Союза". Все чаще и чаще в секретных депешах дипломатов, в докладах резидентов КГБ и ГРУ, в Генеральном штабе и, наконец, на Политбюро звучало прежде не очень знакомое слово "Афганистан".

Пройдет совсем немного времени и наступит поистине трагический месяц в жизни двух народов - декабрь 1979-го.

В последние дни этого месяца "Правда" опубликует "Обращение правительства Афганистана".

"Правительство ДРА, принимая во внимание расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана и с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь, о которой правительство

Демократической республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза.

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны".

...Теперь нам кажется, что об афганской войне мы знаем все или почти все.

Да, афганская война - это наша биография. Биография страны. И какая бы она ни была - героическая, кровавая, позорная - такой теперь останется навсегда.

Война более многозначна, чем мир. Для одних - это подвиг, мужество, героизм, для других - позор, кровь, смерти тысяч ни в чем не повинных людей.

Будем же правдивы перед собой и историей, не станем смешивать святое и грешное, низменное и высокое. Всего хватало на этой войне, как, впрочем, и на десятках других.

Люди боятся войны, проклинают ее и вновь воюют. Самое таинственное во всем этом - начало. Как начинаются войны?

Нас отделяет более пятидесяти лет от 22 июня 1941 года, но мы до сих пор исследуем причины ее возникновения, препарлируем события, ищем ответ на вечный вопрос: кто и как?.. Как же начиналась афганская война? Кто ее начинал? Сегодня это уже доподлинно известно: десантники генерала Ивана Рябченко, "мусульманский батальон" и две таинственные группы Комитета госбезопасности под кодовыми названиями "Зенит" и "Гром".

О "мусульманском батальоне" сказано достаточно, о десантниках написал книгу сам Рябченко, а вот о группах "Зенит" и "Гром" неизвестно почти ничего, за исключением разве что фамилий первых героев, да нелепых, вздорных и зачастую грязных выдумок об их действиях на афганской земле.

Марк Урбан, автор книги "Война в Афганистане", на которую так часто ссылаются в нашей печати, утверждает: "27 декабря... к вечеру, парашютисты двинулись к центру Кабула. В 19.15 местного времени они вошли в министерство внутренних дел и разоружили его сотрудников. Другая группа... достигла дворца Дар-уль-аман".

Если бы так просто - пришли и разоружили. Нет, никто не складывал оружия. Министерство было взято штурмом.

Что же касается "другой, группы", то десантники действительно достигли дворца и даже, в азарте боя перепутав своих с чужими, вступили в перестрелку с "мусульманским батальоном", переодетым в афганскую форму.

Но к тому времени дворец уже был захвачен. Кем? Группами "Гром" и "Зенит".

"Гром" - это и есть, по существу, группа "А", "Зенит"... Впрочем, все по порядку.

В "УАЗ" начальника кафедры высшей школы КГБ полковника Бояринова набился добрый десяток преподавателей. Переезжали с одной учебной точки на другую.

Пешком шагать не хотелось, ночь, темнота, лес, под ногами сыро. Потому и решили - лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

"Гриша", как звали между собой начальника кафедры преподаватели, сидел впереди, на месте старшего машины. Ехали долго. "УАЗ" петлял в темноте лесными дорогами, выхватывая лучом фар то белые стволы берез у обочины, то глухую черноту чащобы, то кустарник прямо на пути. Офицеры уже поглядывали на часы: по времени должны были бы приехать.

- Заблудился Гриша, - шепнул чуть слышно кто-то из молодых преподавателей, - во, хохма будет...

- А ты сам на его место сядь, хохмач! - вступился за Бояринова другой.

И опять ночь, размытая дождями, едва приметная дорога. Бояринов, до этого, казалось, дремавший, встряхнулся, наклонился к водителю:

- Потише, Вася. Сейчас будет маленький поворотик, ты прижмись к левой стороне и тормозни на минутку.

- Что, Григорий Иванович, - пошутили в машине, - мину заложили?

Полковник не ответил. "УАЗ" притормозил, остановился. Бояринов открыл дверцу, взгляделся в темноту, удовлетворенно вздохнул:

- Тут, моя птичка, тут, родимая, на гнезде сидит. Уже яйца отложила. - И кивнул шоферу: - Трогай потихоньку, только не газуй. Спугнем.

Автомобиль качнулся и почти бесшумно пополз вперед. В салоне притихли. Вот так Гриша! За поворотом выехали на знакомую опушку.

- Все, ребята, выгружайся, - сказал Бояринов, - третья учебная точка. Как заказывали... А ты, Анатолий Алексеевич, посиди пока, - обратился он к преподавателю кафедры Набокову, - дело есть.

Набоков смотрел, как, удивленно озираясь на Бояринова, вылезают из "УАЗа" молодые преподаватели. Они считали, что Гриша заблудился. Невежды. Гриша не мог заблудиться. Гриша - бог в ориентировании, видит, будто сова, в темноте. Лес, как книгу, наизусть читает.

Откуда это у него? С войны. Партизанил, воевал, командовал школой снайперов, готовил диверсионные группы для заброски в тыл, сам не раз летал за линию фронта.

- Толя! - Бояринов повернулся к Набокову. - Мы возвращаемся в Москву.

- То есть как - в Москву? А учения, Григорий Иванович? - Учения закончатся без нас.

- Что-нибудь случилось?

- Как тебе сказать. - Бояринов замолчал, потер тыльной стороной ладони отросшую щетину. - Хотелось бы верить, что ничего серьезного не произошло. В общем, надо нам переделать учебную программу.

- Увеличить курс?

- Нет, сократить. Нынешний набор мы выпускаем не в августе, а в июне.

- А дальше?

- Спецзадание. Афганистан.

- Афганистан? - удивился Набоков. Столь неожиданно прозвучало имя далекой страны, что он с трудом попытался вспомнить ее очертания на карте.

- Завтра жду твоих предложений по программе.

... Вернувшись в Москву, они засели за перекройку учебного курса. Пересчитали, перелопатили, отвели побольше часов на боевые темы, такие как разведка в заданном районе, в городе, организация засады, налета. В общем, готовились учить слушателей тому, что надо на войне.

Пролетели недели подготовки и поступила команда: отобрать людей для "Зенита". Такое условное наименование получило подразделение.

Приехал генерал, он был немногословен. Повторил то, что уже знал каждый, и в заключение разговора спросил, кто не готов к выполнению спецзадания. Зал не шелохнулся.

- Значит, все готовы! - подвел итог представитель руководства КГБ.

Однако у Бояринова и его кафедры было свое мнение. Сформировав мандатную комиссию и рассмотрев каждого слушателя, взвесив все "за" и "против", они отвели десять кандидатур.

Тогда впервые в своей жизни Набоков увидел, как плачет мужчина, офицер, сотрудник КГБ.

Его отвели, потому что посчитали психологически не готовым к возможным боевым нагрузкам.

Все десятеро атаковали кабинет Бояринова с раннего утра, просили, умоляли, доказывали, но начальник кафедры был непреклонен. За некоторых пытались просить преподаватели, восприняв неприступность Григория Ивановича как излишнюю строгость или даже упрямство.

Пройдут считанные месяцы, и жизнь преподаст жестокий урок, подтвердив правоту Бояринова.

Случилось так, что первый состав "Зенита" закончил командировку в сентябре. Началась постепенная замена. Однако людей не хватало и решили пренебречь

выводами бояриновской комиссии. Рассудили так: мол, чего просевать, отбирать - все офицеры КГБ, не один раз проверены в деле. И на второй заход в состав группы были включены сотрудники, отведенные "мандаткой". Они и оказались в самом пекле - на штурме дворца Амина. Двое из них погибли, третий тяжело ранен и умер по дороге в Союз. Четвертый попал в Афганистан позже и тоже получил тяжелое ранение.

Совпадение? Вряд ли. Говорят, полковник Бояринов хорошо разобрался в людях. Стоило ли посылать тех офицеров в пламя войны? Нет, конечно. Наверно, нашлось бы для них дело и дома. Но все это станет известно позже, когда уже и Григория Ивановича не будет в живых.

А в июле 1979 года "Зенит-1" убыл в Афганистан. Возглавил группу кандидат военных наук, доцент, полковник Григорий Иванович Бояринов. Возвратился он оттуда в сентябре. Тогда же у них с Набоковым состоялся обстоятельный разговор и Анатолий Алексеевич сказал, что готов поехать на смену начальнику кафедры. И даже пожаловался, мол, преподаватели и помоложе уже съездили, а он все никак.

Бояринов усмехнется и по-отечески положит ему ладонь на плечо:

- Не спеши, Толя. Чует моя душа - Афганистана нам надолго хватит. Горько это звучит, но боюсь, что надолго. И грустно добавит:

- Поверь мне, старику...

Сотни советских и зарубежных журналистов и исследователей пытались найти ответ на вопрос, который действительно волнует мир до сих пор - как Бабрак Кармаль из Чехословакии попал в Кабул? У кого только ни пытались выведать этот секрет - у советских дипломатов, генералов, партийных и правительственных деятелей... Наверное, многие из них и рады бы рассказать, да нечего. И для них стремительное перемещение афганского лидера из страны в страну оставалось и остается тайной.

Ну а сам Бабрак? Неужто за эти годы, особенно когда он был смещен со всех партийных и государственных постов и жил в Советском Союзе, не нашлось человека, который бы попытался выведать сокровенное?

Пытались. И неоднократно. Задавали вопрос напрямую, что называется, в лоб, самому Бабраку Кармалю. Вот один из диалогов:

БАБРАК: Какой бы дорогой я ни вернулся домой, это была воля моей партии...

Корр.: И все же, как это оказалось исполненным технически - ваше возвращение?

БАБРАК: Конечно, я не мог проехать через Пакистан или Иран. Оставался один путь: через Москву и Ташкент. Как летел и на чем - это уже детали, в которые я не хотел бы вдаваться.

Бывший афганский лидер сказал правду - его путь действительно лежал через Москву и Ташкент. Что же касается деталей, то рассказать о них читателям хотелось бы как можно подробнее.

...Декабрь семьдесят девятого выдался в Москве слякотным и мокрым. Восемь бойцов группы "А" во главе с Валентином Ивановичем Шергиным, поднятые утром по тревоге, на автобусе подъезжали к зданию Первого главного управления (ПГУ) КГБ. "Пазик", шлепая шинами, словно галошами, подкатил к центральному выходу.

- Ого! Смотри-ка, ребята, как встречают! - удивился Изотов. Ребята прильнули к окнам: на стоянке их ждали три черных "Волги". Тут же из машины вышли двое в штатском и направились к автобусу. Шергин спрыгнул с подножки, доложил о прибытии.

- Занимайте места, - поступила команда, и "альфовцы" расселись по машинам.

"Волги" резво взяли с места. Мелькали знакомые москворские улицы. Хозяева, которые сидели за старшего в каждой машине, молчали, как-то по особому заинтересованно разглядывая пробегающие за окном картины. Помалкивали и гости: в таких случаях расспрашивать не принято.

Машины устремились по дороге из Москвы. Поворот, другой - и уже вдоль бетонки серый голый лес, бесснежный, угрюмый. Повертели еще с полчаса и уткнулись в ворота. За небольшим забором уютная дачка, чисто выметенные дорожки, кучки пожухлых листьев под деревьями, оставшиеся как память о прошедшей осени.

Их проводили в дом. В одной из комнат за столом сидел толстый мужчина, шумно прихлебывая чай из блюдечка. Познакомились. Фамилия и имя мужчины не говорили ровным счетом ничего: Борис Чичерин. Чувствовалось, что этот толстяк добрый и радушный человек. Он тут же пригласил всех к столу, угостил чаем, бутербродами. От улыбки Чичерина стало как-то спокойнее, ушло напряжение, в котором с самого утра находились бойцы группы "А". Ведь никто и словом не обмолвился, зачем их подняли по тревоге, вызвали в Первое главное управление, отвезли в подмосковный лес. Оставалось только теряться в догадках.

Ждать пришлось недолго. Появился представитель руководства Первого главка, поздоровался и в нескольких словах объяснил задачу: охранять людей, которые будут им представлены. Охранять днем и ночью, беречь пуще собственной головы.

И добавил после паузы: "Это большие люди, о которых пока не знает и не должен знать мир".

Мир и вправду еще не знал опальных, бежавших от гнева Амина, Ватанджара, Анахиту, Нура. Редко кто слышал за пределами Афганистана и о Бабраке Кармале, хотя он был соратником Тараки, одним из создателей НДПА, секретарем ЦК, а с 1976 года послом в Чехословакии.

Впервые увидели их и бойцы группы "А". Трое мужчин и женщина вошли в комнату, остановились. На полшага впереди оказался человек с темным, словно загоревшим до черноты лицом, с большим горбатым носом, с черными, как маслины, глазами. Был он широк в кости, плотен телом. Одет в европейский, отменно сшитый костюм.

Борис Чичерин представил гостя: - Бабрак Кармаль!

Непривычное словосочетание. Изотов повторил про себя имя и фамилию афганца: как бы не забыть, не дай Бог.

- А это Нур Ахмад Нур, - назвал Чичерин следующего, стоявшего за спиной Бабрака высокого, почти лысого, но еще молодого мужчину. - Он учился у нас, знает русский язык.

Нур смущенно кивнул, соглашаясь, и узкая щеточка седых усов над верхней губой, обозначила слегка заметную улыбку.

- Анахита, - продолжал Чичерин, указывая чуть заметным движением руки на смуглую женщину с темной косой, уложенной вокруг головы. Она, как Бабрак и Нур, была в европейском костюме. Надо сказать, что никто не заметил улыбки или тени смущения на ее лице. Чувствовалось, что Анахита горда и своенравна. Борис потом объяснил: она из богатой семьи, получила хорошее образование, всегда оставалась ярим приверженцем и самым преданным другом Бабрака. Когда его будут снимать со всех постов, Анахита, одна из немногих, встанет на защиту генсека.

Рядом с Анахитой - высокий, поджарый, в отличие от остальных, со светлой кожей лица молодой человек. Смоляные волосы да черные усы выдавали в нем афганца, а строгого покроя френч - военного. Ватанджар действительно оказался профессиональным военным, танкистом, героем Саурской революции. Оказывается, его боевая машина и сейчас стоит на площади перед дворцом. Он в апреле 1978 года на своем танке возглавил ударный отряд, двинувшийся из Пули-Чархи в город, и первым вступил в бой с национальными гвардейцами, охранявшими президентский дворец.

А теперь - здесь, в Подмоскowie, на секретной даче, подавленный и растерянный.

Что там у них происходит, если секретари ЦК, герои, скрываются за тысячи верст от дома? Называется, свершили революцию. Говорят, река Кабул сегодня красна от человеческой крови. Неужели правда?..

- Вот, пожалуй, и все, - подвел итог представитель командования. Теперь распределитесь, кто за кого отвечает. Осваивайтесь. Ждите команды.

Для удобства общения и пущей секретности афганцам предложили называться русскими именами.

- Вот Ватанджар, - взял на себя инициативу Чичерин. - Мухаммед Аслан. К чему тут ближе - Миша, Саша?

- Саша! - сказал кто-то.

- Хорошо, значит, Саша.

И Борис заговорил на дари - гортанно, распевно, видимо, объясняя афганцам целесообразность присвоения русских псевдонимов. Те согласно закивали. Дали всем русские имена и на том, собственно, закончили.

А все-таки непривычно было воспринимать клекот Чичерина, распевającego незнакомые слова, видеть сверкающие искры в черных, глубоких глазах Бабрака, слышать тоненький, почти женский, голос танкиста Ватанджара. Как дальше сложится судьба этих людей? Неспроста ведь они оказались на даче ЛГУ, в лесу, под секретом. Каждому понятно, что неспроста.

Осваиваться долго не пришлось. Подали машины; опять голые, продрогшие деревья за окном, продуваемый всеми ветрами аэродром. Так неласково провожала их Москва. Но Ташкент встречал ярким, совсем не зимним солнцем, теплом. Казалось, вот-вот у взлетной полосы пробьется, выстрелит тонким лучиком зеленая трава. И вновь дача, только не скромный подмосковный домик, а настоящий дворец в миниатюре. Дворец первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова.

Ужин со спиртным, на завтрак пять блюд на выбор, красавицы официантки предупредительны, скромны. Ребята бродили по даче, удивлялись: живут же люди. Шутили между собой, мол, поживем и мы когда-нибудь при коммунизме. Однако коммунизма на их долю было отведено всего двое суток.

Новый маршрут пролегал над советско-афганской границей, над хребтами Гиндукуша, и заканчивался в Афганистане, в Баграме. Здесь опальных министров и их охранников ждала не шикарная вилла, а капониры, вырытые на краю аэродрома.

Недолгой оказалась баграмская командировка для группы "А". 14 декабря ужин прервал сигнал тревоги. Транспортный самолет без опознавательных знаков был подан задней рампой почти вплотную к капонирам. Запущенные двигатели не выключались. В облаке пыли и песка бойцы "Альфы" в срочном порядке проводили на посадку Бабрака Кармаля, Анахиту, Ватанджара и Нура, погрузили их вещи, забросили собственное снаряжение.

Самолет взлетел и стал резко набирать высоту. В салоне стала ощущаться нехватка кислорода, пассажиров пригласил к себе в кабину командир корабля.

Восемь бойцов группы "А", четверо афганцев, экипаж - в пилотской стало тесно. Все молчали. Никто не знал и не мог ответить, почему так спешно покинули Баграм. Ясно было одно: что-то не сложилось, сорвалось. Куда летят Бабрак и другие изгнанники родины, суждено ли им вновь когда-нибудь увидеть мудрые

седые вершины Гиндукуша, редкие кишлаки, словно стадо барашков, сбегаящие в долину по темным отрогам, голубые, тонкие, как вены ребенка, горные реки?..

За что Аллах так покарал их? Для того ли они готовили революцию, сидели в тюрьмах, чтобы кровожадный Амин правил страной.

Почему Кармаль, один из создателей партии, правая рука "великого учителя" Нура Тараки, как одинокий дервиш скитается по дорогам Европы. По совету русских товарищей Бабрак записал на пленку обращение к народу. Там были прекрасные слова: "После жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников - диких палачей, узурпаторов и убийц..."

Нет, не наступил день свободы. И наступит ли? Кармаль смотрел вниз, как уплывает под крылом Родина. Надолго ли? Возможно, навсегда. Его Родина, его боль и жизнь. Смотрел и плакал.

Что же произошло 12-14 декабря в Кабуле? Почему опальные министры во главе с Бабраком были срочно вывезены из Баграма? Единства в оценке тех событий нет. Существует две версии. Приверженцы первой считают, будто Амину стало известно о Бабраке и его соратниками потому созрела необходимость их срочной эвакуации. Вторые уверены, что опасность возникла из-за несостоявшейся военной операции, назначенной первоначально на эти дни.

Вряд ли представляется возможным сегодня подтвердить или опровергнуть первую версию: Амина давно нет в живых. Что же касается операции, то таковая действительно готовилась.

...12 декабря майора КГБ Якова Федоровича Семенова, командира подгруппы "Зенит", расквартированной в Кабуле, вызвал к себе генерал. То был армейский генерал, десантник. На совещании присутствовали также офицеры "мусульманского батальона".

Обсуждался ход операции, о которой Семенов имел весьма смутное представление. Генерал, в задачу которого входила координация действий "Зенита" и армейских подразделений, обратился к майору:

- Вашей группе предстоит выйти на объект. Время "Ч". Майор не удержался и, нарушив воинскую субординацию, перебил генерала.

- Какой объект, товарищ генерал? Теперь пришло время удивляться генералу.

- Вы что, не знаете?

- Не знаю.

"Черт возьми, - подумал генерал, - опять нестыковка на границе ведомств".

- Вот здесь, смотрите, - и он указал Семенову на карту Кабула, дворец...

- Ясно. А план его, силы, средства обороняющихся? Генерал ровным счетом ничего не понимал. Советники из КГБ дневали и ночевали в этом дворце, а в нужный момент их же майор ни хрена не знает. Однако генерал сдержался. Майор тут был ни при чем.

- Ладно, - устало сказал генерал, - даю два часа вам, Семенов, думайте, что можно сделать.

Совещание закончилось. Два часа - не ахти какой срок, но Яков Федорович кое-что разведдал: у противоборствующей стороны, как любят выражаться тактики, две тысячи гвардейцев, 11 танков, причем два танка закопаны по башню прямо у ворот. А что за воротами, одному Богу известно. Но, надо думать, двор тоже не пуст.

У Семенова две "Шилки", шесть бронетранспортеров да 25 человек личного состава.

По живой силе соотношение 1:100, по бронетехнике только безумец может сравнивать: танк и БТР - все равно, что слон и моська.

Якову Федоровичу даже показалось, что они играют в детскую игру, и все это несерьезно. Но когда истекли установленные два часа и поступила команда: "По местам!", - майор, залезая в свой БТР, вдруг отчетливо понял: история нас ничему не научила - опять противника "шапками закидаем".

В тот день историю, видимо, припомнил не только Семенов. Дали отбой. Выступать предстояло лишь через сутки. Но Якову Федоровичу было не по себе: пошел к генералу, попросился в город, чтобы получше рассмотреть объект, который предстояло штурмовать. Генерал не возражал. Напомнил только об осторожности. Ну уж об этом мог бы и не говорить армейский командир майору госбезопасности, преподавателю спецкафедры Высшей школы КГБ. Он сам учил осторожности и конспирации молодых офицеров.

Семенов, не теряя времени, переоделся - и в дорогу. "Покрутился" по Кабулу, разведдал подходы, подъезды. Потом оставил машину и пешком обошел вокруг дворца. И еще раз убедился в мудрости старой армейской заповеди: если есть хоть малейшая возможность провести рекогносцировку на местности, где предстоит воевать, ее надо использовать.

В разведданных все было указано точно: и количество танков, как зарытых в землю, так и стоявших на других позициях, и силы гвардейцев, но данные эти касались только охраны дворца. А рядом с дворцом располагался генеральный штаб афганской армии. О нем ни слова.

Генштаб - не министерство сельского хозяйства. Там сильная охрана, средства ПВО, да и офицеры-генштабисты, наверняка, умеют держать в руках оружие.

С этими тревожными мыслями и вернулся Семенов в Баграм, доложил генералу. Тот выслушал майора хмуро и даже как-то обречено. Но в конце спросил: "Ваше решение?"

Эх, кабы ему, майору Якову Семенову, решать, двинул бы он свои "броники" от греха подальше. Только кто же послушается? Да и генерал, чувствуется, в тупике: толи доложить боится, как оно есть на самом деле, то ли в верхах его так же слушают, как он майора. Давит, наверное, начальство из Москвы, а у генерала силенок-то

с гулькин нос. Даже если все подскрести - и "мусульманский батальон", и "Зенит" до последнего человека, - перевес на той стороне огромный. Интересно, кому нужен сей кровавый спектакль? Положить ребят у стен дворца? Так это запросто, большого ума не надо.

Нет, Яков Федорович понимал: в таком спектакле не заинтересован никто. И верно: операцию вновь отложили. "Зенит" перебрался в Кабул, расположился неподалеку от "мусульманского батальона".

...Внизу, среди редких садов, возвышался дворец Дар-уль-аман, новая резиденция Хафизуллы Амина. Он был виден без бинокля, мощный, с крепкими стенами, опоясанный серпантинном серой бетонки.

Теперь Семенов каждый день ездил на совещания в посольство. Прорабатывались различные варианты взятия дворца.

От совещания к совещанию прибавлялось количество генералов. Прилетел генерал Дроздов из Первого главного управления. Надвигались серьезные события.

Набоков входил в автобус последним. Задержался на ступеньке, еще раз оглянулся, Бояринова не было. Странно. За последний год, да что там год годы, он не припомнит случая, чтобы Григорий Иванович опоздал к служебному автобусу, который каждое утро забирал их в условленном месте.

"Что-то случилось, - тревожно подумал Набоков, - не заболел ли?" Он вспомнил недавние учения, двадцатикилометровый марш, который прошел Гриша с одной из групп слушателей. Как-то не вязался вполне здоровый вид полковника со словом "болезнь". Да и вчера они виделись. Бояринов был в отличной форме.

Набоков облегченно вздохнул, лишь когда увидел в кабинете начальника кафедры свет. Он поднялся на свой этаж, в преподавательскую. Дверь бояриновского кабинета приоткрыта, и в проеме - Григорий Иванович. В гражданке: на нем водолазка, поверх нее джемпер.

Увидев Набокова, улыбнулся приветливо, кивнул: заходи... - Что случилось, Григорий Иванович?

- Ничего не случилось, Толя. Изменилась обстановка. Мне надо ехать туда.

Набоков вопросительно смотрел, он все равно мало что понимал.

- Готовится серьезная операция. Я был вчера у начальника управления.

Он оторвал взгляд от разложенных на столе бумаг и виновато пожал плечами:

- Боюсь, как бы там ребят зря не положили. А я все-таки кое-что в этом петрю, верно, Анатолий Алексеевич?

Что мог ответить Набоков: верно. Только знать бы - какая операция. Спрашивать не принято, раз не говорит. А может, и сам не знает.

- Мы с тобой, как в учебниках писали: "Налет - это внезапное, согласованное нападение на неподвижный объект противника с целью... и та-дэ и тэ-пэ..." Так? - А те, кто поехал готовить налет, они знают, с чем его есть надо?

Набоков развел руками: наверное, знают...

Бояринов лишь горько усмехнулся:

- Дай Бог, Толя! Дай Бог...

Что имел в виду Григорий Иванович, теперь можно только гадать. Мало ли он доверял тем, кто улетел готовить операцию, не был уверен в их опыте, профессиональных знаниях или просто опасался за своих воспитанников? Ему, конечно же, стали известны подробности не состоявшегося из-за слабой подготовки штурма и он посчитал своим долгом на этот раз оказаться там. Ведь за спиной Бояринова был не только опыт сотрудника КГБ, но опыт партизанской и диверсионной работы. Прежде чем писать свою диссертацию о тактике действий партизанских формирований, Гриша Бояринов изучал ее на практике. Был ранен. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Теперь, почти полтора десятка лет спустя, нет-нет да и возникнет спор в кругу людей, знавших Григория Ивановича, - а мог ли он не поехать? Все-таки ему к тому времени было уже немало годков - пятьдесят семь, мог бы и не ходить под пули. Все, кто поднимался с ним в атаку на штурм дворца Амина по возрасту приходились в сыновья, а кое-кто и во внуки годился.

Нет, он не мог не пойти. И не только потому, что так хотело начальство, только так и мог поступить фронтовик, педагог, полковник КГБ Григорий Бояринов.

Помните, как плакал у него в кабинете отстраненный от поездки в Афганистан офицер? Из сегодняшних будней нам странными могут показаться слезы. Но так было. Считалось позором, когда сотрудника КГБ отстраняли от выполнения спецзадания.

Мог ли Бояринов отстранить себя сам? Смешно даже подумать. ...В 10 утра собралась кафедра. Бояринов передал общее руководство своему заместителю Владимиру Михайловичу Санькову. Накрыли стол, налили по сто грамм, выпили - и в Чкаловское, к самолету.

Бояринов уехал, а преподаватели его кафедры - Набоков, Васюков, Болотов остались, стояли, курили. Набоков и Болотов иногда перебрасывались словом-другим, а Васюков урюмо молчал. Потом взглянул на них, щурясь от дыма.

- Что-то не понравился мне сегодня Гриша.

Набоков поймал себя на мысли, что согласен с Васюковым. Какая-то тень лежала на лице Бояринова. Мог ли он знать тогда, что это тень смерти...

Утром 23 декабря генерал Бесчастнов ехал в расположение группы "А".

Шуршала быстрыми шинами "Волга". У светофоров теснились автомобили. Переход заполнен людьми - москвичи спешили на работу.

Генерал прикрыл веки. Ломило в висках, сказывалась бессонная ночь. Мысли, мысли, мысли... Может, он не все знал. Скорее всего. Но даже той информации, которой владел, было достаточно, чтобы понять: на южных границах всерьез запахло порохом. Впервые за долгие, долгие годы.

Руководство мог волновать Китай, Пакистан, Иран. Что угодно, только не Афганистан. Эта азиатская страна десятилетиями не вызывала опасений.

Так привыкли думать политики, дипломаты, Генеральный штаб. Да и его, Алексея Дмитриевича, ведомство - тоже. В общем, никакой головной боли. Так было при шахе, при Дауде, и даже еще раньше, когда Эмманула-хан чуть не в друзьях с Лениным ходил.

А теперь вот Амин. Еще полгода назад он клялся в верности и любви Тараки. Как это он говорил? "Я могу потерять Афганистан, но никогда не соглашусь с потерей моего любимого учителя и вождя". А любимый вождь отвечал ученику: "Я и Хафизулла Амин близки, как ногти и пальцы".

И после этого люди Амина зверски задушили Тараки. Одно слово восток. После убийства Тараки КГБ перехватил американскую шифровку. Бесчастнов прочел слова телеграммы: "Советы не в восторге, но осознают, что сейчас им ничего не остается, как поддерживать амбициозного и жестокого Амина".

Интересные ребята в ЦРУ. Амин живьем сбрасывает в ямы с хлорной известью сторонников Тараки. Рассеивает, как пепел по ветру тысячи людей. Просто так - загружает самолет и над Гиндукушем раскрывает рампу. Это у него называется - "десант".

А Советам, значит, ничего не остается, как целовать Амина в заднее место. И ждать. Чего собственно? Пока новоявленный азиатский фюрер передушит полстраны, как он задушил своего дорогого учителя, или отдастся за доллары американцам и те появятся у наших южных рубежей?

"Н-да, - подумал генерал, - замечательная перспектива". Нуикрутойзавязалсяузелок. А развязывать, значит, его ребятам. Только вот развязывать ли, скорее всего - рубить мечом. Лес рубят - щепки летят. Кабы только щепки... У машины его встречали заместители начальника группы - майоры Ивон и Романов. Зайцев в госпитале. Ивон тоже не боец; на десантной подготовке повредил ногу, едва ходит. Значит, Романов. Признаться, он был рад, что жизнь сделала такой выбор. Михаил Михайлович в группе с первых дней, сам ее

формировал, подбирая людей. Офицеры ему верят. И жена поймет, она тоже служит в комитете.

- Ну что, Романов, - вздохнул генерал, словно взваливая на себя воз, - пришло время тяжелых трудов.

Знал ли он, начальник управления, на что посылал людей? Тогда казалось: знал. Теперь, по прошествии лет, ясно, что он только догадывался о тяжелых трудах. Эту догадку и тревогу, связанную с ней, пытался передать майору. Ему, Михаилу Романову, первому командиру страшной девятилетней войны, а через него и первым бойцам - первым инвалидам, первым героям. Именно они откроют скорбный список погибших в Афганистане, и несчастные жены, падая на крышки гробов, не в силах будут понять, во имя чего отдали жизни их мужья.

Во имя Родины, скажут им. Так почему ж тогда Родина спешно зароеет тела погибших, не разрешив даже на гранитной плите выбить слова о месте их гибели, почему назначит мизерную пенсию и забудет на десятилетие?.. Что с тобой, Родина, если не дорожишь ты своими сыновьями?..

Их не забудут друзья. Они и утешат, помогут, поддержат. Но все это будет потом. А пока "Михалыч", как его звали в группе, стоял перед начальством.

- Понимаешь, - выдавил улыбку генерал, - командир сказал, только ты сможешь выполнить задачу. Собирай людей. Поскольку дело государственной важности, едут добровольцы, малосемейные, хорошо, если и вовсе неженатые.

Бесчастнов умолк, долго и как-то грустно, по-отцовски глядел на майора.

- Лучшие из лучших, - продолжал он, - бойцы нужны, Романов. Там не только вы, но и в вас стрелять будут. Понял меня?

- Так точно, товарищ генерал, - ответил четко, как положено по уставу, майор.

Но ответ этот как-то не понравился Алексею Дмитриевичу. Сухостью, что ли, своей, бесцветием. Ну да Бог с ним, с ответом, время готовить людей экипировку, оружие, боеприпасы. Достаточно одного слова генерала и все закрутилось бы, завертелось и через час другой группа "А" была бы готова к бою. Такого приказа ждал Романов. Но Бесчастнов сказал совсем другое:

- Часа через два-три отпусти ребят к семьям. Легенда такая: уезжают на учения. Кто в Ярославль, кто в Балашиху. Вопросы есть?

- Оружие, товарищ генерал? - начал Романов. Генерал остановил его взмахом руки.

- Оружие и боеприпасы по максимуму.

Ивон и Романов собрали группу. Сказали, что велел генерал. Не забыли добавить главное: стрелять будут и в нас.

Сообщение восприняли спокойно. Будут стрелять - ну что ж, для этого они в конце концов и готовились столько лет.

Готовились, но разве для этого?

Разъехались по домам. Михаил Михайлович сразу отбросил легенду. Какая там к черту Балашиха! Разве его жену проведешь? Посидели, поговорили. Жена успокаивала, как могла, ничего, мол, батя, прорвемся. Не впервые. А когда под окном просигналила машина, Романов снял с вешалки куртку дзюдоиста, всю в медалях и значках, на поясе расписался и отдал сыну - на добрую от отца память.

Обнялись. Тут и Володя Гришин на пороге. Жена увидела его, в лице переменялась. Они знали друг друга, раньше в одном подразделении работали.

- Что ж ты Вовку втянул? У него двое маленьких. И вправду, похолодел Романов, двое грудничков. В суматохе, в беготне забыли. А сам Гришин промолчал. Спустились вниз, сели в машину.

- Володя, ты ж у нас, считай, многодетный. А Бесчастнов что сказал?

Гришин молча "врубил" скорость. По дороге Романов убеждал его остаться, а сам думал: как же без него, без Вовки? Машину водит виртуозно, стреляет великолепно, мастер спорта. И мужик надежнейший.

Так ни о чем и не договорились, приехали в подразделение. У дверей кабинета Романов увидел Глеба Толстикова, старого товарища, командира одного из отделений группы.

- Хорошо, что ты приехал, - обрадовался Михаил Михайлович,

- Зайди, посмотри своих ребят.

Глеб посмотрел список. С кандидатурами в основном согласился, но подсказал Романову, что у одного из бойцов болит нога.

- Добро, - сказал Романов, - вычеркни его. И вдруг Глеб понял, что его самого нет в боевом расчете. Пробежался еще раз по списку: фамилия Толстикова отсутствовала.

- Миша, я что-то не понял, мое отделение едет, а я нет?

- А что делать, - сказал Романов, - надо же кому-то и на хозяйстве оставаться. В следующий раз поедешь...

Кровь ударила в виски. Давно не было такого с Толстиковым. Бокс приучил держать себя в узде. Но тут узда не выдержала.

- Миша, если я не буду включен в расчет вместе с ребятами, завтра тебя не знаю.

И, резко развернувшись, вышел из кабинета.

- Подожди, Глеб, - крикнул вслед Романов, но Толстиков уже ушел. Правда, через несколько минут его вернули.

- Ты не кипятись, - объяснил Михаил. - Состав группы утвержден. Мне что теперь - на Бесчастнова выходить?

- Выходи, - ответил Глеб.

Пришлось звонить начальнику управления, объясняться. Бесчастнов, выслушав майора, с укоризной произнес:

- Романов, ну стар твой Толстиков, мы же говорили...

- Товарищ генерал, да он молодым фору даст. По последним прикидкам, в стрельбе и на полосе, второе место занял. Мастер спорта, чемпион Союза по боксу.

Бесчастнов сдался. Толстикова включили в состав группы. Добился своего и Гришин. Его так и не уговорили остаться. И так, впереди ждал неведомый Афганистан.

Капитан Геннадий Зудин любил домашние котлеты. С пылу, с жару, прямо с плиты. Умела его Нина стряпать, котлеты получались ароматными, поджаристыми, сладостно хрустывали на зубах.

Геннадий ел котлеты, глядел в румяное, покрасневшее от кухонного жара лицо жены. Повезло ему с Ниной. Встретил нежданнонегаданно. Женился без оглядки, и не прогадал. Душевная, кроткая, добрая. С расспросами не лезет. Сказал: в командировку - и все ясно. Куда, зачем - в их семье спрашивать не принято. Да и он самто много ли знает? Вроде бы в Афганистан, на охрану посольства. Не он первый, не он последний. Месяца два назад Коля Берлев оттуда вернулся, а сейчас Шергин там, Картофельников, другие ребята.

Правда, раньше их без особых напутствий провожали, а сегодня сам Бесчастнов приехал. Хотя Алексей Дмитриевич и прежде их не забывал, но вот фраза его о том, что "будут и в вас стрелять" как-то больно царапнула сознание. Зудин вспомнил лицо генерала. Вроде не уловил в нем ничего тревожного. Тогда к чему эта фраза? Для острастки? Бесчастнов стращать не любит. Для порядка, чтоб служба медом не казалась? Так он ведь не генерал Пирожков. Тот закрутит напряженку - ни кашлянуть, ни ахнуть. А впрочем, так ли уж редко говорят им подобные слова. Группа антитеррора - не балетная труппа. И все-таки, тревожно на душе.

Геннадий отодвинул тарелку, поблагодарил жену, взвесил на руке приготовленный женой увесистый сверток.

- Нина, мне толстеть нельзя. Со службы погонят.

- Ничего, - усмехнулась жена, - хорошего человека должно быть много.

Он заглянул в сверток. Просил лимоны не класть, положила. Он вытащил лимоны.

- Это девчонкам. Чайку попьете.

Жена хотела возразить, но он приложил к губам палец. - Молчи, жена, молчи. Там, где я буду, этого добра навалом. Понятно?

Нина лишь пожалала плечами, но спорить не стала. Навалом так навалом.

Пришло время прощаться. Прибежала младшая дочь, папина любимица, расцеловала. Старшая, уже совсем невеста, десятый класс кончает, подставила щеку: "Не грусти, па..." Жена проводила до угла дома.

Милые, родные люди, никто из них не знал, что видятся они в последний раз, в последний раз.

Нина вернулась, проводив мужа, занялась с младшей дочерью. Первоклассница - мало ли забот. Написала буквы, почитала, и только поздно вечером Нина заглянула на кухню. Заглянула и ахнула: сверток с продуктами Геннадий забрал, а рядом, тоже сверток, со сменным бельем - забыл. Бросилась к телефону, позвонила в отдел, оказалось, они еще на месте, не уехали. Накинула пальто и выскочила на улицу.

...Промерзший троллейбус скрипел заиндевелыми дверьми, полз по тоскливо длинному проспекту. Она боялась не успеть, но когда от метро позвонила, трубку поднял Геннадий. Объяснила. "Хорошо, жди там, я подойду", - сказал он.

Геннадий не разрешал бывать у него на работе. Да, признаться, она и не знала, где квартирует их группа. Они встречались у посольства, недалеко от Октябрьской площади.

И теперь в свете фонаря она издали узнала его фигуру, бросилась к нему, протянула сверток.

- Нина, - с укоризной сказал он, - ну зачем? Глянь, уже транспорт не ходит, как я тебя домой отправлю?

- Нашел, о чем волноваться, доберусь.

Он не стал ни спорить, ни возражать. Обнял еще раз и ушел. Видимо, времени было в обрез. Так и осталась в ее памяти эта, уже окончательно последняя встреча, осталась навсегда. Еще подумала: расставание какое-то суетливое, на бегу, и он со свертком под мышкой, исчезающий в ночи, и она, одна в ледяном городе.

Нина вышла на проспект. Он был пуст и тих. Желтые равнодушные глаза светофоров отбрасывали леденящие блики на грязные сугробы по обочинам. Морозно скрипел снег под ногами.

Прогромыхал одинокий грузовик. Затормозил. Шофер выбросил дверку.

- Эй, красавица! Садись, а то заледенеешь! Когда она влезла в кабину, водитель весело усмехнулся:

- Небось, с гулянки...

Нина смутилась: надо же, можно ли про нее такое подумать...

- Мужа в командировку провожала... - сказала она.

- Хе, командировка, невидаль. Нашла из-за чего печалиться. "Может, и так",- подумала Нина и вспомнила вдруг, что выскочила из дома и забыла деньги. Пошарила по карманам, вытащила мелочь.

- Вы знаете, у меня и денег-то нет, чтобы заплатить. Вот, копеек пятьдесят. Извините.

- Ладно, - согласился водитель, - на пиво хватит. Он затормозил. Нина протянула в сжатой ладошке мелочь и положила на приборный щиток. Монетки звенькнули и исчезли в какойто щели. Шофер приподнялся из-за руля, надеясь увидеть свои законные пивные пятьдесят копеек. Но денег не было.

- Пропало мое пиво. Что ж ты такая несчастливая? Да разве она несчастливая? У нее две дочки, любящий муж. Что еще надо для счастья?

Дверца кабины захлопнулась. Судьба словами ночного шофера нарекла ей другую дорогу. Горькую, вдовью...

Отлет задерживался. Дул сильный боковой ветер и метеослужба не давала "добро".

Загрузили боеприпасы, получили сухой паек. Личные чемоданы, гордость конструкторской мысли группы, в которых было все - от зубной щетки до автомата - забросили в салон.

Сфотографировались на память под крылом самолета. А когда поступила команда занять места и ребята уже поднимались в самолет, их доморощенный фотограф Сережка Кувылин снова окликнул их. Они обернулись, остановились. Еще раз запечатлело их бесстрастное око фотокамеры, теперь уже на аэрофлотском трапе. Именно этот снимок особо любим ветеранами группы "А". Его можно увидеть на самых почетных местах в квартирах ребят. Правда, появился он у них недавно. Грустная судьба у этого снимка. Почти полтора десятка лет будет лежать он - секретный! - в семейных альбомах. Система обрекла своих солдат на долгое молчание. Ни словом, ни взглядом не имели права эти люди признать свое участие в тех событиях. Как подчеркнул один из высоких чинов КГБ: "Говорить можно все, что угодно. Кроме правды".

И это будет потом - через месяц, через два, через полгода. А сейчас они стояли на трапе - улыбчивые, затянутые в меха летных курток, щеренные в себе и в том деле, ради которого улетели в... командировку.

Клацнет последний раз затвор фотоаппарата. Захлопнется дверь самолета. Отъедет одинокий трап, как бы увозя в прошлое их предыдущую жизнь. Никто не заметит мокрый след колес на стылом поле аэродрома.

Надрывно взвоят турбины, и командир корабля, зная, какой трудный путь ему предстоит, кивнет уходящей земле: с Богом! Им бы вправду помолиться. Да не принято было в те годы.

В самолете занялись они делом вполне мирным. Никто не знал, что ждет их при посадке, как встретят? Во всяком случае, догадывались: не хлебом-солью. Как бы не свинцом. Вот Романов и разбил группу на двойки, как в авиации - ведущий и ведомый. Плюснина, например, и Чудеснова поставил в пару. Более всего подходили они друг другу, отлично ладили между собой. А вот физические данные разные: один высокий, жилистый, другой - ростом пониже, крепыш.

Улетают в Кабул...

Женя Чудесной - прекрасный стрелок. Саша, если надо, боксерским ударом прикроет. Так что вполне дополняли один другого.

Правда, потом, в Афганистане, уже в бою многое поменялось, оказалось не таким, как думали, готовясь заранее. Но что поделаешь, на то он и бой.

Промежуточная посадка в Душанбе. Здесь, у местных комитетчиков Романов выпросил одеяла, матрацы. Все это оказалось очень кстати. Кто-то из местных, помнится, подшучивал, мол, зря, майор, суетишься: прилетите обеспечат. Другой бы, может, и клюнул, но майор - тертый калач - служил в системе госбезопасности не первый год и привык полагаться не на милость заживевших тыловиков, а только на себя.

Словом, загрузили скарб, разжились еще доппайком: как известно, на войне харч - весьма серьезное дело, и в путь.

Границу пересекли поздно ночью. Кто-то уже подремывал, кто-то дожевывал сухпай, а старший лейтенант Сергей Кувылин смотрел в иллюминатор. Не слалось. Под крылом стелились огоньки, словно их на бескрайнее черное поле высевал самолет и они летели к земле, кувыркались и гасли в невидимых горных отрогах.

В салоне неожиданно погас свет, и через минуту-другую цепочка огоньков осталась далеко позади. "Граница!" - догадался Сергей и что-то защемило под сердцем. Он вспомнил, как десять лет назад, в шестьдесят девятом, их солдатский эшелон пересекал границу. Они ехали домой из Германии. Утром кто-то заорал благим матом: "Дембея! Деда! Граница!" И они с грохотом посыпались с полок.

Поезд въехал на мост через Буг, медленно и торжественно прошёл мимо полосатого столба с гербом Советского Союза. Перехватило горло - Родина! Два года он не видел мать, отца, не видел невесту. Хотелось бежать впереди поезда.

В Смоленске на вокзале дал телеграмму: "Встречай, приезжаю... поезд... вагон..." И только потом сообразил, что наделал. Их эшелон прибывал на Белорусский вокзал в четыре утра. Считай, ночью. Метро на замке, транспорт не ходит, такси не по карману, попереживал, поволновался, а потом решил: ладно, скорей всего, она не приедет, и правильно сделает. Ему опять же легче: не придется извиняться за свою дурацкую телеграмму.

А она приехала. До сих пор стоит перед глазами ранний, предрассветный, гулкий перрон, лица удивленных дембелей, и его девчонка, такая милая, нежная, прильнувшая головой к его плечу.

Вышли к стоянке такси, пристроились в хвост очереди. Очередь - одни солдаты. Дембельский эшелон. Сергей глядел и не мог наглядеться в искрящиеся голубые глаза. Вдруг кто-то тронул его за рукав. Оглянулся. Перед ним стоял незнакомый сержант.

- Слышь, земляк, ты с невестой, давай, садись без очереди. Сергею хотелось расцеловать незнакомца сержанта. Дома их были почти рядом. За квартал остановили такси. Сергей проводил ее, а потом поспешил домой. В том же году они поженились.

...Ночь за иллюминатором - глуха и темна. Вспыхнул где-то одинокий огонек и вновь погас. Граница. Как порою странно и неожиданно в человеческую жизнь вплетаются, казалось бы, совсем посторонние, далекие от повседневных будничных забот, понятия. Всего дважды за свои тридцать лет пересекал он границу. Но тогда хотелось петь и плясать, будущее было утренним и добрым, как руки матери. Теперь же граница встречала его глухой непроницаемостью ночи, декабрьским морозом, неясностью не только будущего, но и сегодняшнего, сиюминутного бытия.

Гудели турбины. Самолет летел навстречу утру. Стали едва различимы голые вершины Гиндукуша. Горный хребет, словно гигантская птица, расправив могучие снежные крылья своих отрогов, хищно парил над сияющей долиной. Из пилотской кабины вышел Романов.

- Подходим к Баграму. Приготовить оружие. Садись в "сложняке" - на полосу без опознавательных знаков, едва освещенную. Когда самолет замер, луч прожектора выхватил его из темноты. Высаживались быстро, без суеты, с оружием наготове. За ярким глазом прожектора чувствовался чей-то пристальный взгляд. Своих? Врагов?..

Когда спустились с борта, резкая команда "ложись!" бросила группу наземь. Но команда эта, произнесенная чьим-то хриплым, простуженным голосом, показалась ласковым приветствием доброго друга. Ведь прозвучала она не по-восточному гортанно, а отрывисто-властно, на родном русском языке.

Меры предосторожности были совсем не лишними, ведь приходилось охранять таких людей, как Бабрак Кармаль, Гулябзой, Сарвари, Ватанджар. После убийства

Тараки Амин пытался их захватить и уничтожить. С трудом удалось ускользнуть. И вот теперь они здесь. Можно представить, что случилось бы с опальными министрами, а заодно и с теми, кто их прятал, пронюхай обо всем этом аминовская охранка.

У капониров подразделения Романова встретили свои ребята, улетевшие в первой группе: Изотов, Виноградов, Картофельников. Были объятия, угощение. Вместе пили афганский чай, хозяева потчевали пакистанским печеньем, вареньем. Вспоминали Москву. Тут гостей оставили и спать.

Старшему лейтенанту Сергею Кувылину в ту ночь приснился странный сон. Вроде он опять ранним утром стоит на Белорусском вокзале, только теперь уже без невесты, та же очередь на такси. Он стал в конец. Спросил, кто последний. Глядь, оказывается, последний - майор Геннадий Зудин. Из их же группы. "Егорыч!" - обрадовался Кувылин. А Егорыч даже не обернулся. Но тут слышит Сергей - кто-то его за рукав тянет. Оглянулся - сержант: "Слышь, браток, садись без очереди". "Да неудобно как-то..." - отвечает Кувылин. А сержант свое твердит: "Садись, говорят тебе, не в ту очередь стал".

Хотел было поспорить, мол, как не в ту, вот же Егорыч стоит, да не успел, проснулся.

Странный, право, сон. Кувылин усмехнется и забудет о нем. Вспомнит через три дня. Вечером 27-го на ступенях аминовского дворца.

Утром за гостями пришли посольские автобусы. За рулем одного из них майор Николай Васильевич Берлев узнает Женю Семикина. И тут же поднесет палец к губам: молчи, ты со мной не знаком.

Они подружились в первый приезд Берлева в Афганистан, когда Николай Васильевич охранял посла. Вечером майор разыскал Семикина. Обнялись как полагается старым друзьям.

- Ну что, Жень, налей сначала, а потом будем говорить. Семикин достал бутылку, разлил по стаканам. Берлев поднял стакан.

- Если суждено увидеться, выпьем еще, а погибну - не поминай лихом.

Семикин побледнел:

- Да ты что, Коль, что стряслось?

- А-а, - махнул рукой Берлев, - пей, не то выдохнется. Все сам узнаешь.

Майор Берлев был больше других посвящен в детали готовящейся операции. Он знал посла Пузанова, резидента Иванова, много раз видел Амина. Когда посол приезжал в резиденцию Амина, Берлеву приходилось дежурить у дверей, за которыми шли переговоры. Охрана Пузанова, Иванова и других работников посольства уси

лилась после захвата и убийства американского посла Адольфа Даббса членами группы "Национальный гнет". Это случилось 1 марта. В том же месяце несколько сотрудников группы "А" оказались в Кабуле. Среди них был и Берлев.

И вот теперь он второй раз здесь. Надо думать, не ради прогулки. ...С обстановкой познакомили майора Романова советский резидент Борис Семенович Иванов и его заместитель. Они начали с того, что в эту страну майор со своими ребятами приехал совсем не ради прекрасного горного воздуха. Михаил Михайлович согласился. Он знал это и без резидентов и ждал постановки конкретной задачи. Все, что произошло с ним в последние сутки с небольшим, казалось Романову дурным сном. Ему предстояло вести людей в бой и как у всякого командира возникали десятки вопросов, на которые хотелось получить ясные и исчерпывающие ответы. Но ответов не было, а были какие-то невнятные разговоры. На пороге войны, а значит, у порога смерти, люди, которых годами готовили для выполнения сложной боевой задачи, должны принять решение. Но они оказались не готовы его принять. Они выглядели растерянными, раздавленными тяжелой ответственностью, свалившейся на их плечи.

Романов вышел из комнаты после беседы, а ощущение кошмарного сна не проходило. Он пытался процедить полученную информацию, но "цедить" было нечего. Как говорят физики, на выходе ноль. У виска бились странные фразы резидента: "Ты догадываешься, какую операцию предстоит провести?" "Догадываюсь". "Но твои ребята не циркачи, а там все будет на уровне цирковых трюков".

Оставалось только ответить: "Есть, товарищ генерал-лейтенант, сделаем из них циркачей! У нас еще ночь в запасе".

Да-а, вот уж расскажешь кому - не поверят. Вправду, беседа с ним была проведена на самом высоком цирковом уровне.

Резиденты ушли, а Романов остался со своими проблемами - вооружение, боеприпасы, питание, разведка, информация... Разве все перечислишь. Вон куртки спецназовские спрятать некуда - в посольстве шагу не дают ступить: подарите, продайте. Не продашь, так непременно украдут.

"Ну вот, пожалуй, с них и начнем", - решил майор и разослал несколько человек по посольству. Приказал обшарить все углы и закоулки, но найти надежное место для хранения обмундирования. Легко сказать - найти. Посольство небольшое, людей, как селедок в бочке, свободного стула нет, не то что комнаты.

В подвале наткнулись на запертый туалет. На дверях табличка: не работает. Решили приспособить для себя. Вскрыли аккуратно, сложили вещи, кульки, свертки, заколотили основательно, а табличку подновили, чтоб виднее было.

После боя вернулись - все цело, невредимо. Что ж, голь на выдумку хитра.

Переночевать хотели в посольстве, но, оказалось, расположиться негде. Опять погрузились в машины - и в расположение так называемого "мусульманского

батальона". Здесь впервые с бойцами группы "А", теперь она носила кодовое название "Гром", ехали сотрудники подразделения "Зенит".

Прибыли. Отвели им казарму, которую в нашем понимании казармой даже и назвать нельзя. Здание без окон и дверей - стены да крыша. Вместо пола насыпан гравий. Прошли - пыль поднялась, будто после стада овец.

В казарме как раз командир роты "мусульманского батальона" развод заканчивал. Дав все наставления караулу, советский офицер напутствовал подчиненных: "Аллах с нами!"

Караул вышел, а сотрудники группы удивленно переглядывались. Н-да, верно говорил Федор Сухов: "Восток - дело тонкое".

Спать почти на улице на декабрьском холоде большого желания не было. Потому как могли благоустроили казарму: завесили плащпалатками окно, проемы, собрали все, что могло согреть: матрацы, одеяла, куртки.

Однако холод оказался не самым страшным ночным бедствием для группы. Донимали храпуны - Баев и Зудин.

Кувылин вспоминает, что в последнюю ночь он так и не сомкнул глаз. Попал как раз между двух храпунов, такое чувство, будто с самого вечера на танке ездил.

Утром на завтрак накормили верблюжатинной. Вкусно, хотя и недоварено, да что поделаешь - высокогорье, мясо долго упревает.

Выдали афганскую форму: мягкие куртки и брюки из шинельного сукна, такие же мягкие кепочки с козырьками. Долго подбирали куртку на Алексея Баева. Шутили, мол, на таких мощных мужиков афганцы не рассчитывали. Пришлось разрезать форму на спине, иначе Баев не влезал.

Сразу же стали "обживать" форму: укрепляли карманы для гранат, автоматных магазинов, ушивали, подгоняли. Взяли у десантников удобные ранцы, определились, где будут лежать боеприпасы, а где перевязочные средства. Не глядя запустил в ранец руку, достал бинт - мелочь, но в горячке боя это очень важно.

После полной комплектации - учли все, начиная от автоматов до бронежилетов, - прикинули по весу. Оказалось 46 килограммов! В таких "доспехах" и стоять-то тяжело, не то что бегать, прыгать, вести огонь, метать гранаты. Да еще в горах, не на учебном центре в Балашихе.

Именно потому, что не учебный центр и от каждого "пустяка" могла зависеть собственная жизнь и жизнь товарищей, навьючились до упора.

К тому времени была доведена боевая задача: штурмовать дворец Амина.

Дворец находился примерно в километре от позиций батальона. Место для дворца - лучше не придумать. От него уходило шоссе, ведущее в горы. То есть

при необходимости есть путь к отходу. Метрах в пятистах основательное здание жандармерии. Слева от

дворца расположился первый батальон охраны, справа - второй. Между позициями батальонов и дворцом по три вкопанных танка. И наконец национальные гвардейцы - их казарма располагалась непосредственно на последнем этаже дворца.

Вечерами, а порой и ночью, если не спалось, бойцы группы "А", выйдя из казармы, подолгу глядели на сияющий огнями дворец. Все они прослужили в комитете не один год и прикинуть соотношение сил не представляло труда. И от прикидок становилось страшно - столь неравные были силы. 24 человека в "Громе", примерно столько же в "Зените". Плюс "мусульманский батальон". Но на него с самого начала возлагались лишь вспомогательные задачи. Значит, считай два взвода на такую крепость? А что еще?

Этот вопрос на одной из рекогносцировок и задал Романов генералу Дроздову, который координировал действия подразделений КГБ и Министерства обороны. Генерал долго молчал, глядя на серпантин дороги, опоясывающей холм, на громаду дворца, потом, обернувшись, сказал:

- Романов, я доверяю тебе, как сыну" Вот на алтарь Отечества кладу все, что имею; две "Шилки", шесть БМП. Остальное за тобой.

Две "Шилки" и шесть БМП... Это все, что выделило родимое Отечество майору Романову. Знай он точно, что за крепость дворец Амина, с охраной почти в двести гвардейцев (это на два-то его взвода) - оцепенел бы от ужаса майор. Любой бы живой человек оцепенел, потому что идти на явную смерть никому неохота.

Но, как говорят в народе, кабы знать, кабы ведать... Не знал своей судьбы и майор Романов.

Собрались они с командиром группы "Зенит" майором Яковом Федоровичем Семеновым, потолковали, уяснили задачу, оценили обстановку. Обстановка была ни к черту-с позиций "мусульманского батальона" просматривался только серпантин дороги да дворец, одной стороной повернутый к ним. А что там с другой стороны? А на прилегающих высотах? Не вовсе же дураки афганцы, в наших академиях учились, - значит, знают где расположить свои подразделения. Ничего о них не было известно, хотя именно оттуда, вероятнее всего, и будут стрелять в затылок атакующим.

Чтобы найти ответы на многотрудные вопросы есть единственный способ, изобретенный человечеством за тысячелетия войн: рекогносцировка. Необходимо все увидеть своими глазами и, исходя из увиденного, действовать.

- Ну что, Яша, - предложил Романов, щупая окулярами бинокля аминовский дворец, - махнем в ресторан?

- Самое время... - усмехнулся Семенов, - перекусить да выпить.

- Я серьезно, смотри, - и он указал в направлении офицерского ресторана, построенного Амином. - Если забраться туда, все, как на ладони - дворец, дорога, обратная сторона дворца... Махнем, Яша?

- Махнуть-то можно, только глянь: по дороге КПП первого батальона. Оно, конечно, не единственное на пути к ресторану.

"Резонно, - подумал про себя Романов, - но выхода нет, не идти же вслепую".

- Кстати, - хитро прищурил глаз Семенов, - у меня-то документы есть. Я в охране Амина, а ты кто такой будешь?

Михаил Михайлович замялся, глядя на ехидный Яшин прищур, потом сорвал с головы афганскую фуражку и сунул ее под нос Семенову.

- Смотри, генеральская кокарда, понял?

- О-о! Тогда другое дело, - согласился Яков Федорович. Они вновь подняли к глазам бинокли - в окулярах поплыла знакомая картина: белые откосы, какие-то фигуры, вытопанные в снегу, металлические двери прямо в горе, редкий сад и над всем этим - громада трехэтажного дворца. Видано и перевидано не один раз, а ясности нет как нет.

- Ну что, Миша, где твой ресторан? - спросил Семенов, - проверим воздействие кокарды на революционные вооруженные силы демократического Афганистана?

...В ГАЗ-66 сели вчетвером: Романов, Семенов и два бойца в подмогу Мазаев и Федосеев. Двинулись. У контрольно-пропускного пункта первого батальона их тормознули. Яша кивнул Романову:

- Держи ухо востро. Начинается!

Разговаривать особо не стали - штык в грудь, руки вверх. Не помогли и Яшины документы и романовская кокарда. Михаил Михайлович только успел шепнуть солдату-водителю: "Ты прислушивайся, если что - дай знать". Солдат был из "мусульманского батальона", немножко говорил на фарси.

Началось долгое ожидание. Их держали под прицелом, никуда не докладывали. Или, так казалось, возможно, отправили посыльного.

Пленники вели себя мирно, и афганцы как-то подобрели, выяснилось даже, что начальник караула учился в Советском Союзе, в сельскохозяйственном техникуме. Он вполне сносно говорил порусски.

Попытались его основательно разговорить. Стали убеждать, мол, мы находимся в охране Амина, едем в ресторан заказать столик к Новому году для советских офицеров.

Афганец улыбался, качал в знак согласия головой, но отпускать не отпускал. Прошло часа полтора в ожидании и разговорах, наконец начальник караула, получив инструкции, приказал их пропустить.

Автомобиль медленно лез в гору, сидевшие в нем офицеры внимательно оглядывали местность. Уже позади было здание жандармерии, позиции второго батальона, дворец. Казалось, дорога напрямую вела к ресторану и все кордоны остались за спиной. Но это только казалось. У самого ресторана их снова остановили, приказали выйти из машины. Под автоматами проводили в казарму. По дороге пленники заметили пулеметные гнезда, укрепленные позиции.

Их втокнули в небольшую комнату. У стены стояли полевые телефоны. Один из солдат, с автоматом, подскочил к ним и, яростно брызгая слюной, заорал, готовый разможжить прикладом голову.

Другой, сидящий здесь же, прикрикнул, заставил отойти. Потом спросил на едва понятном русском: кто такие? Романов стал заново объяснять, будто они служат в охране Амина и едут в ресторан, чтобы заказать столик для советских офицеров на Новый год.

Тот выслушал и снял трубку полевого телефона. Долго рассказывал кому-то, то и дело поглядывая на пленников. Потом он звонил еще и еще раз - шли переговоры.

Романов понимал: ситуация драматическая - группы оставались без командиров, а через несколько часов штурм. Но все обошлось: им принесли чай, поставили на стол вазы с инжиром, изюмом. Впервые за последний час улыбки коснулись губ афганцев. Офицер пригласил попробовать угощение.

Все дружно отказались. Романов за всех пытался объяснить, что никто из них не любит сладкого, пошутил, мол, чай нам не годится, предпочитаем водочку.

Время утекало, нервы были напряжены до предела, но выход один ждать.

И вот распоряжение - можете идти в ресторан. Дали провожатого, позвали хозяина ресторана. Объяснили ситуацию.

Хозяину спешить некуда. Какой шашлык подавать, спрашивает. Пришлось терпеливо рассказывать. Пока рассуждали о достоинствах бараньего шашлыка, Романов понял: надо двигаться вверх. Попросил показать место, где будет стоять их столик.

Сверху прекрасный обзор: виден Кабул, дворец, и, что особенно неприятно, позиции "мусульманского батальона" как на сковороде. Чтоб еще немножко задержать хозяина и лучше осмотреться, пришлось поинтересоваться посудой - вилками, ложками, фужерами, напомнить о салфетках, спросить о спиртном. Словом, сговорились. Будет вам шашлык, будет!

Распрощались, раскланялись, а на выходе опять афганцы задержали. Опять звонки, переговоры. Но вот вырвались. В машину - времени в обрез! Дорога на солнышке подтаяла, отмокла, того и гляди машина соскользнет в пропасть, но обошлось, возвратились в батальон ко времени. В 16 часов собрались на совместный инструктаж командир "Грома" Романов и его старшие подгрупп:

Голов, Балашов, Толстиков, Карпухин, командир "Зенита" Семенов со своими ребятами, от Первого главного управления КГБ Эвальд Козлов и Бояринов.

Решили действовать так: "Гром" выдвигается на боевых машинах пехоты и, следуя по кольцу серпантина, выходит ко дворцу. "Зенит" на бронетранспортерах подбирается к пешеходной лестнице, преодолевает ее и соединяется у фасада дворца с бойцами "Грома". Одновременным ударом группы штурмуют дворец. В распоряжение Глеба Толстикова поступила часть "мусульманского батальона". Бойцы должны были блокировать противоположную сторону дворца - пресечь попытки бегства и упредить возможный подход подкрепления.

На группу, в которую вошли полковник Бояринов, майор Поддубный и старший лейтенант Кувылин, возлагалась задача взорвать узел связи дворца. Условный знак, по которому можно узнать своих - ведь все одеты в афганскую форму - белая повязка на рукаве. Сигнал голосом по именам командиров групп: "Миша" - "Яша".

После инструктажа присели перекусить - то ли ранний ужин, то ли поздний обед. Подали суп, гречневую кашу с мясом. Николай Васильевич Берлев есть не стал.

- Ты чего, дед? - спросил его майор Зудин.

- Не буду есть, а то вдруг ранение а живот...

- Ладно тебе, Коля, накаркаешь. Давай, выручу, - и пододвинул тарелку к себе поближе.

А Берлев, вспомнив о Сарвари и Гулябзое, наложил побольше каши и тарелку отнес в укрытие. Но афганцы есть отказались, не было аппетита. Знали, что приближается время штурма.

Перед посадкой в боевые машины слегка размялись, то и дело поглядывая в сторону дворца. Он уже светился огнями. Емышев, Зудин и Волков стояли кружком.

- Давай, Петрович, покурим, - сказал Дима Волков, обращаясь к Емышеву. - Знаю, у тебя табачок всегда посуше.

Валерий открыл сумку и увидел рядом с "Явой" забытую пачку "Дымка". Уезжая из дома, сунул на всякий случай, да так и не вспомнил. А "Дымок", известно всем, любимые сигареты Зудина.

- Эй, Егорыч, - обрадовался Емышев, - выдаю тебе в виде поощрения.

И протянул ему пачку "Дымка". Зудин последнюю ночь почти не спал. За каждым закрепил оружие, боеприпасы, обмундирование. Все грозился: хлопцы, не растеряйте, вернемся в Москву - проверю.

Сигаретам он обрадовался.

- Теперь живем. Никакой дворец не страшен! Подымили и разошлись. Это был их последний разговор. Волкова прошьет автоматной очередью на посту возле полка жандармерии. Зудин погибнет у дворца. Из боя вернется только Емышев, с тяжелым ранением, без руки.

Сколько написано о войне в Афганистане! Сколько еще напишут. Да, из всей долгой, девятилетней драматической бойни самым загадочным до сих пор остается ее начало - штурм аминовского дворца. Чего только не нагородили о штурме, какие дикие выдумки и небылицы не публиковались на страницах журналов и газет, а истина так и оставалась за семью печатями.

У человека, даже очень далекого от проблем военного искусства, при виде дворца (хотя бы и на фотографии), возникает странное чувство, кстати, проверенное десятки раз: то, что называют дворцом, вовсе не дворец крепость! Трехэтажное здание, массивные стены способны сдержать удар самой современной артиллерийской системы (при штурме, как известно, использовались многоствольные зенитные установки "Шилка", снаряды которых, как орехи, отскакивали от стен). Крепость построена с истинно восточной мудростью. На господствующей высоте, видимая со всех сторон, и к ней подойти незамеченным практически невозможно. Более того, чтобы оказаться у ворот резиденции, надо преодолеть круговую серпантинную дорогу, которая вьется по склону холма и находится под пристальным наблюдением охраны. Так что наступающему подразделению придется долго кружить по дороге под огнем защитников дворца, и говорить о внезапности, как одном из факторов победы, говорить нелепо.

Однако дело не только в умелом выборе места расположения дворца и его фортификационных достоинствах, в крепость его превращала хорошо продуманная система обороны. Резиденцию охраняли национальные гвардейцы специально отобранные, тщательно проверенные, прекрасно обученные военнотружущие. Каждому

из них было что защищать. Вступая в бой с атакующими, они обороняли не только Амина, но и свою безбедную жизнь в нищей стране, высокое жалованье, солидные пайки, которыми одаривал их отец и благодетель. Тот шикарный ресторан с бассейном, который посетили командиры групп "Зенит" и "Гром" накануне штурма, тоже был для них - национальных гвардейцев.

Михаил Романов так вспоминал о своих первых впечатлениях от встречи с гвардейцами:

"Мы ехали из посольства к месту своего расположения в "мусульманский батальон". Дорога проходила недалеко от дворца. Я попросил водителя чуть притормозить. Происходила смена караула. Для нас - необычная экзотическая сцена: при смене часовые - двухметровые парни-красавцы - касались друг друга щеками. Глядя на этих поджарых, спортивных парней, автомат в руках которых казался детской игрушкой, подумал: "Ничего себе хлопцы! С такими легко не управиться".

Да, дворец был укреплен капитально: танки, два батальона пехоты, полк жандармерии, казармы которого располагались невдалеке...

Даже после весьма беглого перечисления подразделений и частей, которые находились в руках Амина, возникает естественный вопрос: как за 40 минут удалось взять такую крепость? Какие силы и средства следовало бросить, чтобы выполнить задачу в столь короткий срок? Напрашивается ясный и четкий ответ, который, кстати, мог дать как дилетант, так и профессионал: силы и средства наступающих должны многократно превосходить оборону. Вот так при отсутствии информации рождаются мифы и легенды. Возможно, где-либо в иных странах из них сделали бы героические истории, супербоевики. У нас же родилось только трагическое повествование о том, как мощная, насквозь милитаризованная держава бросила свою военную машину против беззащитного Амина. И конечно же, бедолаги гвардейцы и сам афганский руководитель стали жертвами советских спецподразделений.

Ох, уж эти навязшие в зубах советские спецподразделения! Какова их судьба? Что случилось с бойцами "Зенита" и "Грома", честно выполнившими свой воинский долг?" Именно так - долг... - говорили тогда, в 1979-м. И как называть их - героями или оккупантами, воевавшими с афганским народом?

Непросто ответить на эти вопросы. Да и нет тут однозначного ответа. Люди, о которых идет речь, - солдаты. Правда, они оказались оружием в руках политиков. Но что поделаешь, пушки всегда были последним доводом королей. А жертвами становились солдаты. Они и на сей раз стали самыми первыми жертвами жестокой афганской войны. Первыми убитыми, первыми ранеными, первыми инвалидами, их дети - сиротами, жены - вдовами.

Подобное всегда страшно. Но страшнее другое. В мирные годы, уже после Афганистана не нашлось в наших душах истинного тепла и доброты для этих людей. Произошел немыслимый парадокс. Мы так неистово плевали в мертвых, что оплеванными оказались живые.

Участник штурма дворца Герой Советского Союза Эвальд Козлов рассказал мне о безруком солдате-афганце, которого встретил у церкви. Он просил милостыню.

Неужто это и есть жуткий символ нашего строя - воин-инвалид, стоящий на паперти? Кто виноват? Государство? Да. От его имени отдавались приказы солдату. Оно должно заботиться об инвалиде. Но забота нам видится чаще в хорошей пенсии, квартире, машине. Спору нет - нужна и квартира, и пенсия. Но еще нужнее правда об этих людях. Не выдумка, не нагнетание страстей, не тем более, гнусная и наглая ложь, но одна лишь правда.

Правды, увы, мало. Она и звучит-то теперь как-то неуклюже, неловко, несмело,

Что греха таить: ведь о штурме дворца мнение однозначно Министерство обороны, КГБ бросило туда такие силы, что аминовских гвардейцев "буквально разнесли в клочья".

Да, именно так и написано в книге Д. Гая и В. Снегирева "Вторжение", выпущенной совместным советско-финским предприятием "ИНПА" в 1991 году. Книга представляет наиболее характерную, типичную точку зрения на те события.

"26 декабря, - пишут авторы, - дивизион "Шилок", многоствольных зенитных установок, обладающих большой огневой мощностью, занял позиции на господствующих высотах вокруг аминовского дворца".

Дивизион? Помните, в одной из предыдущих глав был приведен разговор Романова с генералом Дроздовым. Все, что мог дать генерал своему подчиненному, - две установки. Никаких господствующих высот они не занимали, да и занять не могли - кто бы им позволил? "Мусульманскому батальону" было отведено определенное место, там стояли и "Шилки". Кстати, именно потому сектор обстрела их был крайне ограничен.

Да, с началом штурма "Шилки" вели огонь, но, как считают офицеры "Зенита" и "Грома", эффект вышел больше шумовой, чем огневой. Но 27 декабря, - утверждает в названной книге, - дворец охранялся всего лишь обычным дежурным нарядом, а аминовская отборная гвардия находилась неподалеку в казармах. Снаружи охрану резиденции несли переодетые в афганскую форму советские десантники из уже упоминавшегося батальона".

Батальон такой действительно был и даже легенда существовала, что якобы прибыл он для охраны дворца. Но послали его, как доподлинно известно теперь, для других целей. Они и выполнялись.

Если же говорить о гвардейцах, которые, по мнению Д. Гая и В. Снегирева, "находились неподалеку в казармах", то непонятно, что авторы имели в виду, так как казарма гвардейцев как раз и находилась во дворце: на первом этаже располагались служебные кабинеты, на втором - апартаменты Амина, а третий, верхний, был отведен под жилое помещение гвардии. Читаем дальше.

"Итак, 27 декабря в 19.30 внезапно для Амина начался штурм дворца и одновременно ряда правительственных и военных объектов в центре города.

Разрушительный огонь "Шилок" (помните: две "Шилки" и снаряды, отскакивающие от стен, как горох) и других грозных систем оружия (интересно, каких?) вначале сосредоточился на казармах, где, ни о чем не подозревая, отдыхали аминовские гвардейцы. Их буквально разнесло в клочья. Можно считать, что эти люди и были первыми жертвами необъявленной войны. Уцелело всего несколько танков, вступивших в неравный бой с нападавшими".

Что касается "отдыхающих аминовских гвардейцев", то не успели наши БМП и БТРы пройти и треть пути, как попали под плотный автоматный и гранатометный огонь "ни о чем не подозревавших гвардейцев". А у дворца плотность огня была столь велика, что в первые две минуты из 22 бойцов группы "Гром" 13 оказались ранеными. В подтверждение привожу слова Героя Советского Союза Эвальда Козлова:

"Очень важно, что первая машина остановилась у входа во дворец. Остановись она раньше, неизвестно, чем бы все это кончилось. Огонь был страшнейший. Я еще сидел в БМП и только выставил ногу наружу, ее тут же прострелили. Сразу!"

Ну а ужасы про "разнесенных в клочья гвардейцев" не более, чем авторские фантазии.

Теперь по поводу "танков, вступивших в неравный бой". Военные специалисты не без основания считают, что равным танку может быть танк или соответствующее противотанковое орудие, да и то если оно достаточно маневренно. Разумеется, можно еще сбросить с самолета бомбу или запустить ракету. Но ни самолетов, ни ракет, ни тяжелых орудий, не говоря уже о танках, у атакующих не было. Так о каком "неравном бое" идет речь?

Не собираюсь, да и не ставил целью оправдывать агрессию Советского Союза против Афганистана, но к чему все переворачивать с ног на голову, беспардонно лгать? Чтобы создать образ настоящего агрессора, показать всему миру "истинный оскал советского милитаризма"? Раз уж мазать себя грязью, то неистово, до черноты. Наступали, значит, "разносили всех в клочья". Афганцы вели бой? Вели. Стало быть, для них "явно неравный". Пусть даже с помощью танков, гранатометов, под прикрытием многометровых стен, с огромным перевесом в людях, - все равно "неравный".

Да, то был неправый бой. Против этого никто сегодня не возражает. Но и неравным он был, для горстки людей из спецподразделений. Ибо дворец защищало около двухсот отменно вооруженных и отлично обученных гвардейцев, а на штурм шло сорок с небольшим человек.

И потери совсем не такие, как пишут авторы книги. Ни о каких трех десятках солдат и офицеров не могло идти и речи. Среди тех, кто непосредственно штурмовал дворец, из групп "Гром" и "Зенит", убитых оказалось четверо.

Жаль, но можно привести десятки подобных публикаций. Авторы их не отличаются желанием отыскать истину, куда проще перепевать на разные лады сочиненные когда-то и кем-то лживые легенды.

Могут возразить, мол, и рады бы написать правду, да за семью печатями хранилась она. Истинно так. Но тогда должен вступить в силу закон, с которым знакомы даже студенты-первокурсники журфака: не знаешь - не пиши...

АН нет, дело, видимо, не в семи печатях, а в невежестве по отношению к нашей истории, в лихой большевистской хватке. Те кроили, как хотели, как выгодно было, теперь другие кроить начинают.

Журнал "Столица" в статье "Как мы брали дворец Амина", опубликованной в августе 1990 года, приводит слова некоего М. К. - майора КГБ, который описывает дикий мат и ругань штурмовавших, безголовое тело Амина, найденное в подвале, и многие другие страсти. Признания майора завершает характерный комментарий: "...Общий бардак, царивший во время операции, до боли узнаваем,

и если описанные события имели место, они вполне могли происходить именно так..."

Что ж, до боли узнаваемая точка зрения. Знаю, что события происходили не так, как считает неизвестный М. К. Без злопыхательства и ерничества, на фактах можно легко доказать обратное, но не стоит ломать копыя. Лучше всего предоставить слово самим участникам штурма дворца Амина. Они справятся со своей задачей значительно лучше любого иного автора. Тем более, что подавляющее большинство из них высказываются впервые, раньше им вбивали в головы: говорить все, кроме правды. Да и фамилии многих участников штурма впервые появляются в нашей печати. Свидетельства их поистине бесценны, как для сегодняшнего дня нашей Родины, так и для будущих историков. Кстати надо заметить, что по общему сигналу бойцы "Зенита" и "Грома" при поддержке десантников атаковали не только дворец Амина, но и еще несколько важнейших военных и административных объектов Кабула: здание генерального штаба афганских вооруженных сил, здание Министерства внутренних дел (Царандой), штаб ВВС, тюрьму Пули-Чархи, почту и телеграф. Без свидетельств участников истинную картину той ночи восстановить невозможно. Да и забыть о них несправедливо: все рисковали жизнью, а кто на каком объекте оказался - на то воля судьбы.

Итак, 27 декабря 1979 года. Начинается девятилетняя афганская война.

В песне, написанной участниками тех событий, есть слова: "... В семь пятнадцать начало, сорок шесть килограмм, как сигнал прозвучало..." Что за сигнал? И каково было начало?

Кабул. Центральный узел связи Борис ПЛЕСКУНОВ, "Зенит":

- Все началось со взрыва "колодца" связи. В ходе операции Кабул был отключен от внешнего мира. Одновременно взрыв послужил сигналом к общему штурму.

В мое подчинение определили десять человек. "Колодец" связи, который нам предстояло вывести из строя, находился на людной площади. Рядом здание узла связи, пост Царандоя, через дорогу - банк, ресторан, кинотеатр. Так что в любопытствующих не было недостатка, что осложняло выполнение задачи.

Решили действовать после 19.00, когда уже наступал комендантский час и площадь пустела. Выехали на УАЗах. Две машины остановились у ресторана, а наша подъехала вплотную к люку, который вел в "колодец".

Дождались условного сигнала - хлопнула, резко закрытая дверь автомобиля. Значит, пост на месте. Сотрудник нашей группы Хаятов, владеющий языком, ушел, чтобы отвлечь постовых. Трое человек заслонили нас. Валерий Волох, который сам изготовил щипцы для вскрытия люка, поднял крышку, а я в рюкзаке запустил в "колодец" два мощных заряда.

В "колодце" была вода, но это не испугало: действие своих зарядов мы проверяли заранее. Взрыватель поставили на 15 минут.

Сели в машину. Окликнули Хаятова, который вошел в роль и увлеченно беседовал с постовым, угощая его сигаретами.

Через несколько минут мы уже были на вилле. Такого скорого возвращения никто не ожидал и один из руководителей даже высказал сомнение, мол, все ли успели сделать.

Но часы уже показывали 19.15. Прозвучал мощный взрыв. Кабул лишился связи.

12 января я возвратился в Москву и прочел в "Известиях" статью под заголовком: "Народ защищает революцию". Корреспондент писал, что он ведет необычный репортаж, поскольку "бандиты провели очередную вылазку и связь со столицей Афганистана прервана".

Министерство внутренних дел (Царандой) Евгений ЧУДЕСНОЙ, "Гром":

- При штурме Царандоя нам поставили задачу охранять Нур Ахмат Нура, который собирался призвать защитников министерства сдать.

Примерной 18-18,30 к вилле "Зенита" подъехало три грузовика. В кузовах сидели солдаты и несколько бойцов "Зенита". Нура посадили в кабину, Александр Лопанов и я сели по бокам.

Едем по Кабулу. Мирный город, снуют афганцы, повсюду жарятся шашлыки. До сих пор помню удивительный запах тех шашлыков. А мы едем на войну. Все три машины остановились у светофора. Он несколько раз переключился, можно двигаться, а мы стоим, ждем. Наконец двинулись. У здания МВД снова остановились, тут солдаты и "зенитовцы" выскочили из машин. Нуру дали мегафон и он стал призывать сдать оружие, кричал, что пришла законная власть. Из окон министерства ответили автоматным огнем.

Штаб Военно-Воздушных Си-1 Анатолий САВЕЛЬЕВ, "Гром":

- Мне с Виктором Блиновым было поручено захватить штаб ВВС. Дали нам в помощь лейтенанта-десантника и его взвод. Пришли к нашему советнику, который находился в штабе, а тот разработал план: никакого штурма, по два человека проходят в здание, спокойно, без суеты сосредотачиваются в одном из кабинетов.

Вторая половина взвода находится на удалении и, замаскировавшись, ждет сигнала. Они разоружают внешнюю охрану, мы - внутреннюю.

Действительно, афганские солдаты даже внимания не обратили, когда в здание штаба ВВС стали время от времени входить наши десантники.

Отдельный пост полка жандармерии Павел КЛИМОВ, "Гром";

- Я, Дмитрий Волков, двое ребят из "Зенита" и два танковых экипажа из "мусульманского батальона", по пять человек во главе с офицерами получили задание: до начала общего штурма выдвинуться и захватить два танка,

находящиеся в прямой видимости из дворца. Из них произвести несколько выстрелов по дворцу.

Погрузились в машину, подъехали к посту. По нашим данным там должно было находиться двое часовых, оказалось - четверо. Это осложняло выполнение задачи. Но отступить нельзя.

Волков и один из "зенитовцев" вышли из машины и пошли в сторону поста, все остальные через задний борт "десантировались" и тут же залегли, спрятавшись за косогор.

Через несколько минут на посту неожиданно раздались выстрелы. Что там случилось, не знаю. Стрельбу слышали в казарме, которая располагалась недалеко, и мы увидели выбегающих оттуда вооруженных людей. Они поднимались вверх в гору, на господствующую высоту. Еще несколько минут, и наша цепочка, растянувшаяся на снегу, перед ними как на ладони. Танковые экипажи вступили в перестрелку, мы вдвоем с офицером из "Зенита", развернувшись в другую сторону, открыли огонь по дворцу.

Дворец Дар-уль-аман,

Михаил РОМАНОВ, командир группы "Гром":

- Начался штурм. Каждая из нескольких моих подгрупп двигалась на боевой машине пехоты.

Заход в район дворца предполагался с двух сторон - мы "крутимся" по серпантину, а Яша Семенов со своим "Зенитом" выходит к пешеходной лестнице, которая ведет наверх. У фасада соединяемся. Но на войне как на войне. Прорыв группы шел под ураганным огнем, загорелся бронетранспортер.

Яков СЕМЕНОВ, командир группы "Зенит": - Наша колонна - четыре БТР. Когда заговорила "Шилка", ее поддержали пулеметы, стало ясно: игры кончились, началась война.

Я шел на первой машине. Мы успели проскочить. Второй бронетранспортер подожгли, остальные уцелели. Десантировались. А тут ад кромешный! Наша "Шилка" бьет по дворцу, снаряды скачут от стен, как резиновые. Из окон поливают... В общем, прижали нас, пришлось залечь. И поднялись лишь, когда "Шилка" подавила пулемет в одном из окон дворца.

Сергей КУВЫЛИН, "Гром":

- Была некоторая несогласованность в действиях. Мы еще не успели отъехать, я еще двери в БМП закрывал, а "Шилка" открыла огонь. Фактор внезапности оказался потерянным.

Словом, садимся, а в машине людей битком. Все по полной выкладке, в бронежилетах. Смотрю: бежит полковник Бояринов. Я его немножко знал, когда в Высшей школе учился. Кричит: "Ребята, ребята, меня забыли! Куда мне сесть?"

А куда тут сядешь - народу, как селедок в бочке. Но кое-как разместились, пришлось, правда, на пол, спиной к дверям, сесть.

- Товарищ полковник, - говорю, взяв его руку, - вот здесь кнопка, рычаг будете открывать, я не дотянусь. "Добро, добро", - отвечает. Едем. Вдруг слышу какой-то drobный стук. Думаю: двигатель, что ли, застучал? Оказывается, осколки и пули по броне. И чем дальше едем, тем больше долбят. Я потом, после боя, фальшборт на своем БМП оглядел - решето! Самое настоящее решето, дуршлаг, хоть макароны отбрасывай.

Едем, вдруг остановка. Никто не знает: вылезать, не вылезать. Командир БМП, офицер из "мусульманского батальона", у которого была связь, кричит: "Сидеть!"

Михаил РОМАНОВ:

- Остановка произошла из-за подбитого афганского автобуса, его пришлось объезжать. Потом была поражена наша БМП. Десантировались. Залегли и начали бой.

"Шилки", к сожалению, нам мало помогали. Их огонь накрывал незначительную часть дворца.

Лежим. Рядом со мной Эвальд Козлов, чуть дальше Саша Репин, Мазаев. Я выбрал два окна и поочередно поливаю: очередь туда, очередь сюда. Расстрелял магазин и, как рачительный командир, чтобы сберечь имущество, бросаю его в открытые двери стоящей рядом БМП. А оттуда дикий крик! Кто-то из экипажа подумал, что влетела граната. Так что трагическое и комическое и тут были рядом. Вдруг рев двигателей, машины пошли. Мы попрыгали в них и стали прорываться ближе к центральному входу, где ребята, двигавшиеся в голове колонны, уже вели бой.

Штаб Военно-воздушных Сил Анатолий САВЕЛЬЕВ:

- Где-то около 19.30 мы разоружили внутреннюю охрану. Забрали автоматы, выставили свои посты. Советник предупредил, что у начальника штаба всегда у стола стоит гранатомет, ну конечно же, есть и личное оружие. Что касается гранатомета, то он не представлял опасности. Кто будет стрелять из гранатомета внутри помещения? Ну а пистолет - тут уж надежда на себя.

В общем, вошли мы в кабинет начальника штаба. Советник говорит: вы арестованы. Он сдал оружие. Были также разоружены все офицеры, их арестовали, посадили в комнату, взяли под охрану. Операция прошла без единого выстрела.

Дворец Дар-уль-аман Валерии ЕМЫШЕВ, "Гром":

- Наша БМП остановилась на углу дворца. Мы выскочили. Перед нами дворец, освещенный прожекторами. И тут боевые машины опять газуют, задние двери захлопываются. Сесть не успеваем. Подаю команду:

- Под прикрытием БМП - вперед!

Бежим. Темно, ничего не видно, только пули свистят над головой. Две передние машины ушли вперед - первая стояла уже у центрального входа, вторая чуть ближе.

Огляделся. Остались мы вдвоем с Якушевым, Поддубный куда-то исчез. Я говорю Якушеву: "Надо пробираться к центральному входу".

Над входом во дворец - козырек, колоннада по кругу. Когда вбежали внутрь, Якушев бросился по лестнице наверх, а я направо, заглянул в дежурную комнату. Она была пуста. Коридор тоже оказался безлюден.

Вижу, Якушев поднимается по лестнице, оборачивается ко мне и кричит:

- ...Твою мать, что же они делают?

А наши "Шилки" и действительно били по дворцу, по своим. Наверное, сигнал "отбой" для них не прошел.

Так вот, он крикнул и упал. Как-то медленно упал, словно не торопясь. Я даже сначала подумал, что он присел или пригнулся. Бросился к нему, и тут, вдруг удар в руку, автомат на полу, сам свалился. Но помню: сознание не потерял.

Ребята говорили потом, что афганцы вниз со второго этажа гранатами нас забросали. Не могу точно сказать. Когда отрывает руку, трудно запомнить детали.

Словом, я оказался на полу и пополз к выходу. Вижу, у дверей наши сосредоточиваются. Кто-то оттащил меня, перевязал.

Николай БЕРЛЕВ, "Гром":

- Наша БМП под номером 36. В десанте - Карпухин, Коломеец, Гришин, Плюснин и я. Остановились перед дворцом, открыли люки. Пули бьются о броню, как мухи о лобовое стекло, носа не высунуть. Но сидеть в боевой машине еще хуже: из окон бьют гранатометчики.

Выбегаем - и к дверям. У входа во дворец лежит Валера Емышев: правая рука оторвана, болтается на жилах.

Рядом вскрикнул Сергей Коломеец: "Дед, мне грудь обожгло". "Тебя ранило, Серега!" Я его оттащил в уголок у парадной двери.

А гранаты сыплются сверху, как огурцы. И шквальный пулеметный огонь отовсюду.

Сергей КУВЫЛИН:

- Когда мы выпрыгнули из БМП, грохот стоял страшный. Не понять: откуда стреляют. Казалось, со всех сторон. Смотрю, Зудин - или, как мы его звали между собой, "Егорыч" - побежал и залег у какого-то постамент. Кубообразнойтакой,

железобетонный. Я упал напротив. Лежим с Егорычем. А дворец метрах в двадцати от нас. Как уцелели в эти первые минуты, представить трудно. Если глядеть с верхних этажей, мы просто идеальные мишени.

Быстро кончились патроны, Зудин еще один магазин подбросил. Тут, смотрю, граната падает между нами, рвется - и Егорыч за лицо схватился, а из-под пальцев кровь течет - густая, как кисель. Он головой ткнулся и затих. Я кричу: "Егорыч, Егорыч!.." Приподнялся - меня как стеганет по лицу, осколками, наверное. Один потом вышел из подбородка, маленький, как патефонная иголка.

Тут я, признаться, растерялся. Кругом никого, сверху стреляют. Лежу один. Имел бы силы - бетон бы прогрыз и закопался.

Ближняя БМП дернулась и пошла. Прямо на меня. А триплексы разбиты, она совсем "слепая": в барьер ткнулась и лезет дальше. Я руку поднял, автоматом машу, кричу: "Свои!" Слышу, чуть сзади Кузнецов тоже кричит: "Ты что делаешь?" Стрелять по машине - там подумают, чужие, прибавят оборотов да и раздавят.

Секунды уходят, БМП рулит на меня. А с места не сдвинуться. Чувствую, если поднимусь - голову потеряю, лежать буду - ноги переедет. Думаю, как лучше повернуться. Если вдоль по ноге гусеницей - совсем растерзает, поперек - хоть до колен отрежет.

И тут БМП ударяется корпусом в железобетонный куб. Я автомат в руку и пытаюсь вскочить, а нога-то под гусеницей. Боюсь поглядеть на собственную ногу, но когда шевелю, она шевелится. Чудо, нога на месте, адски болит, но на месте. Ну как после этого не поверишь в судьбу?

Глеб ТОЛСТИКОВ, "Гром":

- Я руководил одной из подгрупп. С нами ехали четверо солдат из "мусульманского батальона". В машине у меня, кроме обычного вооружения, были лестницы, сделанные заранее. Дорога, ведущая ко дворцу, с одной стороны обрамлена высокой бетонной стеной, на нее никак не залезешь, только с помощью лестниц. Или бежать под огнем. Решили с помощью лестниц сократить путь: подставить к стене - и наверх. Держать лестницы должны были солдаты.

Так мы их и проинструктировали: как только открываются двери БМП, выскакивайте, хватайте лестницы. В жизни получилось подругому. Подъехали, выпрыгнули, попали под огонь, и солдаты мои, как упали, так и не встают, будто приморозило их к дороге. И так я и этак с ними, и кричать, и пинками поднимать. Куда там. Не встали. Короче говоря, теперь уж не помню: сами лестницы держали или под пулями бежали, но наконец оказались там у главного входа во дворец...

Михаил РОМАНОВ:

- Когда после всех остановок мы выдвинулись к главному входу и я выскочил из БМП, поверьте - весь вспотел. Плотность огня невероятная. Эвальд Козлов рядом со мной стоит, а я его не слышу: такой грохот вокруг. Он стреляет из пистолета

Стечкина, и вдруг кричит мне: "Михалыч! У меня пистолет сломался". Смотрю, а у него затвор в заднем положении. Расстрелял всю обойму и не слышит, огонь просто зверский.

Ведь тут не только гвардейцы стреляли, "проснулись" батальоны, вкопанные в землю танки, стоящие на защите дворца. В общем, творилось нечто невообразимое. Ау меня из 24 человек 13 раненых. Две минуты боя - и 13 лежат. Что еще можно страшнее придумать для командира? Но страх страхом, а задачу выполнять надо. Выдвинулись к входу. Здесь стояли Карпухин, Берлев. Убитых было много, человек шесть афганцев, они падали сверху и лежали у входа. Здесь же тяжелораненый Емышев. Я говорю: немедленно его в БМП.

Потом и сам оказался в этой боевой машине, когда меня контузило. Как раз формировал штурмовую группу и взрывом отбросило от бруствера на борт БМП. Кровь из ушей, в голове гул, стал на колени, постоял - очухался. Тут подошел Филимонов, с ним раненый в глаз Швачко.

И на первом этаже гремит бой. Его вели Карпухин, Берлев, Плюснин, Гришин, Коломеец, Бояринов...

Министерство внутренних дел (Царандой)

Евгений ЧУДЕСНОВ:

- Мы стояли перед зданием Царандоя, до главного входа метров 15-20. Но с верхних этажей огонь усиливался, летели гранаты, и потому решили не испытывать судьбу. Прикрывая собой Нура, двинулись к входу, приходилось отстреливаться из пулемета. Здесь я получил контузию. Из носа и ушей пошла кровь, на некоторое время потерял ориентацию, а когда очнулся, вижу: окружающие открывают рот, что-то говорят, но не слышу, что именно.

Хотя разбираться в своем состоянии, признаться, времени не было. Ворвались в здание, определили Нура в один из кабинетов, дали ему охрану и бросились помогать нашим ребятам.

А бой переместился уже на верхние этажи. Помню, услышал крик, страшный такой, душераздирающий. Бегом туда. Оказывается, ранен в ноги совсем молодой афганец, защитник министерства. Перевязал его, а только что я бинтовал плечо нашему десантнику, такому же мальчишке. Он все рвался в бой, пришлось даже прикрикнуть, назвать свое воинское звание, чтобы слегка охладить пыл.

Дворец Дар-уль-аман

Виктор КАРПУХИН, Герой Советского Союза, "Гром":

- Мы попали под жесточайший обстрел гвардейцев. Заняли позиции и на огонь ответили огнем. Так началось кровавое столкновение профессионалов.

Должен признаться, у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда она? Наверное, воевать можно научиться только на войне, как бы это

жестоко ни звучало. А мы привыкли видеть войну в кино. "По-киношному" она и воспринималась.

Но все пришлось увидеть наяву. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу, вот ранен сам, а надо действовать, расслабиться нельзя ни на секунду. Убьют.

В первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело. Охрана резиденции - сильная, высокообученная, отлично вооруженная. И главное, почти в четыре раза превышающая нас в живой силе. По всем воинским наукам силы обороняющихся во столько раз могут быть меньше, но никак не наступающих. Иначе атака обречена. Выходит, опрокинули мы теорию. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность. Нас выручить уже никто не мог, тыла никакого.

Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперед.

Сергей КУВЫЛИН:

- Остался я с одним пистолетом. А что с ним делать? Пополз к Зудину. Он лежит без сознания, но как живой, будто спит. Потрогал его - не шевелится. "Егорыч, - говорю, - если меня слышишь, вникай: вот тебе пистолет, кладу в кобуру". Руку его поднял и на кобуру положил. Взял его автомат, а сам думаю: лежать под огнем - все равно убьют. Приподнялся и поскакал на одной ноге к центральному входу. Как доскакал, почти не помню.

Правда, когда в двери проскакивал, видел Емышева. У него рука была в крови. Сидел, прижав ее к животу, бинты размотались, показалось, что он в живот ранен и кишки вывалились.

Очнулся уже в вестибюле главного входа. Ребята потом говорили, что видели меня убитым. Романов даже провел рукой по лицу и говорит: готов.

Карпухин рассказывал, что тоже через меня как через мертвого перешагнул.

Ну а я очнулся - по полу ползаю. Сверху вестибюля круговая лестница на второй этаж ведет. Оттуда гранаты бросают, из пулеметов так и сыплют. Я отполз в сторонку, поднимаюсь, смотрю - справа коридор, наши ребята выходят, у них белые повязки на руках. Не разглядели меня, что ли, или в горячке боя, один очередь в мою сторону запустил и вслед гранату. Я смотрю и думаю: ну вот, теперь конец. Упал за диванчик, шелком обтянутый. Не для войны диванчик, от смерти не спасет. Рвануло. Чувствую, вроде живой. Вскочил, заорал: "... Вашу мать!" Впрочем, дальше выяснять отношения некогда: бой не ждет.

А тут Бояринов подбегает. У него на голове каска, а лицо кровь заливает. Руки забинтованы, тоже в крови. Пистолет у него в руке. Говорит мне: "Ну что, надо узел связи взрывать". "Наших-то нет никого, - отвечаю, - я один остался". "Теперь

нас двое, пошли вдвоем". Опираясь на автомат, пошел. Хорошо, недалеко было, добрались.

Ну а там что? Как обычно: кабели, аппаратура. Шнуры повыдергивали, телефоны разбили. Бояринов говорит: "Нет, Серега, так не пойдет, давай гранатами забрасаем". Покидали туда гранаты, дверь закрыли. Рвануло как надо. И Бояринов побежал на второй этаж. Я остался перекрывать коридор. Это было за несколько минут до гибели Бояринова.

Отдельный пост полка жандармерии Павел КЛИМОВ:

- Стемнело. Мы с "зенитовцем" вели бой в стороне от общей цепи танкистов, пока к нам не прилетела граната. Видимо, кто-то подобрался на дистанцию броска и из-за косогора запустил гранату. Помню взрыв и состояние оцепенения, когда не знаешь: жив ты или мертв?

Граната разорвалась, наверное, в метре от наших ног. У соседа ранение в горло, у меня осколки пошли в ноги, руки, в грудь, живот. Состояние было тяжелое: голова гудит, ног-рук не чую. Сознание то уходило, то возвращалось.

По плану операции с начала штурма к нам должны были подойти БТРы. Они подошли, подбежали солдаты, спрашивают: "Что у вас?" А я как-то даже не понял, что ранен. Отвечаю: "Сосед ранен, меня контузило". Но чувствую, руки уже какие-то чужие, не работают. Говорю солдату: "Оружие мое возьми." Он взял, все вертел бесшумный пистолет, удивленно разглядывал.

Потом подошел другой военный, возможно, офицер, тоже спросил, как дела. Я ответил, мол, ничего. Но ребята теперь не поверили, стали перевязывать, и тут я вновь потерял сознание.

Дорец Дар-уль-аман Валерий ЕМЫШЕВ:

- Не помню, сколько времени прошло, я уже был в БМП, когда солдат открыл дверку и говорит: "Пойдемте, там медпункт открыли".

Поднял меня солдат под мышки, поковыляли. Медпункт открыли в одной из угловых комнат дворца, там прислуга, кажется, жила, а поводырь перепутал дорогу и потащил меня к центральному входу.

Зашли внутрь, темно, опять та же лестница, где Якушева убило. Стрельба, гранаты бухают. "Э, парень, - говорю, - куда ты меня привел, я уже здесь был".

Потащились назад, нашли медпункт. Наша женщина-врач сразу уложила меня, поставила капельницу. Я выпил графин воды. Лежу под капельницей, вроде чуточку полегчало. "Эх, закурить бы еще". Она говорит: "Подожди, еще накуришься". Ну а после оказалось не до курева.

Смотрю, приносят Бояринова. Я его знал, поскольку в Высшей школе КГБ учился. Койка моя рядом, повернул голову, смотрю, а Григория Ивановича не узнать, все

лицо в крови. Доктор подошел, пощупал пульс, склонился, постоял, потом накрыл простыней... Вот и все. Убили солдата.

Дворец Дар-уль-аман Михаил РОМАНОВ:

- Появился Яша и его "зенитовцы". Собрались: Эвальд Козлов, Сергей Голов, Миша Соболев, Плюснин, Гришин, Филимонов.

Во дворец проникли через одно из окон. Непонятно, кто откуда ведет огонь. Во дворце много дверей из толстого стекла, без всякого обрамления. Увидев впереди мелькнувшие тени, бросаешь гранату, чтобы расчистить путь, но граната отскакивает, как колобок, и катится тебе же под ноги. Соображай, что делать - пригибаться, падать на пол, прятаться в стенных нишах?

В составе этой группы нам удалось прорваться на второй этаж. Бросишь гранату - и вперед. По звуку определяли, где наш автомат работает, где чужой. Однажды в журнале я прочел, что очередная этажная площадка, на которую мы поднялись, была залита кровью. Не знаю, каким образом это стало известно - никто из пишущей братии дворец не штурмовал. Возможно, автор фантазировал, если это так, то он попал в точку.

Эвальд КОЗЛОВ, Герой Советского Союза:

- Вообще, впечатления от событий, восприятие действительности в бою и в мирной жизни очень разнятся. Года через два, в спокойной обстановке, вместе с генералом Громовым я ходил по дворцу. Все выглядит по-другому, совсем иначе, чем тогда.

В декабре 1979 года мне казалось, что мы преодолевали какие-то бесконечные потемкинские лестницы, а оказалось - там лесенка узенькая, как в подъезде обычного дома. Как мы всемером шли по ней - непонятно. И, главное, остались живы.

Так случилось, что я шел в бой без каски и бронежилета. Теперь жутко представить. А в тот день и не вспомнил. Казалось, внутри я опустел, все было вытеснено и занято одним стремлением - выполнить задачу. Даже шум боя, крики людей воспринимались иначе, чем обычно. Все во мне работало только на бой, и в бою я должен был победить.

Сергей КУВЫЛИН:

- Я перекрывал коридор. В конце его - металлическая винтовая лестница. По ней наши ребята не должны были идти, но на всякий случай кричал: "Миша!" Это наш условный сигнал.

Спустя некоторое время прибежали Карпухин с Берлевым. Берлев остался со мной, залег в противоположном конце коридора, а Карпухин поднялся на второй этаж. Там по-прежнему шел бой.

Николай БЕРЛЕВ:

- Ребята, проскочив на второй этаж, распахивали двери и бросали в кабинеты гранаты. Они уже прошли по коридору вперед, когда сзади них в коридор выскочил Амин - в адидасовских трусах и в маечке. Думаю, он уже был смертельно ранен.

Когда закончился бой, ко мне подбежал Сарвари, весь дрожит, трясется: "Пойдем, посмотрим Амина". Поднялись наверх, посмотрели, да, действительно убит. Сарвари обрадовался, руками начал размахивать. Подбежал к пленным афганцам, что-то возбужденно тараторит. Все, он совершил переворот, он герой! А ведь и Сарвари и Гулябзой в бою не участвовали, сидели в БМП, невозможно было вытащить никакой силой.

Нам с Карпухиным пришлось еще разыскивать во дворце начальника гвардии, майора Джандата, того самого, который предал Тараки. Именно Джандат отдал приказ об уничтожении руководителя страны, что и исполнили офицеры гвардии.

Помнится, заглядываем в одну комнату, в другую. Показалось: шевельнулась штора. Отодвинул ее стволом автомата и вижу перед собой начальника гвардии.

- Витя! - кричу Карпухину, - Джандат!

- Я врач, врач! - испуганно орет человек, похожий на Джандата. Вправду оказался врачом, потом внизу помогал раненым. А ранены были практически все. Емышеву оторвало руку, у Алексея Баева прострелена шея, Кузнецов получил серьезное ранение в ногу. Коле Швачко осколок попал в зрачок глаза. У Сергея Голова девять пулевых и осколочных ранений.

Я, когда улетал из Москвы, бросил в рюкзак две бутылки водки. Закончился бой, говорю Карпухину: "Виктор, пойдем выпьем". Он даже не поверил: "Да ты что?" Хватить рюкзачок, а водку-то сперли. Я понял кто. Прижали одного, другого сержанта из "мусульманского батальона" - те вернули. Выпили за окончание боя, афганцам налили, врачу, которого приняли за Джандата.

Ну посидели, поговорили, вдруг слышим: "щелк!" А в тишине после боя хорошо слышно. Такое впечатление, будто кто-то холостой спуск сделал. Пошли, открыли лифт, а там раненый афганец. Взяли его автомат действительно, ни одного патрона. Вот почему мы с Виктором в живых остались - будь у него патроны, срезал бы одной очередью. Улыбнулась, стало быть, судьба.

Кстати, не один раз улыбнулась. Когда я бежал по коридору, пуля разбила магазин автомата. Патроны рассыпались. По сути, безоружный, стою на коленях, собираю патроны. На счастье рядом Сережка Кувылин оказался: "Дед, что случилось?" - И рожок мне свой дает. Только я взял, смотрю: из дверей вылетает гвардеец. На долю секунды его опередил.

Сейчас музей организовали, лежит на стенде мой разбитый магазин. Считайте, дважды я с ним умирал и дважды рождался.

Яков СЕМЕНОВ:

- Бой был тяжелый. И последующая ночь прошла в перестрелке. Из моих ребят отличились Володя Рязанцев из Смоленска, Дроздов,

Быковский. Многие оказались ранены, контужены. Сказать, что все ребята были смельчаки, герои - не могу. Кто-то шел вперед, кто-то держался сзади.

Отдельный пост полка жандармерии Павел КЛИМОВ:

- Очнулся в очередной раз. Идет бой, лежу на земле, вокруг никого нет, все ушли. Встал, смог еще встать. Помню, что где-то здесь должны быть наши бронетранспортеры. К ним и пошел.

Меня сильно знобило. Позже сказали врачи, что потерял три литра крови. Кое-как добрался до боевых машин и солдатам говорю: "Плохо мне, ребята!" Меня в машину положили, там труба горячая, ноги поставил, а руки заледеневшие солдат согревал своим дыханием. Сидел все время со мной и дышал на руки. После я отключился надолго. Пришел в себя на минутку, уже в медсанбате, кто-то спрашивает: "Пить хочешь? Каши хочешь?" - "Хочу!" Глотаю, а пищевод-то пробит, снова шок, отключаюсь.

В посольстве на минутку очнулся, когда вливали кровь. А потом, в Ташкенте, не могли носилки вытащить со мной, так я решил сам подняться, помочь...

Штаб Военно-Воздушных Сил Анатолий САВЕЛЬЕВ:

- Прошел уже час с небольшим, совсем стемнело, все стихло. Мы решили, что стрелять некому, все арестованы, однако ошиблись. Вблизи штаба располагалась курсантская казарма, оттуда и открыли огонь. Выстрелом из гранатомета прошили броню нашей БМДэшки, которая стояла у штаба. Погиб молодой солдат-десантник. Здесь я в первый раз увидел смерть в бою, залитый кровью комсомольский билет.

Старались на выстрелы не отвечать. Заставили начальника штаба ихних ВВС соединиться с курсантским подразделением и отдать команду о прекращении огня.

Правда, пока вели переговоры, сами чуть не погибли. В кабинет начштаба влетела граната, но Бог миловал. Курсанты же вскоре стрельбу прекратили.

Дворец Дар-уль-аман Сергей КУВЫЛИН:

- Когда все закончилось, вышли из дворца. Михаил Михайлович смотрит на меня, будто я с того света вернулся: "Ой, Серега, ты живой!"

Потом нас увезли в медсанбат, который был устроен в прежней казарме. Меня положили на кровать: нога распухла, ботинок пришлось разрезать.

Принесли Пашу Климова. Он лежит, ноги к животу прижимает: пить, пить... Смотрю: солдат тащит ему воду в кружке. Спрашиваю,

куда он ранен? Оказывается, в живот. Что ж ты ему воду суешь, он умрет сразу. Дошло. Намочил вату, потер Паше губы.

Валерий ЕМЫШЕВ:

- Еще во дворце доктор наложил мне на руку жгут. Пока ехали в медсанбат, я все терпел, а потом вытащил нож и разрезал резинку.

Приехали. Меня в операционную, перед лицом как-то-то тряпицу повесили, чтобы не испугать. Осмотрел меня хирург, потом, вижу, кивнул медбрату. Все ясно, думаю, будут убирать остатки. Отрезали руку и в тазик бросили.

А вечером эвакуировали в посольство. Там я бутылки три пепсиколы залпом выпил и отключился. Утром проснулся, нас уже готовят к эвакуации в Союз.

Виктор КАРПУХИН:

- В посольстве к нам отнеслись необыкновенно тепло. Дарили цветы, без конца кормили. Семьи сотрудников посольства отдавали все: одеяла, теплую одежду. Уверен, будь у них тогда последний кусок хлеба - отдали бы и его.

Право же, чудно сказать, что поехали мы гуда, дабы приобрести лишние дырки в теле, лишиться рук, ног, стать инвалидами. Ведь тогда нам никто ни копейки ни за что не платил. Говорили, мол, все в интересах Родины. Вспомните, будьте честны перед собственной совестью, многие ли в том, 1979 году, думали иначе? Ну а сегодня мы, конечно, поумнели - крепки задним умом.

Штаб Военно-воздушных Сил Анатолий САВЕЛЬЕВ:

- Среди ночи к нам приходит сообщение: танки прут на штаб! Я у лейтенанта-десантника спрашиваю: "Что будем делать?" Он задумался: "Знаешь, если танки вырвутся на летное поле, мы их не остановим. Там у нас всего три БМП. Давай машины выдвигать вперед, перекроем улицу. Она не широкая, это нам на руку. Пойдут - станем бить".

Майор-советник слушал-слушал наши аргументы, а потом говорит: "А откуда здесь танки? Не могут тут находиться афганские танки".

Мы с ним в машину - и вперед. Темно. Ночь. Видим, действительно танки идут. А кто их разберет - наши они или афганские? Майор выскочил из машины и навстречу колонне. На переднем танке командир в башне, по-походному. Остановилась колонна. Советник спрашивает: "Ты куда рулишь, воин?" Тот называет точку. "Так это же в обратную сторону", - смеется майор. Оказалось, карты Кабула у них не было, города не знают. Им дали точку, они и прут. Заплутали, всех переполошили.

Но, как видите, все окончилось благополучно. Спасибо майору.

Михаил РОМАНОВ:

- Что скрывать, была радость победы и тут же, рядом, самое страшное потрясение в жизни - следовало опознать тела погибших товарищей. Мы поехали вместе с Яшей Семеновым и Эвальдом Козловым. Я с трудом опознал Волкова, Зудина... После увиденного не хотелось жить, а не то, что опять брать в руки автомат. Но надо было возвращаться во дворец, там уже организовали оборону. И как показала предстоящая ночь, вовсе не зря.

Всю ночь нас обстреливали танки, били прямой наводкой. Где-то ближе к утру генерал Дроздов поднял нас командой: "Приготовиться к бою, к отражению атаки!" Километрах в десяти-двенадцати располагалась так называемая "голубая дивизия" Амина. Она-то и поднялась в атаку.

Что делать? Боеприпасов оставалось совсем немного, люди выбились из сил. Вертолеты ночью не летают. Словом, помочь некому, висим на волоске. Да еще у нашей радиостанции аккумуляторы повреждены. Хоть и очень хотелось бы связаться с командованием, координаты дать - не связались бы. Так прошла ночь.

Утром слышим гул. Уже при ясном небе видим самолеты. Витебская десантная дивизия заходила на посадку в Баграме. Молили об одном: чтоб успели.

Конечно, после всех передрыг мы наслушались шикарных обещаний. Прямо во дворце меня к Герою Советского Союза представили. Генерал Юрий Иванович Дроздов, начальник спецуправления Первого главного управления, тут же по своей рации связался с Москвой, и получил добро самого высокого начальства.

Герой героем, но на следующий день мне стало худо. Удар, когда во время боя меня отбросило к бронетранспортеру, оказался такой силы, что "посыпались" камни из почек. Боль страшная, не дай Бог никому испытать. Но я еще не знал и догадаться не мог, что мои боли - впереди.

Сергей КУВЫЛИН:

- В посольстве нас сразу перевязали и на рентген. У меня осколки оказались в ноге и в руке, в горле. Кровь шла изо рта. Но я не придавал этому значения, думал - прикусил чего-то там. А потом оказалось: пробило щитовидку и в трахее застрял мелкий осколок.

Лишь недавно, через двенадцать лет мне его вынули. В посольстве положили нас в коридоре, отношение было очень хорошее. Женщины помогали жены работников посольства. Накормили нас, сигаретами снабдили. До рассвета некоторые ребята с тяжелыми ранениями не дотянули - вынесли одного, другого...

А утром всех в автобус и в аэропорт. По улице продвигаемся, смотрим: кто с афганским флагом на танке едет, кто - с белым. Где свои, где чужие? Будут стрелять - не будут? Всюду вооруженные автоматами афганцы. Наш водитель то и дело из окна автобуса белым

полотенцем машет. В общем, доехали до аэропорта, а там в самолет и курсом на Ташкент.

Министерство внутренних дел (Царандой) Евгений ЧУДЕСНОВ:

- Ночь мы провели в захваченном здании. Под утро, часов около трех-четырёх, по радио выступил Бабрак Кармаль. Нур сосредоточенно и очень внимательно слушал речь теперь уже, как было объявлено, Генерального секретаря ЦК НДПА.

А утром вместе с Нуром я ездил на узел связи и там впервые узнал страшную весть: погибли Гена Зудин и Волков.

Дворец Дар-удь-аман Глеб ТОЛСТИКОВ:

- После взятия резиденции Амина, когда увезли убитых и раненых, мы ночь еще воевали. Утром все стихло.

Удивительное было утро: свежее, ясное, воздух такой, что дышишь - и надышаться не можешь. А главное, все поверили в то, что кончился этот кошмар.

Я вышел из дворца, встал у колоннады, щурился на солнышко. Вдруг очередь. Резко, пронзительно - та-та-та! Офицер, молодой парнишка, не помню - десантник ли он или из "мусульманского батальона" - схватился за живот и падает, гаснет. И не понять, откуда стреляли. Я подхватил его, паренька перевязали, отправили в медсанбат. Не знаю дальнейшую его судьбу, хочется верить, что выжил. Вот таким я запомнил то утро - первое утро афганской войны...

Внизу у дворца, сбившись в толпу, стояли пленные гвардейцы. Оружия у них не было, но в руках они держали белые наволочки.

Берлев взял у одного из гвардейцев наволочку, заглянул внутрь: там лежали десятка два автоматных магазинов. Он вспомнил ящики с гранатами у оконных проемов на втором этаже. "Основательно вооружились ребята, только вот не успели. Хотя как сказать, только что увезли тела убитых Геннадия Зудина, Бояринова, Якушева, Суворова из "Зенита".

Подошел Виктор Карпухин.

- Николай, надо дочерей Амина в медсанбат отвезти. Берлев подогнал машину, усадил девчонок. У одной ранение в колено, у другой осколок пробил икроножную мышцу.

Теперь они ехали обратно, кружили вокруг дворца, спускаясь по серпантину вниз, в расположение "мусульманского батальона". Не верилось, что со времени сигнала, бросившего людей на штурм, прошел какой-нибудь час. Совсем недавно локоть к локтю сидели они за ужином с Генкой Зудиным, шутили, а теперь нет Генки и Димы

Волкова нет. Паша Климов тяжело ранен в живот. Кто знает: выживет не выживет?

Говорят, сегодня ночью всех раненых перебрасывают в Союз. Вот только куда - в Москву, в Ташкент? Лучше бы в Москву, столица, врачи получше. Сюда бы Игоря Коваленко из института Склифосовского. Не врач, а Бог в своем деле. Берлев лечился у него. Да и других ребят устраивал по старой дружбе. Ивона, например, когда тот повредил ногу на парашютных прыжках.

Он поглядел в бледные, испуганные лица девчонок, дочерей Амина, попытался улыбнуться, да как-то не улыбалось. За окном тянулись редкие сады по снежным склонам горы, дорога - серая, однообразная.

"Размечтался, - горько подумал про себя Берлев, - где мы, а где Коваленко со своим "Склифом". Тысячи верст". А что если брякнуть ему по телефону? - мелькнула безумная мысль. Но так ли уж она безумна?

...В медсанбате сдали раненых, и Берлев занял место старшего машины.

- Теперь куда, товарищ майор? - солдат-водитель ждал команды.

- Давай-ка, родной, гони в посольство. Знаешь дорогу? Солдат кивнул: будет сделано. УАЗ рванулся с места. В посольстве помогли старые связи его еще помнили по предыдущей командировке. Но телефонная линия была занята и занята. Телефонистка только со вздохом разводила руками и, убрав микрофон подальше, шептала: - Андропов говорит с послом.

Когда через полчаса Берлев заглядывал вновь, она стучала пальчиком в наушники, едва шевеля губами. Николай Васильевич поначалу даже не понял: кто? Потом дошло: Брежнев!

С четвертого или пятого раза ему повезло. Он назвал номер телефона в Москве, и в трубке через минуту услышал бархатный голос Коваленко. Казалось, он стоял рядом, вышел в соседнюю комнату.

- Игорь Леонидович? Игорь! Ты меня слышишь?

- Да слышу, Коль, чего шумишь? Привет.

- Игорь, у меня времени в обрез. У нас ребята тяжело ранены. Собирай своих мужиков - и к нам.

- Это куда - к вам, объясни толком, что случилось?

- Толком не могу.

- Понял. Но хоть куда лететь?

- Думаю, в Ташкент.

- Самолет нужен. Ладно, Коля, позвоню Ивону. Все сделаем. И он действительно сделал все. Через полчаса в московском кабинете замначальника группы "А" раздался звонок.

- Здравствуй, Роберт Петрович. Это Коваленко. В общем, мы собираем группу врачей. Наверно, профессор Каньшин ее возглавит. Он - светило в гнойной хирургии. За тобой самолет.

Ивон потерял дар речи. Суперсекретная операция КГБ стала известна в "Склифе". Роберта Петровича прошиб холодный пот: он, как никто другой, понимал, чем это пахнет.

- Ты откуда знаешь, Игорь Леонидович?

- Успокойся, я ничего не знаю и знать не хочу, что там случилось. Коля Берлев с места событий позвонил: много серьезных ранений. Ты что, Роберт, хочешь своих ребят отдать в руки комитетских костоломов? Беги, докладай начальству, выбивай самолет.

Ивон доложил по команде. Зампред Пирожков взъярился. Разглашена государственная тайна! Какому-то врачу чуть ли не по прямому проводу о потерях и раненых докладывает майор КГБ. "У нас что, в комитете врачей не хватает! - кричал генерал. - Не хватит, возьмем в Министерстве обороны и заставим их закрыть рот покрепче. Люди в погонах поймут. А тут какой-то Коваленко из "Склифа": "Здрасьте, я ваша тетя! Тоже мне светило медицинской науки, спаситель!"

И добавил: "Ладно, вернутся - спросим с этих героев". Зампред снял трубку прямого телефона, доложил обстановку Андропову.

Юрий Владимирович насчет государственной тайны не вспоминал, велел подготовить медикам самолет, оказать всяческую помощь и проявить внимание.

Второго января, почти одновременно из Москвы и Ленинграда, вылетели два самолета: оба держали курс на Ташкент. В первом летели профессор Каньшин, Коваленко с группой врачей своего института, во втором специалисты Военно-медицинской академии.

А несколькими днями раньше в Ташкент из Кабула вылетали раненые участники штурма дворца. Их выносили из посольства и укладывали в санитарные машины со всеми мерами предосторожности, накрыв предварительно матрацами. Машины до аэропорта сопровождал бронетранспортер. В них больше не стреляли.

В передний салон положили "тяжелых" - Емышева без руки, Федосеева, Кувылина, Кузнецова, раненных в ноги, Климова, раненного в живот.

Перед отлетом сделали уколы, боль слегка поутихла и Сергей Кувылин попытался уснуть. Уходил в прошлое рев "Шилок", свист пуль, стоны раненых в медсанбате. Рядом с ним, через проход, лежал Кузнецов.

Кувылин услышал сквозь дрему как кто-то, склонившись над Кузнецовым, сказал:

- Ну как ты, Гена? Ничего, держись. А мы узел связи распотрошили. Все нормально. Взорвали да и дело с концом.

Сергей удивился: кто это там узел "потрошил"? Голос незнакомый, со спины человека не узнать. Может, Бояринов воскрес? Кроме него и Бояринова на узле никого не было.

- Слышь, а когда ты узел взрывал?

Склонившийся над Кузнецовым чуть повернул голову:

- Утром, когда рассвело.

- Так тогда его надо было уже восстанавливать.

- А ты кто?

- Я как раз из тех, кто узел уничтожил.

Тот поднялся с колен и, не оглядываясь, вышел, скрылся в другом салоне. Кувылин слушал, как гудят двигатели и думал. Нет, не лавры героя его беспокоили. Он впервые задумался о том, что станет с ними, когда вернутся в Союз, в Москву. По-старому не будет. Жизнь их изменится. Но как?..

Павел Климов попал в руки профессора Каньшина, и он буквально вытянул мужика с того света. Емышев с Федосеевым оказались в хирургии. На первом же осмотре Емышев увидел из-под халата доктора генеральские лампасы, удивился. А после долгого осмотра комиссией, кивнув на собственную культу, брякнул, явно обидев медиков:

- Ну что, ребята, пишете диссертации?

Доктора притихли, а генерал нахмурил брови:

- Мы не диссертации сюда приехали писать, а лечить. А пожалуй, зря обиделись, ведь его культура стала как бы первым практическим пособием для будущих врачей афганской войны. Часто ли им приходилось видеть тогда, в 1979-м, подобные огнестрельные ранения? Отечественная война закончилась почти тридцать пять лет назад - несколько поколений медиков учили военно-полевую хирургию лишь по учебникам. А тут все как на войне. Не хотел майор Емышев обидеть генерала, да вышло так нескладно. Хотя, может быть, кто-то и защитил диссертацию на их ранах - первых ранах афганской войны.

Шутил майор, а сам мучительно думал, как жить дальше. Правая рука оторвана: ни писать, ни коробок спичек взять, чтоб сигарету самому прикурить. Вспомнился и Маресьев, и преподаватель в их Высшей школе КГБ Ларин, который без ног и без одной руки машину водил. Пример - дело хорошее, но каждый свое горе хлебает в одиночку. И тут никто не мог помочь Валерию Петровичу, эту дорогу ему предстояло пройти самому.

...Новый 1980 год они встречали в Ташкенте. В госпиталь с утра приехали ребята из Комитета республики, привезли угощения, поделились слухами. Говорят, всем, кто ранен, - Героя, остальным - ордена Ленина.

Позже к вечеру поступили новые данные, самые последние, уточненные. Привез их вместе с шампанским и фруктами веселый узбек, начальник отдела ташкентского УКГБ. Клялся, что выведал их от первых лиц Узбекистана, а те уж, знамо дело, из Москвы. "В общем, мужики, - смеялся узбек, распахивая по тумбочкам груши, яблоки, хурму, - пятерым или шестерым - Героя Советского Союза, всем другим - Ленина и Красного Знамени".

Так нежданно-негаданно даже для себя самих они стали Героями. В Москве их встречали радушно, но руководство было в растерянности. Отправляли на обычное задание - посольство охранять, а случилось по тем временам уму непостижимое: считай, всем поголовно ордена, да какие! О которых иной чекист, и не один десяток лет пропахав, не мечтал - Красного Знамени, Ленина. И прошло-то совсем ничего - неделя. Что касается убитых, тут единомушье было общее - наградить надо. Убитым не завидовал никто. Вот с живыми сложнее.

Тем не менее, представления готовились, писались, переписывались. Потом бумаги ушли куда-то по команде, и наступило затишье. Казалось, и не было 27 декабря, Кабула, дворца Долина в Дар-ульамане.

Раскрыта, пожалуй, самая загадочная, тщательно оберегаемая и хранимая в тайне страница - штурм дворца и других объектов Кабула.

Младший сержант Зудин

Однако мы не ответили еще на один вопрос, думается, не менее интересный: где в эту ночь находился Бабрак, чем занимались он и его будущие министры в последующие дни, ведь в основной резиденции-дворце Арк очередной руководитель страны появился 7 января, спустя две недели после захвата власти.

Чтобы прояснить ситуацию, вернемся к 14 декабря 1979 года, когда Бабрак и его соратники были в срочном порядке вывезены из Баграма. Валентин Иванович Шергин, руководитель охраны Бабрака, вспоминает, что самолет, сразу оторвавшись от земли, резко пошел ввысь и пилот, тревожно оглядывая город внизу, произнес: "Если сейчас не собьют, еще поживем".

Судьба им улыбнулась - через несколько часов их принимал Ташкент, знакомая роскошная дача Рашидова. Четверо человек во главе с Юрием Изотовым остались на охране, остальные были отозваны в Москву. Через два дня они вновь возвратились в Ташкент и уже 23 декабря все вместе, со своими подопечными, вылетели в Баграм.

Случилось так, что при посадке в Баграме, по приказу начальника аэропорта, выключили сигнальные огни на взлетно-посадочной полосе. Спасло лишь удивительное мастерство пилотов. Приходилось говорить с летчиками: они считают, самолет был обречен. Сразу после посадки начальника аэропорта арестовали бойцы "Зенита".

Вновь знакомые капониры. В одном из них, вместе с охраной, поселили Бабрака и Анахиту, в другом - Ватанджара, Нура, Сарвари, Гулябзоя и несколько сотрудников группы "А".

Жили вместе, делились и хлебом, и консервами, запасенными еще в Москве и Ташкенте. В капонирах самый жесткий режим секретности. Охранники Шергина старались не встречаться даже со своими товарищами из группы Романова, когда те прилетели в Баграм.

27 декабря вечером Борис Чичерин позвал Изотова. - Пойдем, Юрий Антонович, поприступуем на историческом событии.

Когда они вошли в капонир, за столом сидели все их подопечные, во главе с Бабраком и что-то горячо обсуждали. Изотов вопросительно взглянул на Бориса. Тот прислушался к разговору, кивнул:

- Заседание Политбюро. Как у нас в революцию, перед решающим штурмом распределяют обязанности: кому куда идти.

- Ну и что решили? - спросил Изотов.

- По-моему, Гулябзой на дворец, Нур - на Царандой, Ватанджар - на узел связи...

Когда закончилось заседание, первыми уехали Сарвари, Гулябзой, Ватанджар, потом Нур. В капонире остались только Бабрак и Анахита.

Стемнело. Колонна бронетранспортеров под прикрытием трех танков выдвинулась из Баграма. К утру, совершив марш, она должна была войти в Кабул. В середине колонны, в одном из БТРов находились Бабрак Кармаль и Анахита. Здесь же, как всегда рядом, Шергин и Изотов.

Валентин Иванович сидел сверху, в люке бронетранспортера, когда в шлемофоне прозвучал взволнованный голос командира головного танка. Первый... первый... Танки справа!

Шергин уже и сам увидел башни афганских танков метрах в двухстах от дороги. Жерла орудий, словно приносясь, повернулись в их сторону. Стоп колонне! - скомандовал он.

И тут же ближайший к бронетранспортеру танк сдал назад и прикрыл их своей броней. - Вперед!

Валентин Иванович порадовался за танкистов: ребята знают свое дело. Афганские танки угрюмо и молча проводили их колонну черными зевами пушек. Но с места двинуться не посмели.

С рассветом колонна входила в Кабул. По всему чувствовалось, что ночью здесь был бой: у дороги несколько подбитых танков, разрушенные дома. Однако ночной бой не напугал жителей столицы. Они по-прежнему спешили по своим делам,

некоторые останавливались, приветственно помахивали рукой. Никто не прятался, не убегал. Не прозвучало ни одного выстрела.

Танки и бронетранспортеры выдвинулись к зданию Царандоя. Изотов со своими подчиненными остался охранять Кармалю, теперь уже Генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана, и его соратников, а Шергин поехал в посольство. Там он встретил Михаила Романова и Глеба Толстикова, которые рассказали о гибели Зудина, Волкова, Бояринова, еще двух ребят из "Зенита", о тяжелых ранениях Емышева, Климова, Федосеева.

Шергин, получив указание от резидента, возвратился в здание Царандоя. Ночевать решили здесь. Бойцам группы "А" была придана рота десантников. Ночь прошла сравнительно спокойно.

Утром место пребывания сменили и сутки находились на территории одной из воинских частей афганской армии. Потом переехали на правительственную гостевую виллу, которая располагалась на самой окраине Кабула, за Дар-уль-аманом. Прежде здесь жили высокие гости, приезжавшие с визитами в страну. Здесь любил останавливаться Предсовмина А. Н. Косыгин.

Однако вилла Шергину и Изотову не понравилась. Доложили в посольство, и тут же нарвались на окрик: что вы там капризничаете, условия для жизни отличные...

И вправду, комфорта было достаточно, но охрану беспокоило другое: вилла располагалась у подножия горы, рядом с кишлаком. Если смотреть из кишлака, территория виллы как на ладони. Но смотреть можно всяко, и через оптический прицел, например.

Эти аргументы в споре с представителями резидента и привел Валентин Шергин, однако опасения охраны вызвали лишь раздражение руководства: мол, не успели приехать, оглядеться, а уже указываете старожилам.

Что ж, приказ есть приказ. Продумали систему охраны, выставили посты. Однако жизнь не остановить. Решили Новый год отметить. Раздобыли бутылку шампанского, накрыли стол. Время уже к двенадцати, налили по бокалу, чтобы старый год проводить, неожиданно Изотова вызывает Бабрак. Юрий ушел, пришлось его ждать. Зато, возвратившись, он поднял бокал, улыбнулся товарищам:

- Бабрак Кармаль поздравляет нас с Новым годом. Но выпить не успели. За окном, в морозной темени сухо простучала автоматная очередь. В комнату вбежал начальник караула: "Нас обстреляли из кишлака!"

Пришлось взять в подмогу несколько солдат-десантников, пошарить в окрестностях виллы. Ничего не нашли. Ночь глуха и морозна. У водонапорной башни, которая была рядом с кишлаком, выставили пост. Вернулись за стол. Новый 1980 год уже наступил, выпили вдогонку.

И вновь стрельба, опять тревога. Заняли круговую оборону. Вспышки выстрелов были видны рядом с башней. Кто-то открыл ответную беспорядочную стрельбу, десантники даже из БМД снаряд выпустили. Потом, когда разобрались, оказалось, по нашему часовому сделали несколько залпов из кишлака, он тоже дал очередь. Вспышки его автомата и увидели с виллы, поспешили обстрелять. К счастью, солдат укрылся, остался жив.

Да, в ту новогоднюю ночь им не суждено было вернуться за праздничный стол. Пришлось прочесывать кишлак.

На вилле Бабрак Кармаль и члены Революционного совета пробыли еще неделю. Отсюда почти никто не уезжал. Чаше приезжали сюда. Здесь же Кармаль, к тому времени Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета, премьер-министр и главнокомандующий Вооруженными силами ДРА провел первую пресс-конференцию.

С переездом во дворец Арк, резиденцию главы страны, у сотрудников группы "А" началась нелегкая каждодневная служба по охране и обеспечению безопасности Бабрака. Они неотступно несли внутреннюю охрану, дежурили в приемной и в комнате отдыха. По периметру дворца были выставлены посты десантников, за территорией резиденции - внешнее кольцо охраны национальные гвардейцы. Многочисленные входы и выходы из дворца перекрывали бойцы "Зенита".

На выездах главу государства сопровождали все одиннадцать его охранников. Впереди ехал и расчищал путь Юрий Изотов, за ним в бронированном "мерседесе", за рулем которого был Анатолий Гречишников, Бабрак, следом все остальные.

Каждый выезд требовал полной мобилизации сил и возможностей охраны. Движение на магистралях Кабула практически не регулировалось, полиция о маршруте кортежа ничего не знала, да если бы и знала, вряд ли бы могла что-либо предпринять. Улицы столицы многолюдны, много бронетехники танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров.

Изотов так вспоминает первые выезды Бабрака. "Еду впереди, кулак показываю в окно и пружина на танк. Другого выхода нет. Смотришь, отворачивает. Не выбежишь, не объяснишь каждому, что глава государства едет. Правда, потом гвардию стали выставлять на посты по маршруту. Но на них надежды не было. Надеялись только на себя".

Хотел бы подчеркнуть эти слова, так как через несколько лет Кармаль на вопрос советского корреспондента, не смущало ли его, руководителя суверенного государства, что помещения дворца (а значит, и он сам) находились под контролем специальной охраны КГБ, ответил: "Я много раз возмущался по этому поводу"

А вот у руководителей той самой "специальной охраны" иное мнение.

Валентин ШЕРГИН:

- Отношения с Бабраком сложились самые добрые, совсем не такие, как у службы безопасности с охраняемым, а скорее, как у соратников. Мы были рядом с ним всегда, в самые трудные дни. 14 декабря, по тревоге, почти на руках выносили их всех из капониров, сажали в самолет.

В феврале, когда в городе было беспокойно - жгли машины, обстреляли наше посольство, убили несколько советских граждан, а оппозиция, собрав под зеленое знамя ислама тысячи людей, двинула их на дворец Арк, - готовы были умереть, защищая Бабрака.

В день празднования Саурской революции на трибуне за спиной Кармаля стоял наш Володя Тарасенко. Мы отдали ему бронешилет. И случись покушение - нет сомнений, Володя пожертвовал бы собой. У него и задача была: если что - закрываешь собой Бабрака.

Все это Кармаль видел, понимал и отвечал теплом и благодарностью.

23 февраля у Юры день рождения. Помню, его поздравить пришел весь Ревсовет: Бабрак, Анахита, Нур, Глябзой... А когда Анахита возвратилась из долгой зарубежной поездки, на аэродром от всех нас поехал встречать ее Изотов. Он привез огромный букет роз, но подойти не решался: там, впереди, стояли руководители государства, посол Табеев. Словом, официальная церемония. И вдруг Анахита видит его в толпе, отталкивает Табеева и с криком: "Юра!" - бросается к Изотову.

На следующий день нас вызвал к себе и "пропесочил" генерал Иванов: вы что там себе позволяете?..

Думаю, если бы мы были просто наемными охранниками, к нам не относились бы с такой теплотой и уважением.

А потом ведь не надо забывать, что группа улетала на неделю, из этого расчета взяли и пищу, и одежду, в Союзе остались неотложные дела. Головатов учился в институте физкультуры, у него "горели" госэкзамены, у другого - учеба в школе КГБ, у третьего еще что-то. У всех на Родине остались семьи, дети. Да и к тому же мы не "девятка", не специалисты по охране руководителей, потому просили нас заменить. По этому поводу я звонил генералу Бесчастнову, написал рапорт. Нам несколько раз назначали отъезд, но всякий раз откладывали по просьбе Бабрака.

Последний срок был в феврале. Мы, что называется, упаковали чемоданы, собрали сувениры, попрощались, но вновь обострилась обстановка и Кармаль наотрез отказался нас отпустить. Сказали так: остаетесь до мая. Но, увы, прошел май - а мы по-прежнему несли свою нелегкую службу.

В последний день июня в нашу честь устроили прощальный банкет, на котором присутствовали посол Табеев, генерал Иванов, нас одиннадцать человек и почти все высшее афганское руководство. А 1 июля мы покинули Кабул. Юрий ИЗОТОВ:

- Каждый из одиннадцати наших ребят был готов закрыть собой Бабрака. Скажу о себе: я всегда находился в таком месте, откуда смог бы в считанные секунды успеть добраться до Бабрака и заслонить его. В подобных ситуациях оружием пользоваться сложно и поэтому главное - постоянно держать кратчайшее расстояние между собой и им. Думаю, мне это удавалось.

Как-то Бабрак присутствовал на партийном собрании в театре. Нас предупредили накануне: готовится террористический акт. Представляете наше состояние. Мы, конечно, подняли на ноги национальную гвардию, сами сели в зале, чтобы контролировать ситуацию.

Начинается собрание. Бабрак выходит к трибуне и в зале неожиданно гаснет свет. Следующее действие, которое я ожидал, - взрыв гранаты. Этого, к счастью, не произошло. Но тем не менее пришлось его окружить, закрыв собой, увести за кулисы.

Были, конечно, и другие острые моменты. На параде, посвященном празднику революции, на противоположной от трибуны стороне улицы, на крыше дома, вдруг появляются вооруженные люди. Мы придвигаемся к Бабраку. Нервы напряжены до предела.

Оказывается, национальные гвардейцы проявили инициативу. Вот только их командир забыл об этом нас предупредить.

А вообще новая национальная гвардия, которую набрали из партийных активистов, была очень слабо подготовлена. Кармаль как-то даже просил меня, чтобы я научил их чему-то, провел занятия. Бабрак доверял нам больше, чем любому афганцу. Вот такие полярные мнения. Где истина? Не берусь судить. Констатирую только факты, а уж читатель пусть сам сделает выводы.

...С возвращением подразделения Шергина, казалось бы, афганская эпопея для группы "А" завершилась. Тем более, дома своих дел оказалось невпроворот - открывалась Московская Олимпиада. Еще свеж был в памяти Мюнхен, захват и зверский расстрел палестинскими террористами израильской борцовской команды. Ничего подобного Советский Союз допустить не мог. И потому уже на следующий день после прилета группу Шергина вызвал к себе начальник Управления генерал Бесчастнов. Он поблагодарил за службу, а потом сказал:

- Сынки, денек отдохните, а 4 июля все на обеспечение безопасности Олимпиады.

Семь месяцев находились они вдали от дома, от семьи. Один день - с семьей, и вновь в казарму. Иного было не дано. Группа антитеррора снова шла в бой.

Романов сидел, как оглушенный. Анонимка. Грязная анонимка. Генерал Бесчастнов зачитывал отрывки. Боже мой, в чем только его не обвиняли! В мародерстве, в воровстве, в том, что Карпужин и Берлев грабили убитых, а деньгами делились с ним. Ну а он их, конечно же, прикрывал.

- Вот такие пироги, - грустно сказал Бесчастнов, укладывая анонимку в конверт.

Если бы увидел сейчас Романова его друг, боксер Глеб Толстиков, он безошибочно определил бы: "Нокдаун, поплыл Миша".

Михаил пытался прийти в себя. Как же так, он всегда держал удар. Жизнь не раз была жестоко, больно. Но тут совсем иное: удар бандитский, из-за угла... А ведь было предчувствие. Было, черт возьми. Многое переменялось в жизни после афганской командировки.

В группе появились люди, которых связывала война, боевое дело, смерть товарищей. Ну и что? Они разве требуют для себя каких-то поблажек, особого отношения, льгот? Нет, и быть того не может. На учениях, занятиях всегда впереди, дисциплина отменная, ну а то, что недовольны придирками, так кто ж станет рукоплескать странному требованию вернуть спортокостюмы, изодранные в бою и промокшие от крови. В Кабуле они и бросили эти злосчастные костюмы. До того ли было. Оказалось - казенное имущество, хоть назад за ними в Кабул беги.

Но дело, конечно, не в придирках. Все значительно серьезней. Кто-то не может смириться с мыслью, что Миша Романов, всегонавсего майор, и вдруг Герой Советского Союза. Ну, взяли они этот дворец, взяли... А что было потом?

Вот потом и начинается самое интересное - оказывается, стали обшаривать мертвых, грабить, мародерствовать. Под шумок, так сказать. И Романов, как командир, потакал, закрывал глаза. Значит, и у самого рыльце в пуху. Какой же он после этого герой? Да его не награждать, а судить надо.

"Судить, - усмехнулся про себя Михаил мелькнувшей безумной мысли, это, пожалуй, самый лучший выход. Костью в горле стал Романов".

- Михаил, ты особо гриву не опускай, - сказал Бесчастнов. - Не верю я тут ни одному слову.

И Алексей Дмитриевич постучал для убедительности по конверту. Романов горько покачал головой.

- Андропов тоже не верит, - продолжал генерал. - Приказал найти анонимщика. Назначены следователи. Будешь идти от меня, зайди к ним.

Михаил Михайлович покинул кабинет Бесчастнова. На белый свет глядеть не хотелось. Уехать бы куда-нибудь в тайгу, в пустыню. Кто же это мог? Перебирал фамилии, лица. Он никого не подозревал. Страшно об этом было подумать. Все вместе шли в бой, на смерть. Вспомнился Валера Емышев, приткнувшийся в уголке у стенки с оторванной рукой, в кровавых бинтах, вспомнился Леша Баев, с простреленной шеей, Паша Климов на носилках.

Нет, ни в ком из этих людей он не мог сомневаться. И все-таки анонимка существует. Кто-то же настрочил. Ее уже прочли Андропов, зампреды, Бесчастнов, стало известно в других подразделениях комитета.

Люди разные. Те, кто был рядом, знают правду. А те, кто не был? Некоторые уже шарахаются, руку подать боятся. Еще бы: мародер!

Романов, наконец, нашел нужный кабинет. Ну вот, теперь его допросят. И хоть сказал Бесчастнов, якобы, комиссия создана, чтобы найти анонимщика, Михаил Михайлович понимал, сначала ему самому надо отмыться. А анонимщик? Где он, кто он? Найдут - не найдут.

Постучал в дверь кабинета. Вошел. За столом сидел угрюмый мужчина. Кивнул: присаживайтесь.

- Та-ак, - сказал следователь и вытащил из ящика стола какуюто папку, - майор Романов Михаил Михайлович...

Давненько его так официально не величали. В последний раз генерал Дроздов из дворца по радио докладывал Москве, мол, майор такой-то, фамилия, имя, отчество, командир группы - возглавил, обеспечил, увлек личным примером. Правда, тогда его имя звучало в другом контексте, рядом со званием Героя Советского Союза.

"Какая короткая у нас дистанция от Героя до преступника", - подумал вдруг Романов.

- Неприятно все это, Михаил Михайлович, - посочувствовал следователь, - но что делать...

- Да ладно, понимаю, не первый год в комитете работаю.

- Ну тогда припомните: как в кармане у Балашова оказалось пять тысяч афганей? Имел место такой факт, вам он известен?

Аноним знал и это? Сколько же человек знало о деньгах - трое, четверо, ну пятеро самое большее. Хотя он не прятал их, получил под расписку в посольстве на всю группу, передал Балашову. Потратить не успели, некогда было. Оказывается, их так и нашли целехонькими - пачку новых купюр в грязном, окровавленном комбинезоне Балашова. Забыл о них Олег. После боя сбросил "робу", а о деньгах и не вспомнил. Хотя были это их кровные афгани, специально выданные на карманные расходы, а не мародерские, ворованные. Но слушок покотился: нашли, мол, пачки денег, распиханные по карманам. Следователь что-то пометил в деле и задал новый вопрос:

- Михаил Михайлович, возвращались вы из Афганистана во Внуково?

- Да...

Это он помнил хорошо. К посадке во Внуково уже пришел в себя, страшные почечные боли немного затихли. Наверное, помогли уколы, которыми мучила его медсестра во время полета. Да и лежал он, как король, на диване. Хотя, когда его внесли на носилках в самолет, не только лечь сесть негде было. Романов с

удивлением увидел самолет, забитый людьми, как оказалось, тоже сотрудниками комитета.

"Откуда они здесь? Чем занимались, когда четыре десятка его да семеновских ребят шли на двести гвардейцев?"

Глеб Толстикова опустил ручку носилок.

- Глянь, Миша, а ты говорил, не с кем в атаку идти. Люди, сидящие на диване, молча встали.

- Значит, во Внуково? - переспросил следователь. Романов еще раз подтвердил.

- Вы были больны?

- Камни из почек пошли...

- А домой заезжали из аэропорта? В анонимке написано, мол, драгоценности завезли...

Михаил Михайлович чувствовал, что сейчас сорвется. Ярость подкатывала к горлу.

- Завозил, - прошептал Романов, - вонючие кальсоны, все в крови, заехал сменить. Дом мой рядом с аэродромом. Ну и золото с бриллиантами, конечно, забросил...

Больше следователь его не спрашивал. Отпустил с миром. И на том спасибо. Романов уехал на дачу. Пытался как-то отвлечься, брал молоток, топор, но через час-другой видел себя на дачном крылечке, вспоминающим заново Афганистан, дворец Амина, бой... Опять, в который раз, он мысленно бежал по лестнице, вновь

катилась под ноги граната, страшно кричала женщина: "Амин! Амин!" и Яша докладывал по радиации: "Главному - конец!"

Помнится, они вышли из дворца, закурили. Берлев с Карпухиным решили вытащить труп из лифта. Они положили его тут же на пол, вынули документы.

- По-моему, партийный билет. - Берлев протянул Карпухину тонкую книжечку.

Виктор раскрыл ее. Строки арабской вязи, чернильные росчерки. Полчаса назад, окажись у обладателя этого партбилета хоть один патрон, он срезал бы Карпухина, как куропатку на взлете. Но судьба сберегла капитана.

Романов видел, как рассматривали они документы убитого, хотел подойти сам, полюбопытствовать, но кто-то остановил его резким рывком за рукав куртки. Оглянулся. Перед ним стоял человек лет пятидесяти, а может и старше, одетый в армейскую шинель с погонами сержанта. Лицо его зарделось от возмущения, глаза - до сих пор помнит Романов эти глаза леденяще-холодные, сверкали какимто яростным блеском.

Михаил Михайлович вспомнил: это был сотрудник особого отдела КГБ, он как-то подвозил его на своей машине. Но что ему здесь надо?

- Товарищ майор, чем занимаются ваши люди?

- Только что вышли из боя...

- Это не имеет значения. Они мародерствуют. Я видел, как они шарят по карманам убитых.

И тут же "особист" закричал в темноту, услышав чьи-то голоса:

- Не трогать, ничего не трогать! Здесь все отравлено.

- Слушай, чего ты орешь? - устало проговорил Романов. - Оставь мужиков в покое. Не нужны нам афгани. Мы целый мешок драгоценностей во дворце нашли. Целый мешок, понял? Хочешь, тебе сдам или обратно отнесу. А сейчас уйди от греха. "Особист" с ледяными глазами, опасно оглядываясь, отошел. "Может, этот гад настроил? - подумал Михаил Михайлович. - Может. Но попробуй докажи".

Так он и промучился весь день, ночь, а в понедельник утром позвонил Бесчастнову, попросился на прием. Войдя в кабинет, положил на стол перед генералом латунный шарик от дверной ручки, который подобрал после боя во дворце. Начальник управления поднял глаза:

- Что это?

- Драгоценности, которые я вывез из дворца...

...Романов возвращался в расположение группы. Теперь стало ясно: из подразделения придется уйти. Куда? Может, в прежнее свое управление? Там его знают, помнят. Жаль, конечно. Роднее и ближе "Альфы" нет для него коллектива. Сколько сил и пота вложено в подготовку бойцов. Ведь в мире ни одна группа антитеррора не выполняла подобных задач. Как это сказал Табеев, посол Советского

Союза в Афганистане? Они после боя, помнится, лежали в госпитале. Справа Серега Голов с девятью ранениями, слева Коля Швачко. А он посередине с больными почками корчился. Услышал сквозь боль, словно прошелестело: "Посол, посол..." Открыл глаза, Табеев склонился над ним:

- Ты меня видишь, сынок?

- Вижу...

- Слышишь?

- Слышу...

- Спасибо тебе и парням твоим. Сделали все четко. Ни одна разведка в мире понять не может: кто и какими силами провел операцию. Потом у вас будут ордена, медали. Но не это важно. Главное в жизни вы смогли совершить. Запомни, что я сказал...

Пройдут годы. Многие изменятся в судьбе майора КГБ Романова и его подчиненных. Изменится и взгляд на Афганистан. Неизменным, святым останется кровь, пролитая на ступенях дворца. Знать бы, ради чего она была пролита...

Подтвердилось пророчество посла по поводу орденов. Долго, как колоду, тасовали списки представленных к наградам.

Вначале к званию Героя представили семерых: Бояринова, Козлова, Карпухина, Романова, Голова, Семенова и Полякова.

Анонимка вышибла из списков Романова. Комиссия, назначенная Председателем КГБ Ю. В. Андроповым, злоумышленника не нашла, правда, Михаила Михайловича вчистую оправдала. Но Героя не дали. Командир подгруппы "Зенит" Яков Семенов вылетел вообще из "героических" списков в "краснознаменные".

28 апреля 1980 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым за успешное выполнение специального задания Советского правительства и проявленные при этом мужество и героизм звание Героя Советского Союза было присвоено:

- Бояринову Григорию Ивановичу (посмертно),
- Карпухину Виктору Федоровичу,
- Козлову Эвальду Григорьевичу.

Золотая Звезда за N 11431 была вручена семье полковника Бояринова. Он навсегда останется в нашей истории первым Героем афганской войны.

Карпухин и Козлов получают свои звезды в Кремле 21 мая 1980 года из рук первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузнецова.

Вместе с ними ордена Ленина будут вручены Романову, Голову и Полякову.

Вручение наград в Кремле дело хлопотное. В первую очередь для тех, кому вручают. Как шутили в "Альфе", ребята волновались не меньше, чем при штурме дворца. А уж инструктировали их до посинения: руку не жать, вопросов не задавать, не обнимать, не целовать. Спасибо, что дышать разрешили. Отчего же такие страсти? Оказывается, награды вручить собирался сам генсек Брежнев. Дату награждения несколько раз переносили и наконец сообщили: Брежнева не будет. Его заменит Кузнецов. Опять новый инструктаж, ведь Василий Васильевич древнее своего шефа. Главная задача - не переборщить с рукопожатием, чтоб не рассыпалась древность.

Наступило 21 мая. Великолепная пятерка собралась в Кремле. В гардеробе сдали плащи. В холле женщина средних лет приветливо, по-хозяйски улыбнулась.

Огляделись. Тихо. Торжественно. На столиках фруктовая вода, сигареты. Заглянули в зал - там ни души.

Томились недолго, ровно в назначенный час их пригласили в зал, который по-прежнему выглядел пустым: прибавилось несколько стульев да массивный стол с золочеными резными ножками. Рядом со столом микрофон. Кузнецов поздравил с наградой, вручил ордена, Золотые звезды. Награжденные, как принято, благодарили партию и правительство. Виктор Федорович Карпухин от волнения забыл сказать заготовленные заранее слова, ему разрешили еще раз подойти к микрофону. Пока он шел, кто-то пошутил, мол, воевать хорошо умеет, а говорить не очень.

После церемонии снова вышли в холл. "Может, сфотографироваться?" предложил Козлов. "Нежелательно", - тихо, нетребовательно сказал сопровождавший их заместитель Председателя комитета Лежепеков.

И все-таки в такой день решили послушаться начальство: сделали несколько кадров. Фотографий, которых Лежепеков советовал не делать, так и не получили, а вот снимков, где Василий Васильевич руку жал, дождались. Правда, через несколько лет.

Секретарь Президиума Верховного Совета Георгадзе восхищался: "Эх, какие ребята, настоящие богатыри, с вами бы по бокалу шампанского выпить. Такие награды! Но, извините, - смущенно разводил он руками, - в Президиуме денег нет. Все на послов да на приемы, обеды званые расходуется".

"Ничего, - успокоил Сергей Голов секретаря Президиума Георгадзе, - мы догадывались, поэтому с собой принесли". Хотелось только добавить: "Принесли, зная вас, му...ков".

Когда Георгадзе ушел и остались только свои, зампреды Лежепеков и Кирпиченко дали добро на заслуженную рюмку водки. Но предупредили: дома никому ни слова. "Плетите все, что угодно про свои награды, кроме правды. Это государственная тайна".

Заслуженную рюмку пить дома под одеялом не хотелось. Заказали столик в ресторане "Прага". Приехали в пять и попали как раз в перерыв. Не пускают. Что ж, пока перекурили. Люди все прибывают. Молодые ребята на входе шумят, свадьба подкатила на черных "Волгах". Время к открытию. Прошли к гардеробу, скинули плащи. У одного Золотая звезда на лацкане, у другого, у третьего орден Ленина. Молодежь притихла, разинула рты от удивления. Деда-гардеробщики привстали: "Ребята, да где ж вы столько набрали? Откуда, сынки?"

Окружили, охают, восхищаются, глаза горят, подбежала девушканевеста, орден потрогать просит. Оказывается, народ встречает своих героев не так, как кремлевские филины. И тепла у людей хватает, и добросердечия, и искренности.

Поднялись наверх. А по дороге, чтоб не было лишних вопросов, награды сняли. Встретил официант Коля. Попросили его сделать праздник, но без шума, посторонних и рекламы. Мол, мы ребята тихие, скромные, один из Анголы вернулся, другой... Словом, запудрили Коле мозги.

Тот накрыл стол и вышел. Ну а традиция есть традиция. Налили бокалы, ордена и звезды опустили в шампанское. Встали. В это время Коля вошел, закуски принес. Вошел и остолбенел. Рядом, по соседству, двадцать человек медаль "За трудовую доблесть" обмывают, а тут впятером две геройские звезды и три ордена Ленина. Страна чудес!

Пригласили Колю: выпей с нами, считай, с того света вернулись. Официант молча опрокинул рюмку, ученый, вопросов не задавал. На этом семейный, в узком кругу, ужин и закончился. Коля притащил друга. Извинился, мол, простите, ребята, с другом пятнадцать лет вместе работаем, а такого в жизни не видывали. Ну что ж, друг так друг, заходи, наливай. А тут на цыпочках вошел метрдотель, бывший чекист, с тремя официантами. Им тоже, оказывается, по секрету рассказали о героях.

Появился руководитель оркестра. Хотел сыграть для настоящих героев.

- Вы - очень симпатичные ребята, - улыбался музыкант, - что прикажете исполнить в вашу честь?

- Какой приказ, маэстро. Действуй на свое усмотрение, - попросил Романов. И оркестр заиграл популярную тогда мелодию: "Я в весеннем саду пил березовый сок..."

А ребята сидели в своем ресторанном кабинете, слушали песню. Обидно, досадно стало: что мы от своих людей с наградами прячемся?

Вышли в зал. Кто сидел там, из-за столов встали, поздравляют. Руки жмут, к себе присесть приглашают. Оттаяли душой ребята.

А оркестр все играл и играл. Для них, для героев. Незабываемый был вечер. Уже в конце подсел к ним мужичок. Захмелевший. Веселый.

- За вас, ребята, за вас! - шумел он. - Чувствую, вы настоящее дело сделали.

Он залпом осушил бокал и с досадой бросил:

- Тут пашешь, пашешь - и ни хрена...

Козлов усмехнулся и спросил:

- Где пашешь?

Тот грудью подался на стол и, озираясь, прохрипел по секрету:

- В КГБ...

Геройский стол вздрогнул от хохота.

Герои афганской войны не обделены у нас ни почетом, ни вниманием. Страна знает их и любит. Они избраны на высокие государственные и правительственные посты, возглавляют общественные организации.

К ним внимательна пресса, созданы кинофильмы и телепередачи, в книгах самых авторитетных авторов герои-афганцы занимают достойное место. Достаточно назвать лишь некоторые имена и станет ясно, что и сегодня, спустя много лет, они у всех на устах: Александр Руцкой, Павел Грачев, Борис Громов, Руслан Аушев, Валерий Очиров.

Из более чем 200 тысяч награжденных из состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане 67 человек стали Героями Советского Союза, 24 из них - посмертно. В органах МВД этого звания удостоен полковник Михаил Исаков. Есть сведения, что Комитет госбезопасности представил к званию Героя 13 человек. Но все ли они были удостоены высокого звания - неизвестно. Даже о тех, кто стал Героем, долгое время молчали. В личных делах против их фамилий стоял гриф: "Без опубликования в печати".

И все-таки, несмотря на запреты, имя первого Героя просочилось на страницы газет. Правда, в каком-то диком обличье появился перед нами Герой Советского Союза полковник Бояринов. Писали, что идя на штурм дворца Амина, он страшно орал и крыл матом офицеров. Создалось впечатление, словно полковник больше ничего и неумел, как поливать нецензурщиной своих подчиненных.

Прочитав эти строки, можно улыбнуться и великодушно простить недобросовестность ли, злой ли умысел человеку, запустившему в полет грязную "утку". Оставалась уверенность, что уже следующий литератор обязательно задастся вопросом: как же люди, сплошь матерщинники, крикуны и болтуны сумели выполнить уникальную, беспрецедентную по сложности задачу столь молниеносно, четко и с минимальными потерями? Но, к сожалению, надо сказать: первый Герой не часто упоминался в нашей документалистике, ну а если о нем и говорили, то ссылались на мнение того самого неизвестного автора, якобы видевшего Бояринова в бою и собственными ушами слышавшего мат и крики.

Неужто нам не дорога собственная история и мы готовы запросто согласиться с тем, с чем согласиться никак нельзя - так и оставить оклеветанным честного человека, настоящего Героя?

В одной из книг об афганской войне попались немало удивившие строки: "Если не считать тех, кто получил Золотую звезду за штурм аминовского дворца (были и такие), то следующим Героем (из живых) стал офицер-десантник Сергей Козлов".

Нелепые слова: почему, собственно, не считать тех, кто получил звезду за штурм аминовского дворца? Да, верно, были такие. Может быть, в них резиновыми пулями стреляли? Или кровь и жизни бойцов "Зенита" и "Грома" ничего не стоят? Нетрудно заметить также то общее, что руководило как офицерами КГБ, так и

офицерами воздушно-десантных войск. Кстати, при штурме дворца Дар-уль-аман в бой они шли вместе, плечом к плечу, в одних БМП и БТРах, и никто за спину друг друга не прятался.

Так почему же мы должны считать одних и сбрасывать со счетов других? Может, поэтому мы до сих пор не знаем, каким был на самом деле полковник Григорий Бояринов? А надо бы знать. Пора вернуть его имя в нашу военную историю. И пусть он займет в ней подобающее место.

...Григорий Бояринов был сыном своего времени. Он родился в 1922 году и добровольцем, в 17 лет, ушел в армию. Окончил Свердловское пехотное училище, в сорок первом получил звание младшего лейтенанта и первую свою фронтовую должность - командир минометного взвода. Судьба забросила его на Северо-Западный фронт. Здесь он получил и первое боевое крещение и первую награду - медаль "За отвагу". Во все времена, со дня ее введения, медаль "За отвагу" ценилась особо. Что говорить - всем медалям медаль. Трудно сказать, почему эта награда приобрела такой авторитет - может, оттого, что лежал на ней отблеск Георгиевского креста, солдатской награды, вручаемой в русской армии за личную храбрость и отвагу.

С приходом к власти большевиков Георгиевский крест был упразднен, однако со временем догадались ввести медаль, которая стала популярна и любима в Красной Армии.

Удостоился ее младший лейтенант Григорий Бояринов за то, что со своим взводом уничтожил пехотную роту фашистов.

Вдвойне приятно было узнать о награде отцу Григория - Ивану, Георгиевскому кавалеру.

В декабре 1941 года Григория переводят в истребительный полк Северо-Западного фронта, а уже 1 февраля 1942 года он откомандирован в состав пограничного полка НКВД. Как оказался лейтенант в пограничной части, теперь уже вряд ли удастся выяснить. Солдат, офицер, особенно во фронтовую пору, не волен был собой распоряжаться. Где сказали - там и служил, бил фашистов.

Сегодня при упоминании войск НКВД на ум приходят спецотряды, которые даже во время войны исполняли обязанности палачей: пытали и расстреливали так называемых "врагов" советской власти, выселяли репрессированных.

Но были и иные подразделения, тоже в составе войск НКВД, их бойцы работали в разведывательно-диверсионных группах в глубоком тылу противника, они стали костяком партизанских отрядов в сети партизанских формирований, выполняли за линией фронта специальные задания.

Этим и занимался Григорий Бояринов более двух с половиной лет в пограничном полку на Северо-Западном, Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах. Он командовал школой снайперов, готовил диверсионные подразделения, сам их неоднократно возглавлял, уходя за линию фронта.

В одной из таких операций отряд специального назначения под его командованием уничтожил штаб итальянской дивизии. Бояринова наградили орденом Боевого Красного Знамени. Фронтовики помнят, что значил такой орден в 1942 году. Войну Григорий Иванович закончил начальником штаба пограничной комендатуры, а последующие годы служил в 106-м погранотряде Северо-Западного пограничного округа. Здесь и произошел тот случай, что навсегда вошел в историю округа. На маленьком самолете Бояринов преследовал трех нарушителей границы... В этом не было бы ничего необычайного, но самолет был одноместный и в кабине мог находиться только пилот. Оставалось одно, что и сделал пограничник: взобрался на крыло и приказал взлетать.

Самолет совершил посадку на льду Финского залива и офицер еще несколько километров гнался за нарушителями. Они добежали до берега, спрятались в камнях и открыли огонь. Бояринов, стреляя из винтовки, не давал шпионам выбраться из своего укрытия и уйти через границу. Вскоре подоспело подкрепление, нарушители сдались.

В 1948 году капитана Григория Бояринова направляют на учебу в Военный институт МГБ СССР. Он заканчивает его с отличием и остается на кафедре. Через несколько лет молодой преподаватель становится адъюнктом Военной академии им. М. В. Фрунзе, успешно защищает диссертацию.

Что же изучает Бояринов? То, что он узнал на практике и проверил в боевых условиях - тактику партизанских действий.

Академическая газета "Фрунзевец" 14 ноября 1959 года так писала о кандидатской диссертации адъюнкта Бояринова: "Особый интерес и ценность работы заключается в том, что она - первая в области научного анализа методов ведения воспитательной работы в партизанских формированиях, принципов их организации, решаемых задач, методов их выполнения, средств, использовавшихся при ведении разведывательных и боевых действий, организации взаимодействия с регулярными войсками.

Глубокой разработке темы немало способствовало то, что сам диссертант участвовал в деятельности партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны, что позволило ему полнее оценить успехи и неудачи отдельных операций, шире охватить круг проблем, связанных с организацией и ведением партизанской борьбы, прийти к интересным и обоснованным выводам". После окончания адъюнктуры и защиты диссертации Григорий Иванович становится преподавателем Высшей Краснознаменной школы им. Ф. Э. Дзержинского. Теперь у него есть все для успешной педагогической работы научные знания, богатый практический опыт.

18 лет проработал Бояринов в Высшей школе КГБ. За эти годы написаны многочисленные научные труды, он возглавил одну из спецкафедр школы. У него было много учеников. Именно из них сформировав первый отряд "Зенит" и возглавив его, он поехал в Афганистан. Вернулся в сентябре, а в декабре улетел снова. Мог ли он в том бою укрыться за броней БМП, войти во дворец не в первых

рядах, не броситься в самое пекло? Наверное, мог. Но не отстал, не укрылся за броней.

Его ученики гордились им. Было, конечно, и сожаление, и такое мнение: мол, лучше б старику в огонь не соваться.

Что ответить этим людям? Жизнь Бояринова - лучший тому ответ. А еще поминальные стихи одного из бойцов: "Прощай, наставник и отец. Тебя мы будем помнить, как героя!" Дай Бог, чтобы эта память была долгой и светлой.

Досье "Альфы"

Ушли в историю 70-е годы. За то десятилетие, по данным различных международных организаций, в мире совершено 8114 террористических актов. Тысячи людей стали жертвами разнузданного насилия бандитов.

Однако наша голубая планета еще не знала, что наступающие 80-е окажутся неизмеримо более жестокими. И счет был открыт. Только за первые пять лет, с 1980-го по 1985 годы, количество терактов удваивается. И далее их число растет: в 1986-м - 774, в 1987-м - 832, в 1988-м - 856...

В 1980 году пройдут крупнейшие операции по освобождению заложников. В апреле американское специальное подразделение "Дельта" под руководством полковника Чарльза Беквита сделает попытку вырвать из неволи заложников в Тегеране. Увы, операция закончится полным провалом.

Из восьми вертолетов, поднявшихся с борта авианосца "Нимиц", который находился в Персидском заливе, только шесть достигнут пункта под кодовым номером "Пустыня-1". Однако один из них окажется неисправным. С оставшимися машинами Беквит продолжать операцию не решится.

Вот как он сам описывает заключительную часть драмы, разыгравшейся в пустыне в 200 милях к юго-востоку от столицы Ирана.

"... Летим домой. Была подана команда проверить снаряжение и покинуть вертолеты. Команда "Дельты" начала погрузку в самолеты.

Я шел от одного самолета к другому, считая число людей, которые поднимались на борт каждого из них.

Я быстро направился к головному самолету. Было 2.40. Некоторые пилоты запустили двигатели своих самолетов, чтобы их прогреть. Кружились пыльные вихри, приближая видимость к нулю.

Между порывами ветра я вдруг увидел, как один из вертолетов, слегка дернувшись вверх, завалился налево. Затем раздался взрыв. Голубой огненный шар взметнулся в ночное небо. Это взорвались топливные емкости одного из самолетов.

Оказалось, что один из вертолетов, вырубивший на заправку, столкнулся с крайним ЕС-130, в который только что начала загружаться группа "Голубая".

Я побежал к вертолету, но добежал только до дороги. Жар был страшный, подойти невозможно. Пламя поднималось вверх метров на 100-150. В любой момент могли взорваться боеприпасы. Я подумал о майоре Фитче и группе "Голубая".

Но к счастью вскоре доложили, что личному составу группы удалось в последний момент спастись.

Сквозь пламя я видел, как вертолет врезался в грузовую часть самолета-заправщика. Тот пылал.

- Что делать с остальными вертолетами? - спросил меня Килл.

- Их необходимо уничтожить...

Я вернулся в свой самолет и увидел как к нему бегут пилоты вертолетов. Как только они поднялись в салон, аппарель была поднята и люк закрыт. Самолет сдвинулся с места, описал полукруг. Мы были третьими в очереди на взлет. Две первых машины взлетели, заправщик догорал, а вертолеты пылали вовсю. Было почти 3 часа утра. Пробыв на земле 4 часа 46 минут, "Дельта" покинула пункт "Пустыня-1".

С первыми лучами солнца мы летели над Оманским заливом. Операция закончилась полным провалом. После колоссальных затрат времени и нервов, труда и пота все оказалось напрасным. Мы потеряли восемь замечательных отважных парней.

Наша страна оказалась в сложном положении".

Ровно через двенадцать дней после описанных событий антитеррористическое подразделение "Пагода" из отборного полка английских САС ворвется в иранское посольство в Лондоне. Операция продлится несколько минут. Пятеро из шестерых террористов окажутся убитыми, а 19 заложников живыми и невредимыми покинут посольство.

Позже, выступая в палате общин, премьер-министр Маргарет Тетчер скажет: "Этот штурм вселяет в англичан гордость за свою нацию".

Все эти события - и террористические акты и противодействие им говорили об одном: мир вступает в эпоху невиданного разгула террора и насилия и борьбы с ними. Произошедшие в первые месяцы нового десятилетия, они прозвучали своеобразным предупреждением человечеству.

В нашей стране с тревогой следили за нарастающими в мире событиями. Советский Союз никогда не симпатизировал террористам, не выступал с заявлениями о солидарности с той или иной террористической группировкой. Такого не было в истории нашего государства. Все террористические организации

и группы, даже если они носили наименования "красных бригад" в Западной Европе или "Красной Армии" в Японии и прикрывались самыми благими целями и задачами, нами осуждались. У нас террор всегда был вне закона.

Однако при всем этом в международной политике СССР существовал негласный закон: Министерство иностранных дел практически никак не реагировало на акты террора против советских граждан, работавших за рубежом. Словно подобных актов не существовало.

И если США поднимали шум по поводу захвата даже одного американского гражданина и грозили применить военную силу, то Москва, наоборот, при получении скорбных известий хранила гробовое молчание.

А захваты были, и люди наши гибли. Но сколько их не вернулось на Родину или вернулось в цинковых гробах, сколько соотечественников пали жертвами терроризма, сегодня, увы, выяснить не удастся. Да вряд ли и удастся, поскольку никто не вел тогда этой страшной статистики.

Только в 1985 году, когда в Бейруте были захвачены советские граждане, служащие посольства и торгпредства в Ливане, и случай этот приобрел скандальную известность во всем мире, СССР осудил захват наших граждан и послал в Ливан и Сирию специального представителя, который занялся судьбой заложников. Но дело, разумеется, не только в реакции официальных властей. Судьба заложников стала известна и взволновала тогда всю страну.

В том же 1985 году произошло еще несколько террористических актов против советских граждан и различных официальных представительств нашей страны.

В Ливане - взрыв бомбы перед представительством "Интуриста" в Бейруте и бандитское нападение на сотрудника советского посольства, у которого была отобрана машина; в Ливии - задержан в качестве заложника водитель строительно-монтажной организации А. Левченко; в ИАР - в результате взрыва гранаты на территории советского посольства ранен ребенок одного из сотрудников; в НДРИ - вооруженное нападение на квартиру советского военного специалиста М. Смирнова, он был тяжело ранен; в ФРГ - взрыв бомбы перед входом в представительство "Аэрофлота" в Гамбурге.

Список терактов можно продолжать. Увы, с прискорбием надо признать: просматривается устойчивая тенденция к их росту. Какой же выход из этой весьма непростой ситуации?

Ответ, казалось бы, ясен и прост: государство, посылающее своих граждан в отдаленные уголки мира, обязано заботиться об их безопасности, а при необходимости использовать все возможности для их освобождения. Это так, но будем реалистами - теракты порой совершаются за тысячи миль от родных границ, в странах, враждебно настроенных к нам. Не следует забывать и о том, что нередко дипломаты оказываются бессильными. Тогда остается военное вмешательство. Речь, разумеется, не о широкомасштабном применении военной

силы, а о спецподразделениях по борьбе с терроризмом. И задача эта архитрудная. Горьким подтверждением тому может служить провал операции "Орлиный коготь", о котором мы уже упоминали, с применением "Дельты" для освобождения заложников в Тегеране.

Полковник Беквит, опытный офицер, классный специалист своего дела, так отреагировал на первое известие о применении "Дельты" в подобной операции: "У меня никак не укладывалась в голове мысль о возможности проведения операции по спасению заложников. К тому же, логически рассуждая, эта затея выглядела авантюрой. От нас до Ирана огромное расстояние. Более того, требовалось пролететь над иранской территорией около тысячи миль до возможной посадки и, наконец, предпринять нападение на сильно охраняемый объект - посольство, расположенное в центре четырехмиллионного города с враждебно настроенным к нам населением. Трудно себе представить более сложное положение.

В штабе объединенного командования я услышал несколько идиотских предложений. Некоторые думали, что мы сможем спрыгнуть на парашютах и, как туристы, проследовать на машинах в посольство".

Как показала жизнь, беспокойство Беквита было обоснованным. И тем не менее в истории борьбы с терроризмом известно много удачных операций, проведенных на высоком профессиональном уровне. К ним можно отнести освобождение заложников в аэропорту Могадишо западногерманским спецподразделением ГСГ-9, на которое ушло всего 7 секунд.

Сотрудники ГСГ-9 прикрепили к люку салона самолета специальную подрывную ленту, применяемую для отделения ступеней ракет. В результате взрыва удалось вскрыть люк и проникнуть в самолет. В салон заброшены гранаты, обладающие ослепляющим и оглушающим эффектом. Террористы оказались на время парализованными, и этого было достаточно, чтобы их обезвредить.

Уникальную операцию по освобождению заложников осуществили израильские командос в аэропорту Антеббе (Уганда). При подготовке к ней был проведен большой комплекс мероприятий. В Уганду заброшена агентура для поддержания радиосвязи с израильской разведкой. Заложников, которых отпустили террористы, тщательно опросили сотрудники израильской разведки МОССАД.

Для прикрытия операции в ходе телефонных переговоров с Францией постоянно подчеркивалась мысль о намерениях Израиля вступить в переговоры с террористами. Предполагалось, что переговоры перехватываются бандитами.

В день операции израильские командос самолетами были доставлены из Тель-Авива в Кению. Ночью один из самолетов, оборудованный специальной аппаратурой для подавления радарной системы аэропорта, приземлился в Антеббе. В ходе быстротечного боя бойцы группы антитеррора захватили терминал, в котором террористы удерживали заложников. Операция длилась 53 минуты вместо 55 по плану. Все террористы были убиты. Подразделение командос потеряло одного человека, из девяноста заложников погибло трое.

Но все это, как говорится, чужие лавры. Можно только позавидовать, что Израиль, Германия, Англия имеют столь высоко подготовленные спецподразделения. А что в нашей стране?

Средства массовой информации привычно кивают на Запад, мол, опять нас опередили. Трудно проверить, так ли это, нет ли, официальных конкурсов на приз "супергруппа планеты" не проводилось, каких-либо соревнований тоже, так что рассуждения на тему - кто сильнее, кто слабее просто бесплодны.

Если же говорить о боевых операциях, в которых участвовала группа антитеррора "Альфа", то они, пожалуй, лучше любых конкурсов говорят о ее высоком профессионализме.

1981 год. В Сарапуле Удмуртской АССР спецподразделение обезвредило двоих вооруженных автоматами террористов, которые взяли в качестве заложников 25 учеников средней школы.

1983 год. Сотрудниками группы проведена боевая операция в Тбилиси по освобождению самолета Ту-134 с 57 пассажирами на борту.

1986 год. Двое военнослужащих в Уфе захватили самолет Ту-134. Жизнь 76 пассажиров оказалась под угрозой. В результате проведенной операции один из преступников был убит, другой ранен. Заложники не пострадали.

1988 год. Преступники во главе с матерым уголовником Якшиянцем в своих целях использовали детей: заложниками оказались ученики 4-го класса. В ходе длительного психологического противостояния, умелых и мужественных действий бойцов группы "А" все дети были освобождены. Террористы, вылетевшие в Израиль, возвращены.

1998 год (апрель). В результате штурма захваченного самолета в Ваг преступник обезврежен, заложники оказались на свободе.

1989 год (май). Итогом боевой операции проведенной в Сараве, стало освобождение семи заложников, среди которых нахотся и ребенок. Террористы, оказавшие сопротивление, уничтожены.

1990 год (август). Сотрудники подразделения, находившиеся в Ереване, принимали участие в задержании вооруженной банды "Серого". В результате перестрелки три бандита убиты, двое ранены, шесть задержаны.

1990 год (август). Освобождение захваченного вооруженными преступниками следственного изолятора в Сухуми.

1990 год (август). Бойцы группы приняли участие в проведении операции в Ташкенте по пресечению преступных действий угонщиков пассажирского самолета Ту-134.

Таков послужной список "Альфы" за прошедшее десятилетие. Особенно важно отметить, что все операции прошли успешно. Да, среди заложников были жертвы.

Однако люди убиты или ранены еще до вступления в дело подразделения антитеррора. Ни один человек не погиб, не получил ранения или увечья по вине сотрудников группы. Ни в чем нельзя упрекнуть этих мужественных, смелых, боевых парней.

В Тбилиси самолет находился в воздухе, когда бандиты без объявления каких-либо требований ворвались в пилотскую кабину и застрелили двоих пилотов, позже бортпроводницу и двоих пассажиров. Но при штурме самолета не погиб никто, а террористы были обезврежены.

В Уфе в первые же минуты захвата авиалайнера террористом был убит пассажир. Бандита застрелили.

Так у нас. Но мир потрясают иные цифры, десятки, сотни смертей и как итог терактов, и как результат низкого профессионализма спецслужб.

Ноябрь 1985 года. При освобождении заложников на египетском самолете Боинг-737 в аэропорту "Валетта" (Мальта) погибло более 60 человек.

Май 1986 года. В аэропорту Коломбо взорвана бомба, погибло 20 человек, ранен 41.

Сентябрь 1986 года. Аэропорт Карачи. При штурме захваченного самолета убиты 14 пассажиров и членов экипажа, 98 человек получили ранения.

...Однако вернемся к началу 80-х, когда мир захлестывала новая волна глобального террора. Советский Союз не стал исключением и принял самые решительные меры в борьбе с преступниками. 17 декабря 1981 года группа "А" была поднята по тревоге...

Особая папка КГБ. Совершенно секретно. Экз. ед.

17 декабря 1981 года в 13.30 в г. Сарапул Удмуртской АССР военнослужащие в/ч 13977 рядовые Мельников А. Г. 1962 г. рождения и Колпакбаев А.Х. 1960 г. рождения, оба члены ВЛКСМ, покинули пост и, вооруженные двумя автоматами Калашникова со 120 патронами, в средней школе N 12 захватили в качестве заложников 25 учеников 10 класса, выдвинув требование выдать заграничные паспорта и визы на выезд и отправить самолетом в США или любую другую капиталистическую страну, угрожая в противном случае расстрелять заложников.

В город Сарапул были направлены сотрудники спецподразделения 7-го управления для пресечения этой преступной акции. Руководство операции было возложено на заместителя Председателя КГБ СССР генерал-полковника Чебрикова В. М.

Личный состав спецподразделения 7-го управления в 00.30 мин. прибыл к месту происшествия.

..."Сарапул" - первая антитеррористическая операция, проведенная в послеафганский период. Сейчас сотрудники группы "А" вспоминают ее,

как умудренные опытом мужи о своих первых несмелых, младенческих шагах. "Альфа" вырастет численно, наберется опыта, возьмет на вооружение передовые методы и способы борьбы с терроризмом лучших зарубежных спецгрупп.

Но все это будет потом - через год, через два... А в декабре 1981 года группу поднимут по тревоге, бойцы загрузят боеприпасы. Кстати, патронов и гранат возьмут столько, что, пожалуй, хватило бы на месяц войны. На обратном пути, не израсходовав ни одного патрона, удивятся - как такое пришло в голову? Но кто знал, как оно повернется.

Позже, со временем, придет понимание того, что спецподразделению нужен только минимум боеприпасов. Где и как их применять? В самолете, когда каждый террорист прикрывается несколькими заложниками, в автобусе, когда преступник Якшиянц и его подручные держали на мушке детей? Вряд ли кому подобное взбредет в голову. Здесь скорее нужно психологическое оружие плюс точный расчет.

У нас нередко даже среди высоких руководителей, с экранов телевизоров звучат уверенные заявления: "Каждый имеет право на ошибку". Группа антитеррора такого права не имеет. Вспомним, чего стоила ошибка немецкой полиции и спецподразделений в Мюнхене, на Олимпийских Играх-72. Вот как описывают те события репортеры французского журнала "Пари-Матч";

"... Немецкая полиция рассчитывает найти союзника в надвигающейся ночи. Полное затишье в олимпийской деревне. Разящая тишина. Сейчас будет разыгран последний акт драмы.

Микроавтобус "фольксваген" темно-голубого цвета останавливается перед израильским павильоном. Террористы - палестинцы феддахи отвергают машину: она для них слишком тесна. Они не смогут в ней защищаться. Подъезжает военный кар. Палестинец внимательно исследует его. Затем девять заложников, со связанными за спиной руками, под дулами автоматов садятся в машину. Кар движется к условленному месту, к западу от деревни. Там заложников и террористов ожидают три вертолета с уже запущенными двигателями.

В аэропорту устроена западня. В сопровождении полицейских собак солдаты окружают взлетно-посадочную полосу. В укромных местах занимают позиции снайперы, палец на спусковом крючке.

По световому сигналу вертолетов прожекторы ПВО пронизывают ночь. БТР зажигают фары.

... Драма разыгрывалась стремительно. Два террориста, сойдя с вертолета, в качестве разведчиков направились к "Боингу". Внезапно вертолеты включают огни. Сигнал ли это? Полиция освещает взлетно-посадочную полосу прожекторами. Тут же начинается стрельба. Одна граната взрывается в вертолете. Это феддах предпочел взорвать себя и заложников, которые были ему поручены. Теперь стреляют отовсюду.

Четыре других израильтянина со связанными ногами и запястьями принимают автоматные очереди в упор, не имея возможности сделать даже защитный жест. Все кончено. Полный провал. 18 часов тревоги заканчиваются в крови, в ненависти и стыде".

Трагедия всколыхнула мир. В Тель-Авиве лицеисты собрались перед зданием германского посольства. Посол герр Жеско фон Путткамер назвал "днями позора" страны ту трагедию, которую пережил Мюнхен.

Америку лихорадило. Перед решеткой германского посольства в Вашингтоне Вильям Пирл, глава "Лиги защиты евреев", дирижировал манифестацией: "Мы обвиняем германское правительство в преступной небрежности. Оно ответственно за трагедию!" Конгресс сотрясали крики ярости.

Да, дорого стоила Германии одна неудавшаяся операция. К нашей радости и гордости мы можем сказать: в биографии группы "А" таких черных пятен нет. И Сарапул стал ее первой крупной удачей. Были освобождены все заложники, а террористы сдались без единого выстрела.

Через много лет одна из центральных газет сообщит: "Об этом происшествии в свое время по Удмуртии ходило много слухов... Как-то раз, когда в одной из школ подходил к концу последний урок, в десятый "В" ворвались двое солдат с автоматами. Объявили школьникам: "Вы - заложники, выпущены будете лишь в том случае, если нам дадут возможность улететь на самолете за пределы страны".

Весь вечер и всю ночь продолжался этот драматический "урок". Сотни людей ни на миг не сомкнули глаз: сами ученики и их родители, работники милиции и КГБ, военные. Кто-то из военных чинов предлагал даже взять класс штурмом, с использованием танков. Победила не сила, а разум и точный расчет. Начальник местного райотдела КГБ капитан Владимир Орехов предложил себя в заложники вместо ребят, а потом сумел перехитрить террористов.

"Орехову пришлось всю ночь, - рассказывает бывший председатель УКГБ Удмуртии В. Окунев, - быть в контакте с преступниками, вести переговоры, когда бандиты уже держали палец на спусковом крючке автомата. Что помогло ему выдержать это нечеловеческое напряжение? Разумеется, интеллект. Еще высокая физическая закалка".

Все верно. Был сотрудник КГБ капитан Орехов и десятки других людей, сражавшихся за освобождение детей. Не названы только те, кто в 00.30 18 декабря прибыл к месту происшествия, а в 5.28 обезоружил преступников. Что это за люди? Почему о них не сказано ни слова?

Кстати говоря, такой, вполне нелепо советский подход наших средств массовой информации к действиям "Альфы" сохранится и в дальнейшем. Виноваты тут не только журналисты, но и руководство КГБ, которое держало группу на сверхсекретном положении. Хотя и комитет понять можно. Подобное

подразделение вряд ли нуждается в рекламе. И все-таки можно было найти золотую середину. И секретов не раскрыть, и группу с ее поистине героическими делами не оставить в неизвестности.

Да и другое очень важно. Знай о существовании столь мощного спецподразделения, возможно, кто-нибудь и задумался бы, идти ли ему на преступление?

Но ничего подобного не случилось, о группе "Д" никто не знал, и рядовые Мельников и Колпакбаев, сбежав с поста, явились в близлежащую школу. План они продумали заранее, и, когда на пороге школы их спросили о цели визита, солдаты невозмутимо ответили, что их послали разыскать противотанковые мины, которые якобы откопали и спрятали школьники. Им поверили.

Поднявшись на второй этаж, террористы ворвались в класс. Колпакбаев, дав очередь в потолок, объявил всех заложниками. Ими оказались 25 учеников и учительница.

Было 13.30. Началась 16-часовая борьба за жизни детей. Психологи считают, что очень важны первые полчаса-час переговоров. Наиболее опасны первые минуты после захвата. Тем, кто вступает в контакт с террористами, необходимо стабилизировать ситуацию, начать переговоры, попытаться успокоить преступников. Ибо в начальной фазе инцидента психологическое напряжение велико и представляет особую опасность для жизни заложников.

Несомненно, надо отдать должное капитану Владимиру Орехову, который достаточно профессионально начал переговоры с Мельниковым и Колпакбаевым. Он сумел достичь определенного взаимопонимания с террористами, вел беседу в доверительном тоне, без угроз и грубостей. В то же время был тверд в принятии решений, не допускал колебаний.

Когда террористы потребовали вылета в США или другую капиталистическую страну, он заметил, что это не такое простое дело, нужно подготовить соответствующие документы, выписать заграничные паспорта. В последующие часы Мельников и Колпакбаев только и были заняты тем, что заполняли анкеты, различные справки, отвечали на вопросы. Таким образом было выиграно время, получена информация о преступниках, имеющих в их распоряжении огневых средствах. Район происшествия контролировал полк внутренних войск, класс, где находились преступники, и подступы к нему были блокированы оперативным составом местных органов КГБ и военнослужащими МВД.

Капитану Орехову удалось уговорить террористов сначала выпустить девочек с учительницей, потом нескольких ребят. В классе, в руках преступников еще оставалось семеро мальчишек.

В 00.30 в Сарапул прибыла группа "А". Она совершила стремительный ночной рейд из ижевского аэропорта по скользкой, обледенелой дороге. В пути обогнали

автобус с подразделением ОМЗДОН МВД, своими давними партнерами, которые тоже спешили к месту происшествия.

Сергей ГОНЧАРОВ, заместитель начальника группы "А": - Когда мы въехали в Сарапул, было такое впечатление, что город не спит. Люди толпами и в одиночку шли в сторону захваченной школы. У школы плотное кольцо людей, которых едва сдерживает милиция.

Вместе с начальником группы Зайцевым мы оказались в штабе ЧП, на первом этаже школы. Удивило количество генералов. Тут и замминистр МВД СССР, и генералы из округа, из Ижевска. Все старались принять участие.

А вот опыта проведения подобных операций не было. Ведь это - один из первых вооруженных захватов заложников в нашей стране.

Пока штаб искал выход из создавшегося положения, начальник местного КГБ Орехов вел переговоры с террористами.

Мы попросили его дать информацию. Он коротко пересказал суть дела, объяснив, что в классе осталось семеро заложников, террористов он убеждает, будто им выписываются загранпаспорта. Ни на какие компромиссы те не идут.

Что ж, проработали операцию, расписали по точкам бойцов, надели средства защиты, бронежилеты, каски, оружие. В касках мы пробыли часа четыре. Помню, когда снял ее, показалось, что на плечах нет головы.

В школе тихо, когда идешь по коридору, титановые пластины в бронежилете постукивают, обувь скрипит. Пришлось разуваться и передвигаться в носках.

В общем, глубокая ночь, все устали. И тут вдруг неожиданно открывается дверь. Мы подняли оружие. Оказывается, бандиты отпустили в туалет одного из парней. Его привели в штаб. Расспросили, где сидят преступники. Сидели они за учительским столом, направив автоматы на заложников.

Ученика попросили возвратиться назад в класс и сказать, что в школе все спокойно.

Валерий БОЧКОВ, сотрудник группы "А":

- Долгие и трудные переговоры закончились удачей. В обмен на загранпаспорта они отдали заложников, семерых школьников. И в результате в классе остались одни. Наш наблюдатель сквозь щиты, которыми были закрыты окна, видел, как один из террористов безнадежно разводил руками. Видимо, дошло, что они просчитались.

В общем, переиграли их.

Сергей КУВЫЛИН, сотрудник группы "А":

- Мы уже были готовы к штурму, когда открылась дверь и Мельников с автоматом вышел из класса. Я к нему:

- Ты чего?

- Мне капитана Орехова...

Оборачиваюсь, недалеко Зайцев стоит. Он молча качает головой: не надо.

- Орехов ушел.

- Нет, я требую капитана...

Стараясь говорить как можно спокойнее, подхожу все ближе:

- Ты автомат бросай...

Он еще что-то бормотал, я еще раз:

- Бросай оружие...

Мельников и действительно бросил автомат, скрылся в классе, захлопнув дверь.

В это время из своего укрытия вылетают Гончаров и Зотов - и в дверь. Видимо, от волнения стали открывать ее внутрь. Но для террористов это тоже было шоком. Когда мы ворвались в класс, Мельников стоял бледный, как мел, за дверью, а Колпакбаев, вскинув автомат, злобно усмехался. Трудно сказать, хотел ли он выстрелить или просто для устрашения поднял оружие, но в ту же минуту автомат у него выбили и вскоре он уже лежал в наручниках, носом в пол.

Все обошлось, героического особенно ничего не случилось. Хотя пулю вполне можно было схлопотать.

...Так закончилась первая антитеррористическая операция "Альфы". Бескровная, без единого выстрела. Молодых, неопытных, психологически слабо подготовленных террористов удалось переиграть. Больше таких подарков бойцам спецподразделения судьба не преподнесет. Они столкнутся лицом к лицу с оголтелыми, изошренными, циничными преступниками.

Выучка сотрудников "Альфы" не может не удивлять. Много находилось охотников проверить ее бойцов. И всякий раз проверяющие оказывались посрамленными. Не от того только, что такая проверка крайне затруднена: нет аналогов. Обычный норматив сотрудника КГБ к ним не подходит, а, например, проникновение в самолет за полминуты - плохо это или хорошо?

Человек, даже много лет прослуживший в комитете, но не знакомый со спецификой работы группы, наверное, будет в восторге: ведь всего-то тридцать секунд. Оказывается, восторгаться нечем. Результат, как говорится, на двойку с минусом. Как подчеркивал Чарльз Беквит: "Если студент в американском колледже дремлет на лекции по английской литературе, он получит "неуд" на экзамене. Если же

студент "Дельты" дремлет на занятиях по штурмовым операциям, он вскоре получит пулю в лоб".

Студенты "Альфы" тоже не дремлют на занятиях. Тем более, что занятия вряд ли располагают к дремоте. Не хотелось бы рассказывать о нормативах, тестах, обычных для сотрудников группы. Цифры, даже самые яркие, не передадут всей палитры высокого профессионализма. Что же касается фактов, они, безусловно, более показательны.

Пятак, пробитый пулей снайпера из группы "А" с расстояния в 100 метров, впечатляет. Ножи, воткнутые частоколом в обычную оконную раму с расстояния в 30 метров, - тоже. Скоростная стрельба из пистолета Макарова, Стечкина и других систем стоя, лежа, в падении, на животе, на спине еще более эффектна. И все-таки каждый понимает: нынешние террористы не ходят в одиночку, они обучены, изошрены и изобретательны в своих варварских методах. Им должен противостоять не антитеррорист-одиночка, а коллектив сплоченный, спаянный, понимающий друг друга не с полуслова (чаще на него и времени-то нет), но с полувзгляда.

Такой ли коллектив - группа "А"? Этот вопрос не раз ставили перед ними начальники малых и больших рангов. Иногда специально, а временами и нечаянно.

Однажды в аэропорту, на дальней площадке увидев тренировку "Альфы" на самолете, начальник УКГБ по Москве и Московской области поспорил с начальником группы. Суть пари была такова: если генерал услышит или тем паче увидит в иллюминаторы, как бойцы подбираются к самолету, занимают свои места перед штурмом - "Альфа" проиграла.

Генерал - воробей стреляный, он был уверен в успехе: шорох ли за бортом услышит, почувствует ли как качнется самолет. Дело верное, утрет нос этим антитеррористам.

Что ж, пари есть пари. Вместе с начальником группы генерал занял место в салоне, сам выбрал кресло.

Сидел молча, чутко прислушивался. Потом разговорился, неудобно как-то сычом сидеть. Слово за слово, минуты текут, генерал уже на часы поглядывает, шутит, мол, уснули твои ребята.

И вдруг, в мгновение ока, в пустом самолете - толпа людей. В униформе, в касках, с автоматами, пистолетами. Ослепляющий взрыв, резкий крик: "Руки за голову! Голову на колени!"

Начальник группы - человек привычный. Без слова - лицом в колени, а генерал хотел было хоть краем глаза взглянуть, откуда они взялись - ведь ни шороха, ни звука... И на тебе, как черти из преисподней. Только голову приподнял, кто-то как гаркнет на ухо:

- Сидеть!

Сжался генерал, а начальник группы рядом смеется, не поднимая лица с колен.

- Ну что, товарищ генерал, наша взяла?

- Ваша, ваша, - недовольно бурчит начальник УКГБ, а голову книзу держит. Научен. Потом опомнился, шепчет:

- Давай отбой, что ли...

Дали отбой. Генерал кряхтел, спускаясь с трапа, то и дело бросая взгляд на стоящих по сторонам сотрудников.

Хлопнула дверка генеральской "Волги", водитель, под дружный хохот бойцов, дал газ.

Подобных случаев было немало. В стране, где правили бал надутые дилетанты и спесивые любители, такого рода профессионализм, мастерство вызвали поистине столбнячный эффект.

"Альфа" - вот потрясающий парадокс! - никогда не имела своего стрельбища. Приходилось у кого-то просить, арендовать на время чужие стрелковые поля. Это крайне неудобно. Но иного выхода не представлялось.

Так вот, однажды, приехав на одно из таких стрельбищ, сотрудники группы попали в руки строгого армейского капитана. Тот, оглядев их, одетых в полугражданское-полувоенное обмундирование, с длинными, совсем не армейскими прическами, с усмешкой заключил:

- Партизаны...

Надо побывать хоть раз в шкуре офицера запаса, призванного на сборы и метко окрещенного в народе "партизаном", чтобы понять, сколько презрения и ехидства вкладывает в это слово кадровый офицер.

Бойцы "Альфы" поняли. И промолчали.

Они уже привыкли к разным ситуациям и блюли старый завет: рассказывать о себе все, кроме правды. И на сей раз согласились принять легенду капитана и побыть несколько часов "партизанами". Капитан, довольный собой, прошелся вдоль строя: - Сейчас сержант Семенов познакомит вас с правилами безопасности при ведении огня, покажет, как держать пистолет, чтоб не поранить себя или соседа.

Он обернулся и махнул стоявшему в стороне сержанту. Тот проводил офицеров к линии огня, долго и старательно рассказывал, как снаряжать магазин, досылать патрон в патронник и наконец дал команду первой смене: "Заряжай!"

Трое сотрудников группы выпустили по обойме, не опуская пистолетов. Сержант недовольно покосился, мол, почему не по три патрона, но промолчал. Офицеры первым пропустили его к мишеням, а когда подошли следом, то увидели, что тот обалдело таращил глаза: ни одна из пуль не вышла из мишени.

Обсудили результат, оглянулись, а сержанта и след простыл. Вернулся он вместе с капитаном.

- Что тут стряслось, Семенов? - бодро спросил капитан. - Какие десятки? Знаю я вас, партизан, понавертели дыр отверткой.

Сержант принес мишени. Капитан вскинул на просвет, к солнцу. Озадаченно крякнул, дырки в центре бумажного листа очень напоминали пулевые пробоины. Но их оказалось так много и они лежали так кучно, что... Но ведь подобного не могло быть...

К тому же капитан тоже не лыком шит, навидался на своем веку стрелков, знает, какие снайперы из "партизан", дрянные они стрелки. А тут прямо чертовщина: центр мишеней в кашу превратили. Капитан снова стал рассматривать мишени на просвет.

- Не верится? - спросил один из лучших стрелков "Альфы" Григорий Золотовский.

- А вы б поверили?

- И я б не поверил...

Капитан обвел взглядом улыбающиеся лица "партизан" и только тут понял, что его провели, что они все сговорились.

- Эх вы, - укоризненно покачал головой капитан, - а еще взрослые серьезные люди, я так и знал - шомполом навертели дырок.

- Ладно, капитан, - сказал Золотовский, - пошутили, и хватит. Постой вот тут, посмотри, если есть желание. И подал команду:

- Вторая смена, на линию огня, марш!

С этой сменой повторилось то же самое. Притихшие, капитан да сержант, почуяв нечто неладное, стояли в сторонке. Иногда вместе с сотрудниками подходили к мишеням, тупо смотрели в мишени, слушали, как разочарованно вздыхают "партизаны", когда пуля попадает в "девятку".

Не сказав ни слова после стрельбы, капитан проводил их к автобусу и, заглянув в салон, удивленно выдавил:

- Так вы откуда, ребята?

- Ну вот, - рассмеялись сотрудники, - а говорил: "Вижу всех насквозь".

Когда автобус тронулся и покотился, кто-то из окна крикнул:

- Да партизаны мы, капитан, партизаны! Не сомневайся... Спи спокойно!

Высокий профессионализм группы - не заслуга командира и даже не личное желание ее бойцов, это жизненная необходимость. Хочешь уцелеть в бою, должен многое знать и еще больше уметь. В "Альфе" каждый занимается по

индивидуальной программе. В ходе огневой подготовки сотрудники спецподразделения обучаются мастерскому владению всеми, как отечественными, так и зарубежными видами стрелкового и специального оружия, ведению огня ночью и днем, на предельной дальности. Основное внимание сосредоточено на выработке навыков поражать цели с первого выстрела, первой очереди, на ходу, по вспышкам, на звук. Вести огонь в городе, в здании, в горах, в самолете, вагоне поезда, на различных плавсредствах.

Бойцы способны переносить длительные физические и нервные перегрузки, они смелы, решительны, стойки. В ходе занятий в учебный процесс вносятся элементы напряженности, внезапности, опасности и риска.

Вот обычное задание бойцам спецподразделения, действующим в составе разведывательно-диверсионной группы. На карте указы

вается точка в лесу. Группа должна в короткий промежуток времени выйти на точку, отыскать дерево, в дупле которого находится кассета с приказом. Затем, двигаясь по азимуту, выйти к охраняемому объекту, снять часового и захватить объект. По самым скромным оценкам, до объекта около 20 километров. Времени на операцию - 20 минут.

Задание, признаться, рассчитано на сверхчеловека. Будь ты супербегуном и даже экстракласса ориентировщиком, вряд ли под силу на незнакомой, лесистой и пересеченной местности за минуту преодолевать по километру.

Выйти на дорогу нельзя: там засады.

В неординарных условиях следует искать неординарные решения. Это правило известно каждому бойцу "Альфы", что называется, с младых ногтей. Нелегко сказать, да нелегко сделать. Перед разведчиками диверсионной группы опушка леса, дальше огромное ржаное поле, на котором одинокий комбайн, и нигде ни души.

Текут минуты и кажется, что выхода нет. Есть! Начальник группы командует: "Вперед!" - и через несколько мгновений люди в масках уже бегут рядом с комбайном.

Удивленный водитель останавливает комбайн, выглядывает из кабины. Один из бойцов вскакивает на подножку.

- С утра работаешь?

- Да, с пяти часов, - подтверждает комбайнер.

- Ничего подозрительного не заметил? Трое уголовников сбежали из лагеря. Не исключено, что они прячутся в лесу, - боец показывает на кромку леса, где находится их желанный объект.

- Так в чем дело, ребята, залезайте в шнек, я вас быстро к лесу подброшу. А если что, то и монтировкой подмогну.

- Не надо, - смеются ребята, залезая в чрево комбайна. - Мы сами. Если что, сигнал подай.

И через минуту-другую комбайн уже пылит по проселочной дороге. Положив рядом на сиденье монтировку, комбайнер зорко вглядывается в кустарник на обочине.

Замаскировавшаяся в перелеске рядом с дорогой засада и не подозревает о затаившихся внутри комбайна людях.

Вот и лес. Бойцы, словно тени, исчезают в густой чащобе, падает "сраженный" часовой. Объект в руках диверсионной группы.

Так выглядит лишь один из эпизодов многочисленных тактических разработок "Альфы". Что же касается специальной подготовки - она разнообразна, профессионально многопланова и весьма необычна с точки зрения как армейского специалиста, так и сотрудника безопасности. Бойцы группы, умело используя веревку, спускаются со зданий, сооружений, самолетов, занимаются одиночным лазанием, лазанием в связке, проводят установку траверзных систем креплений тросов.

Они проходят обкатку на бронетанковой технике, занимаются воздушно-десантной подготовкой, осваивают программу боевых пловцов ВМФ.

Все сотрудники прекрасно знают любые образцы автомобильной техники, приобретают навыки ведения огня из вооружения современных танков, БМП, БТР. Осуществляют радиообмен на штатных средствах радиосвязи при движении в автомобиле, при ведении огня и выполнении боевой задачи.

Бойцы "Альфы" являются специалистами в авиационной технике. Они знают все: как загружается авиалайнер, как меняется экипаж, как производится заправка самолета. Им знакомы все люки отечественных и зарубежных самолетов, отработана схема проникновения в салон.

Группа располагает современными видами стрелкового оружия, боевой и специальной техники. Среди них средства для психологического воздействия и метательные устройства, оптические и ночные прицелы.

Для экстренного вскрытия дверей, люков, замков, перерезания стальных прутьев и цепей применяются комплекты накладных зарядов и мощных резаков бесшумного действия. Контроль за обстановкой внутри помещений, занятых преступниками, осуществляется с помощью высокочувствительных технических устройств. А для проникновения в подобные помещения применяются специальные средства "Роллиглис".

Постоянно совершенствуются и средства индивидуальной защиты, сокращается вес бронезиленета, при обязательном условии - сохранении свободы движения.

Сотрудниками спецподразделения созданы схемы посольств и иностранных представительств, жилых домов, особняков и дач дипломатов, аккредитованных в

Москве, даны поэтажные планы, указаны места проникновения в здания, возможное расположение в них сил и средств, количество людей, тактика их действий.

Имеются также планы гостиниц, железнодорожных вокзалов и аэропортов. Изучены маршруты выдвижения к объектам.

Таковы некоторые особенности подготовки уникального подразделения. Небольшая часть работы, способов деятельности группы, ее вооружения - все то, что можно хотя бы в общих чертах раскрыть.

Остальное - за порогом этого повествования. Несмотря на гласность, демократию и открытость, секреты у "Альфы" остаются, ведь терроризм не складывает оружия. Значит, у "Альфы" по-прежнему много работы. Особенно на самом горячем участке - на воздушном транспорте.

Именно самолеты во всем мире всегда привлекали террористов. Почему? Об этом в следующей главе.

Досье "Альфы"

Терроризм неистребим, считают психологи. Дело не только в природной агрессивности человека, но и в том, что для одних террорист - заурядный преступник, а для других - борец за свободу и счастье народа. Даже в резолюциях по терроризму, утвержденных в ООН, не дается четкого и однозначного определения термина.

В 1887 году Александр Ульянов, в ночь перед казнью - он покушался на царя - написал матери письмо, в котором, в частности, есть такие строчки: "Терроризм - это оружие тех, кто силен духом и малочислен". Возможно, тут и спрятан ключ к пониманию корней терроризма?

Сегодняшний терроризм крылат. Он облюбовал одно из самых эффективных средств передвижения. Через аэропорты, пункты контроля, салоны лайнеров и пилотские кабины проходит фронт борьбы с терроризмом. Идет настоящая война. Как считает американский профессор Маккензи Ора, руководитель программы "Терроризм и авиация", существующей в рамках Всемирного фонда авиационной безопасности, "это война, которую невозможно выиграть, но нельзя проиграть".

По оценкам экспертов, в ближайшее время терроризм в авиации станет огромным бедствием. Более того, часть из них считает, что гражданскую авиацию в близком будущем ожидает самый тяжелый период во всей истории ее существования.

Не хотелось бы верить в столь мрачные прогнозы, но, увы, статистика хайджекинга заставляет содрогнуться: ежегодно угоняются десятки самолетов, гибнут сотни людей. И здесь, как это ни прискорбно, "мы впереди планеты всей". Время от времени устанавливаем рекорды не только по количеству угнанных в

год самолетов, но и в месяц, в неделю. Всем нам еще памятно "сумасшедшее" лето 19910 года.

9 июня был угнан самолет из Минска в Стокгольм, 18 июня - из Измаила в Турцию, 19 июня - из Риги в Хельсинки, 24 июня - из Таллина в Хельсинки, 28 июня - попытка угона в Турцию самолета Ту-154, совершавшего рейс Краснодар-Оренбург-Краснодар, 30 июня самолет, вылетевший из Львова, по требованию террориста, изменил курс и совершил посадку в Стокгольме.

Что и говорить, "плотность" угона самолетов беспрецедентна не только в истории нашей гражданской авиации, но и в мировой практике. Летать самолетами стало не менее опасно, чем ходить по ночному городу.

Борется ли мировое сообщество с разбоем на воздушном транспорте? Безусловно. Если коснуться правовой стороны этого вопроса, то следует отметить важность заключенных международных документов - Токийской конвенции 1963 года о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна, Гаагской конвенции 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Монреальской конвенции 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации и дополняющего эту конвенцию протокола 1988 года о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию.

В них воздушные террористы названы злейшими врагами человечества. И, думается, вполне справедливо. Каждый преступник, какими бы благими намерениями он ни прикрывался, должен знать: везде его ждет суровое наказание. Согласно конвенциям, государства, подписавшие их, обязаны выдать или сами наказать воздушных разбойников. Таким образом гарантируется неизбежность возмездия.

В большинстве своем так и происходит. Нашей стране были выданы Гилев и Поздеев, угнавшие в 1970 году в Турцию самолет Л-200; Загерняк и Шелудько, улетевшие на Ту-134 в 1977 году в Финляндию; Засимов, захвативший в 1986 году АН-2 и принудивший командира самолета совершить посадку в Иране.

Названные конвенции сыграли главную роль и в том, что террористы во главе с Якшиянцем, захватившие в Орджоникидзе детей и потребовавшие вылета за границу, были переданы Израилем в руки советского правосудия.

Однако и те преступники, которые не были возвращены на Родину, не остались безнаказанными. Бандитов Шмидта и Шуллера, угнавших в 1982 году АН-24 в Турцию, приговорили к восьми годам тюремного заключения. Бывший пилот Алимуратов, захвативший в 1985 году самолет, тоже получил восемь лет тюрьмы.

Да, международное правовое обеспечение борьбы с терроризмом, крайне необходимо. Но следует признать: при всей важности конвенций, они

срабатывают лишь после совершения акта воздушного разбоя. А что же делается по предупреждению бандитских вылазок на воздушном транспорте?

Здесь война идет с переменным успехом.

К середине 80-х годов многие международные аэропорты оснащаются новейшими контрольными устройствами и рентгеновскими машинами. Казалось бы, положен конец террору на воздушном транспорте. Ведь на борт лайнера невозможно пронести незаметно даже газовый баллончик или металлическую зажигалку. Но человечество поторопилось отпраздновать победу. Весной

1986 года одну из дискотек Западной Германии потряс мощный взрыв. Погибло трое американских офицеров. США не собирались отмалчиваться. Ровно через десять дней Президент Р. Рейган объявил всему миру о том, что он располагает неопровержимыми доказательствами причастности Ливии к этому теракту.

Военно-воздушные силы США нанесли бомбовые удары по предполагаемому месту нахождения Каддафи, а также по его штаб-квартире в Триполи. Каддафи уцелел, а через двое суток в Ливане нашли убитыми троих заложников: двоих британцев и одного американца. Таков был ответ террористов.

Война обретала новые масштабы, напряженность и новое качество. Самолеты перестали угонять, их стали просто взрывать.

Бомба, подложенная в самолет авиакомпании "Эйр Индия", который следовал маршрутом Монреаль-Лондон, взорвалась, погибли 329 пассажиров.

В следующем году взрывное устройство, к счастью сработавшее в половину своей мощности, вырвало дыру в обшивке самолета компании "Транс Уорлд Эйрлайнз", летевшего из Рима в Афины. Погибло четверо пассажиров, которых выбросило в образовавшуюся дыру.

А еще через два года, в декабре 1988-го, в лондонском аэропорту Хитроу на борт Боинга-747 ступили 259 пассажиров. Радиокассетный плеер, снабженный взрывным устройством, был уложен на багажную полку. В нужную минуту устройство безотказно сработало. Катастрофа.

Но это там, у них, за рубежом есть самые современные рентгеновские аппараты, детекторы металлических устройств, тратятся огромные суммы на безопасность полетов. Так, Израиль на безопасность своего аэропорта Бен-Гурион, который, как известно, находится в одной из самых взрывоопасных зон мира, тратит 25 процентов от общего бюджета, выделяемого на безопасность страны.

У нас же, как показывает практика, при некоторой изобретательности террористов, можно пронести на борт любое оружие или взрывное устройство. Правда, руководство гражданской авиации страны усиленно убеждает нас в обратном, приводит поистине фантастические цифры изъятых у пассажиров гранат, снарядов, стволов огнестрельного оружия и тонн взрывчатых веществ. Возможно, это и так. Нет основания не верить ответственным работникам. Но,

видимо, это не то оружие, стволы и тонны, которые планировалось пустить в дело именно на борту самолета. Их просто перевозили, транспортировали в другую точку страны. И потому они были найдены.

Ибо оружие, которому предстояло "заговорить" при захвате воздушного судна и сыграть свою роковую роль, в нужный момент всетаки оказывалось на борту. В 1988 году, например, террористы Овечкины уложили его... в футляр контрабаса. А в 1983 году преступники в Тбилиси даже этого не стали делать, просто пронесли оружие без досмотра через депутатский зал, как "уважаемые" люди.

Кстати, об "уважаемых" людях. Кровавая трагедия в тбилисском аэропорту так и не послужила нам уроком. В большинстве цивилизованных стран мира при досмотре перед посадкой в самолет даже самые высокопоставленные лица проходят шесть-семь самых тщательных проверок.

К чему, казалось бы, такая подозрительность? Дело в том, что люди, облеченные властью, должны служить примером для рядовых пассажиров. Это оказывает неоценимое положительное воздействие как на работников службы безопасности, так и на тех, кто проходит досмотр. Следует подчеркнуть особенный нюанс. Законы многих стран разрешают высокопоставленным чиновникам проходить без проверок. Но они соглашались на досмотр вполне добровольно, сознательно. Достойный пример, не правда ли?

В воздушном пиратстве есть и еще кое-что, отличающее нас от других цели угонщиков. Да, действительно, как ни горько сознавать, у нас похищают самолеты, чтобы сбежать из собственного дома. Нередко вокруг очередного происшествия газеты поднимают шум и на страницах печати появляются заголовки: "Воздушный пират или несчастный мальчишка?"

Как ни странно, чаще всего, по мнению нашей гуманной прессы, оказывается, что они никакие не пираты, а те самые несчастные мальчишки. Такой вывод сделали, к примеру, некоторые журналисты, написавшие о 19-летнем угонщике из Львова Анатолии Михайленко.

30 июня 1990 года, когда самолет был уже в воздухе, Михайленко подозвал стюардессу, показал ей гранату и потребовал от командира лететь в Швецию. Оказывается, был он человеком религиозным и не желал идти в армию. Как признался потом одному из журналистов: "Не хотел нарушить библейскую заповедь "не убий".

Вот только о том, что он мог бы сразу убить почти двести человек, Анатолий не подумал, видно, забыл о библейских заповедях. Тот трудный полет вполне мог закончиться катастрофой. Экипаж находился в сильнейшем стрессе: предстояло лететь по абсолютно незнакомому маршруту, посадка в шведском аэропорту Арланда требовала умения ориентироваться по радиомаякам, навигационным и посадочным огням, знать систему захода на посадку. Естественно, что летчики, работающие на внутренних линиях, к таким полетам не готовы.

Когда пересекли границу, в воздух поднялись истребители шведских ВВС, они помогли нашему "Ту" приземлиться. За все эти "услуги" нашей стране выставили счет на 30 тысяч инвалютных рублей. А таких угонов только в июне 1990 года было несколько. Что и говорить, дорогие "шалости" у наших "несчастливых мальчишек".

Международных конвенций, где подобным мальчишеским играм дано четкое определение, предостаточно. Только что нашим юнцам конвенции? Понимание того, что он, бандит, своими действиями поставил под угрозу жизнь и безопасность десятков, сотен людей, как правило, не берется в расчет. Для многих угонщиков важен иной, политический вывод: свободолюбивый член общества бежал из страны-тюрьмы. И он уже вроде и не преступник. Категорически утверждаем: преступник, бандит!

Спору нет, нормальный, цивилизованный выезд крайне нужен. Но и он, увы, не решит проблему терроризма. Ибо бежали у нас не только юнцы, которых обидел строгий папа или испугала служба в армии. Бежали и другие, которые при самом цивилизованном законе о выезде не пойдут в билетную кассу.

Среди наших "доморощенных" угонщиков были все типы террористов, которые соответствуют самым "высоким" международным стандартам.

Кто они? Прежде всего, преступники, действующие по психологическим мотивам. Их поступки непредсказуемы, они в любой момент могут прибегнуть к насилию.

Имеются три типа преступников: самоубийца, психически больной и террорист, решившийся на преступление из чувства мести. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза признала террориста Рзаева, захватившего 17 мая 1973 года самолет Ту-104, следовавший по маршруту Москва-Челябинск-Новосибирск-Иркутск-Чита, психически больным. Хотя, покопавшись в причинах, толкнувших Рзаева на захват воздушного судна, можно было бы и его отнести к разряду свободолюбивых граждан нашего отечества. Рзаев, оказывается, мечтал стать дипломатом, но слабая школьная подготовка не давала ему такой возможности. Он считал, что уж там, за рубежом, его ждет блестящая дипломатическая карьера. Людей, ставших заложниками, террорист, естественно, в расчет не брал.

Преступники, действующие по уголовным мотивам, берут заложников, как правило, на месте преступления, будучи застигнутыми врасплох. Они не имеют разработанного плана и охотно идут на переговоры.

Случаются захваты заложников в заключении. Тут цель ясна: разработав заранее план, они добиваются освобождения или изменея условий содержания.

Самый сложный тип - вымогатель. Здесь террорист пытается заставить власти, семью потерпевшего, выполнить его условия. Вымогатель всегда расчетлив, методичен и жесток.

Именно так действовал уголовник, руководитель вооруженной банды Якшиянц, в 1988 году захвативший автобус с детьми в Орджоникидзе. И он-таки добился своего. Ему предоставили самолет, 3 миллиона денег в валюте и вылет в Израиль. "Альфа" была готова пойти на штурм, но руководитель операции не решился отдать команду, поскольку на карту ставилась жизнь детей.

И, наконец, преступники, действующие по политическим мотивам. Они совершают преступления из чувства социального протеста. Может случиться, что фанатик пытается таким примитивным способом решить сложные политические проблемы. Например, с группой приверженцев захватить своих политических противников. Возможны и иные типы террористов, которые убеждены, что законы не имеют силы. Они, как правило, хорошо теоретически подготовлены и дисциплинированы.

Действия любых преступников могут быть разнообразны и непредсказуемы. Как подтверждает жизнь, с каждым годом они становятся все изощреннее, изобретательнее, берут на вооружение самые современные достижения науки и техники. Подтверждением тому - случай с гражданкой Ирландии, в чемодане которой была обнаружена крохотных размеров пластиковая мина. Дама собиралась улететь рейсом Тель-Авив-Лондон. Взрыв этой микробомбы не причинил бы вреда даже окружающим предметам, но его было бы достаточно, чтобы сдетонировали несколько фунтов семтекста - высокотоксичного вещества, упрятанного под подкладкой чемодана. Ирландка прошла три пункта тщательнейшего контроля и задержали ее только на четвертом - с помощью суперсовременного специального проверочного устройства.

Специалисты по взрывателям были поражены изобретательностью террористов. Нет сомнения, что на любой другой авиалинии, не оснащенной столь дорогостоящей контрольной аппаратурой, мина оказалась бы на борту самолета.

...Итак, "воздушная война" продолжается. Терроризм не уступает. Он опытен, хитер, расчетлив. Тем, кто противостоит терроризму, тоже опыта не занимать. И у Альфы" на счету семь боевых операций по освобождению самолетов. Начиналось все в ноябре 1983 года. Сигнал "505" пришел из Грузии...

Особая папка КГБ. Совершенно секретно. Экз. ед.

"18 ноября 1983 года в 16.16 московского времени во время полета самолета Ту-134А, следовавшего по маршруту ТбилисиБатуми-Киев-Ленинград с 57 пассажирами и 7 членами экипажа на борту, группа вооруженных преступников смертельно ранила бортмеханика и заместителя начальника лётно-штурманского отдела Управления гражданской авиации Грузинской ССР и потребовала изменить курс, посадить самолет в Турции.

Командир экипажа самолета не подчинился требованию преступников и произвел посадку в Тбилиси. Преступники захватили пассажиров в качестве заложников и настаивали на выполнении ранее выдвинутых требований.

Председателем КГБ СССР было дано указание немедленно направить в Тбилиси сотрудников спецподразделения 7-го управления для освобождения заложников.

В 23.08. 38 сотрудников спецподразделения прибыли в Тбилиси".

Через восемь лет, в ноябре 1991 года, во время правления Президента З. Гамсахурдиа, газета "Свободная Грузия" опубликует разоблачительную статью о том, как под руководством Э. Шеварднадзе была проведена "бессмысленная бойня", убийство молодых "борцов за свободу и независимость", пытавшихся покинуть на самолете "империю". Далее говорилось, что художник Гия Табидзе был убит, художник Давид Микаберидзе покончил с собой, актер Геча Кобахидзе, художник Сосо Церетели, врачи Паата и Кахи Ивериели получили ранения при штурме самолета "имперским спецназом".

В то же время в авиагородке, где живут грузинские летчики, в сквере был совершен акт вандализма: памятный камень с фамилиями погибших пилотов Шабартяна, Чедия и бортпроводницы Крутиковой выдрали из земли, осквернили.

Так что же в действительности случилось ноябрьским днем 1983 года в Тбилисском аэропорту? Центральная пресса об этом почти не писала, республиканские газеты при Шеварднадзе говорили одно, с приходом Гамсахурдиа - другое.

Сразу после происшествия весь экипаж наградили. Гардапхадзе и Гасоян были удостоены звания Героя Советского Союза. Но пройдет несколько лет и в Грузии образуют специальную комиссию по новому расследованию дела. Теперь о героях-пилотах скажут, что они "состояли в сговоре с КГБ и устроили бойню борцам за свободу".

Хотя что тут толковать, проще сказать словами международных документов: воздушные террористы - злейшие враги человечества.

Но, видимо, не всем по нутру такое определение, коли оскверняют памятники погибшим и оскорбляют живых. Хотя верно и то, что только из нашей страны угоняют самолеты, дабы убежать за границу. Может быть, тбилисские художники и актеры тогда, в восемьдесят третьем, и вправду хотели покинуть "империю", боролись за свободу? Что ж, попытаемся разобраться. Для этого восстановим события того дня.

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт. Ахматгер ГАРДАПХАДЗЕ, командир экипажа, рассказывает:

- Я работал пилотом-инструктором Грузинского управления гражданской авиации. 18 ноября мы летели из Тбилиси. В Батуми должны были дозаправиться и следовать дальше, на Киев-Ленинград.

Мне пришлось исполнять обязанности командира экипажа, но сидел я в правом кресле второго пилота. В левом кресле находился Станислав Габараев, которого мне пришлось в этом полете вводить в строй в качестве командира экипажа. С

нами летел проверяющий - заместитель начальника лётно-штурманского отдела Грузинского управления гражданской авиации Завен Шабартян. Станислав ГАБАРАЕВ, пилот:

- У нас в гражданской авиации есть такое понятие: "первый полет на вводе в строй командира". Для меня был именно такой полет. В остальном все обычно. Если не считать, что в этот день отменили рейс самолета Як-40 на Батуми и пассажиры, прошедшие регистрацию, оказались у нас на борту. Как выяснилось позже, угонщики готовили нападение именно на Як-40 и полет на Ту-134 явился для них в какой-то мере неожиданностью.

Владимир ГАСОЯН, штурман:

- Кабина в Ту-134 маленькая, тесная. Бортинженер сидит на откидном кресле между первым и вторым пилотом. Шабартяну и сесть-то было негде, он стоял за спиной бортинженера Анзора Чедия.

Мы уже прошли Кутаиси и были на предпосадочной прямой, выпустили шасси, но в это время по радио сообщили: в Батуми внезапный боковой ветер. Там такое нередко случается. Нам приказали идти на запасной аэродром. Командир принял решение вернуться в Тбилиси.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Сделали разворот над Кобулету. И в этот момент условный стук в дверь. Так стучатся бортпроводницы. Шабартян посмотрел в глазок и увидел лицо второй бортпроводницы Вали Крутиковой. Он не заметил, что у нее разбита голова.

Оказывается, когда выпускали шасси, преступники подумали, что мы снижаемся в Батуми, там ведь до Турции рукой подать, и приступили к захвату самолета. Оглушили обеих бортпроводниц и те не успели нажать кнопку "Нападение", трижды выстрелили в штурмана Плотко, который летел в отпуск и был в форме работника гражданской авиации. Они приняли его за члена экипажа. Потом Валю Крутикову, оглушенную и избитую, подтащили к дверям пилотской кабины. С. ГАБАРАЕВ:

- Шабартян открыл дверь и получил в лицо пять пуль. Я услышал несколько хлопков и даже не подумал, что это могут быть выстрелы. Оказывается, в полете, на высоте, они звучат совсем иначе, чем на земле. Звук примерно такой, словно кто-то рядом открывает шампанское.

Только когда Шабартян вскрикнул, я повернулся к нему. Увидел, как он упал за кресло, а в кабину ворвались двое молодых ребят. Потом узнал: это были Кахи Ивериели и Гия Табидзе. Ивериели подскочил ко мне и приставил к горлу револьвер. Табидзе сорвал с командира наушники и ткнул в висок ствол пистолета "ТТ". Лица, перекошенные злобой, мат, истощные вопли: "Самолет захвачен! Берите курс на Турцию! Иначе мы всех вас перестреляем!"

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Бортинженер Анзор Чедия повернулся к ним и спросил: "Что вы хотите? " Договорить ему не дали, прозвучало несколько выстрелов, он упал, завис в кресле.

Когда они ворвались, я правой рукой нащупал свой пистолет в кармане, но вынуть его не мог. Так и держал руку в кармане.

У нас было три пистолета: у меня, у Габараева и у штурмана Гасояна. У каждого по обойме - 8 патронов.

Гасоян сидел внизу, при закрытых шторках, все слышал, но стрелять не мог: перед ним был бортинженер. Когда Чедия упал, сектор обстрела открылся...

В. ГАСОЯН:

- Вижу: надо действовать. Спасти положение могу я один. Достал пистолет, взвел курок и выстрелил в преступника, который держал под прицелом командира. Террорист упал. Другой головой по сторонам вертит, кричит: "Кто стрелял? Откуда?", но пистолет у виска Габараева держит.

Я тогда и в него два раза выстрелил. Как потом оказалось, ранил. Он закричал и выскочил из кабины. За это время командир успел выхватить свой пистолет.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Когда Табидзе упал, я развернулся в кресле и тоже начал стрелять. Ивериели выбежал за дверь и спрятался за холодильник. Началась перестрелка. Мы вдвоем с Гасояном стреляли, а у них, пожалуй, стволов пять было.

У нас патроны уже кончаются, и я думаю: "Надо закрыть дверь". Но как? В проходе лежит Шабартян, на нем Табидзе - то ли убитый, то ли раненый.

Говорю Гасояну: "Оттащи их от двери, я тебя прикрою." В это время Валя Крутикова очнулась, приподняла голову. Они ее тоже у дверей оглушили. Гасоян говорит ей: "Валя, помоги их оттащить".

Крутикова полулежа, полусидя вцепилась в Табидзе и оттащила его к кухне. Шабартян был еще жив, попытался сам заползти в кабину, Гасоян помог ему.

Я продолжал стрелять, чтобы прикрыть их, а Габараев вел самолет.

С. ГАБАРАЕВ:

- Во время перестрелки я управлял самолетом. Ахматгер крикнул мне: "Переходи на ручное управление, создавай перегрузки!" Я так и сделал: резко бросал машину по курсу и по высоте, чтобы сбить с ног преступников.

Над Гори командир израсходовал последний патрон. У Гасояна патроны кончились еще раньше. Он взял мой пистолет и опять вел огонь. Мне показалось, что стрельба продолжалась вечно, а прошло, наверное, не больше пяти минут.

Валя захлопнула двери кабины, а сама осталась в салоне с бандитами.

В. ГАСОЯН:

- Шабартян пришел в себя, кричит: "Володя, посмотри, у меня глаз вытек или нет?" Глянул на него и содрогнулся: все лицо в крови, во лбу пулевое отверстие, в горле рана - из нее кровь так и хлещет. Я достал платок, прижал его к ране на горле. Платок сразу пропитался кровью.

Туг опять началась стрельба. Бандиты стреляли в дверь, хотели сбить замок.

Что делалось в салоне, не знаю. Думали: раз так жестоко с экипажем обошлись - ни слова не говоря, застрелили Чедия и тяжело ранили Шабартяна, то и в салоне всех перестреляли.

Шабартян кричит: "Не могу, ребята, спасите! Не хочу умирать!" Достал документы, деньги, командиру протягивает, просит: "Передай жене". Господи, о чем говорит! Чувствовал, что умирает.

Командир его успокаивал, как мог, держись, мол, Завен, сейчас сядем, тебе окажут помощь.

При Гамсахурдиа находились некоторые, спрашивали: зачем я стрелял в людей? Посмотрели бы они в ту минуту на Шабартяна. До конца дней не забыть мне его лицо.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Когда захлопнули дверь, я надел наушники, вышел на связь, передал, что на нас совершенно бандитское нападение: убит бортинженер, ранен Шабартян. Потом включил сигнал бедствия.

Из Сухуми передали: "Садитесь к нам". Но я знал: в Сухуми взлетно-посадочная полоса на ремонте, и пошел в Тбилиси. Вскоре, смотрю, у нас на хвосте два военных истребителя, видимо, поднялись по нашему сигналу. Доложил обстановку в Тбилиси: "Встречайте, приготовьтесь".

При снижении над Рустави первая бортпроводница Ира Химич по внутренней связи просит: "Командир, летите в Турцию, они взорвут самолет! Достали гранаты!" Я ей отвечаю: "Ирина, передай, что мы уже над Турцией. Садиться будем в Турции".

Было пасмурно, дождь, туман, да и вечер уже наступил, время около половины седьмого, думаю: "Грузия под нами или Турция - сейчас не разберут".

В. ГАСОЯН:

- Я позже узнал, что они в салоне творили. Как только мы взлетели, стали ходить туда-сюда, курить, пить шампанское. Наш штурман Плотко сделал им замечание. Они его запомнили, а когда напали на бортпроводниц, подошли к нему. Один

несколько раз выстрелил в спину, другой - в грудь. Плотко пытался закрыться рукой, у него потом из предплечья несколько пуль извлекли.

Убили двух пассажиров - Соломония и Абовяна, над бортпроводницами, как звери, измывались. Когда Валю Крутикову мертвую нашли, то волосы на голове повыдергивали. Вся в крови, без волос, лежала. А Ире Химич голову рукояткой пистолета пробивали. Вот такие "борцы за свободу".

Когда мы уже садились, слышали крики бортпроводниц - бандиты издевались над ними.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Сели. Нас поставили в самый конец зоны аэропорта, рядом со стоянкой военно-транспортных самолетов. Вижу: с двух сторон самолета солдаты с автоматами. Угонщики заставили открыть аварийный люк, а рядом с люком сидел пассажир - молодой солдат. Он выпрыгнул в люк на крыло, с крыла на землю. По нему из салона стреляли, и оцепление открыло огонь, думая, что террорист убегает. Очередями и по самолету прошлись. Габараева в ногу ранили. Я подключил аккумуляторы, кричу по радио: "Уберите этих дураков!" А тут и связь пропала, при стрельбе повредили радиостанцию.

У Гасояна в штурманской кабине - убитый Чедия и раненый Шабартян. Я приказал Гасояну покинуть самолет. Он вылез через форточку. Поворачиваюсь к Габараеву - он к ноге склонился: "Командир, я ранен". "Давай, Станислав, вылезай", - говорю. Тот тоже вылез.

В кабине остались я и Шабартян. У него лицо все в крови, глаз вытек, кричит, просит: "Не могу, страшная боль, дайте лекарство." И двигаться уже не мог.

Что творилось в салоне, не видел. Только через форточку слышал: они одного пассажира вытолкнули к двери: "Говори наши требования". Парень вырвался, выпрыгнул, ногу сломал.

Тогда у женщины взяли ребенка, толкнули ее к двери: "Говори наши требования. Если выпрыгнешь, убьем ребенка". Она кричит: "Заправьте самолет, отпустите их в Турцию, а то они убьют всех пассажиров и взорвут самолет".

Заместитель начальника Управления гражданской авиации Грузии Кадзая подошел к двери, стал вести переговоры, а я в форточку крикнул женщине: "Скажите им, что мы заправимся и полетим в Турцию". Я уже видел, сзади к нам подходил автозаправщик. Понял: решили слить топливо.

18 ноября 1983 года. Москва, Расположение группы "А".

Виталий ДЕМИДКИН, сотрудник группы "А":

- Было около 18 часов, в тире шло занятие по стрельбе. Начальник группы Геннадий Николаевич Зайцев зашел в тир, но тут же за ним прибежал дежурный.

Он что-то доложил Зайцеву, тот поднялся в свой кабинет, и вскоре прозвучал сигнал боевой тревоги.

Мы быстро собрались, загрузились в автобус и по дороге в аэропорт нас ввели в обстановку: в Тбилиси захвачен самолет. Террористы действуют с особой жестокостью - убито несколько человек.

Уже в полете получили расстановку сил и средств, кто действует в группе захвата, поддержки, наблюдения, какими парами работаем, с какой стороны. Руководил операцией непосредственно на самолете Михаил Васильевич Головатов.

Игорь ОРЕХОВ, сотрудник группы "А":

- Выезжая по тревоге, не знаешь, будешь ли в группе захвата или поддержки. Когда сказали, что я вхожу в группу захвата, ощутил какое-то двойственное чувство: с одной стороны, радость и гордость за доверие, а значит, и признание как профессионала, с другой - волнение, желание не подвести.

Сразу же после объявления состава группы ребята стали помогать подгонять нам бронезилеты, вооружение. Здесь же, в самолете, обсудили первоначальный план действий, потом руководство собрало группу захвата, уточнили некоторые детали.

Когда мы прилетели в Тбилиси, все силы уже были приведены в готовность по плану "Набат". Аэропорт оцепили войска. Погода - хуже не придумаешь: дождь, промозглый ветер, градуса два-три тепла. Темно.

Вошли в здание аэропорта в касках, в экипировке, с кейсами. Вокруг полно людей, все таращат на нас глаза. Ведь в ту пору о группе не писали ни слова, сверхсекретность. Мы тоже ни с кем не разговариваем, не общаемся...

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт. Арушан ГЕВОРКЯН, авиатехник по самолетам и двигателям Ту-134 Тбилисского авиапредприятия:

- Ночью, где-то между 23.00 и 24.00 у меня состоялся разговор с командиром 347-го летного отряда Григолашвили. Он попросил: надо пойти на захваченный самолет, помочь раненым и выполнить некоторые технические работы. Сказал, что это дело добровольное и связано оно с риском. Я согласился.

Меня отвели в комнату особого отдела. Там были председатель КГБ Грузии генерал Инаури, офицеры спецподразделения, еще какие-то люди.

Мне сказали, что надо помочь раненому флагштурману Шабартяну, подключить электропитание и выполнить работы, необходимые для слива топлива с самолета.

На машине поехали к стоянке самолета: я, начальник управления Кадзаная и три милиционера. Подошли к самолету. Кадзаная начал переговоры с угонщиками. Они требовали дать свет в салон и заправить лайнер. Кадзаная сказал, что для этого нужно пропустить техника в кабину.

Бандиты потребовали, чтобы я разделся догола у них на виду. Пришлось подчиниться.

На аэродроме ветер, дождь, замерз, заледенел. А они стоят на том, чтобы я прошел в кабину через салон. С трудом удалось объяснить, что дверь в кабину заперта и из салона ее не открыть. Согласились. По аварийному канату я влез наверх, протиснулся в кабину. Вытолкнуть в форточку Шабартяна не удалось, он был полный мужчина.

Включил аккумуляторы, преобразователи тока, в общем, сделал все необходимое для слива топлива. Пока работал - бандиты из салона ломались, просили открыть дверь, сулили миллионы. Потом стали угрожать. Я не отвечал.

Закончил ремонт, спустился обратно по канату. В это время один из милиционеров отвлекал их разговорами. Когда я спрыгнул, он сказал: "Беги". Все время, пока бежал, милиционер (он был в бронежилете), закрывал меня своим телом. Добежал. Оделся. Рассказал о том, что видел и слышал.

Под утро узнал, что спецподразделение быстро и умело обезвредило террористов.

В. ДЕМИДКИН:

- В аэропорту нам дали возможность потренироваться на запасном самолете. Все-таки волнение было - до сих пор мы работали на учебных машинах, а тут реальный самолет, настоящие убийцы, жертвы.

После тренировки началось самое неприятное время: время ожидания. В здании аэропорта нам отвели несколько комнат, периодически их покидали и выдвигались к самолету. Потом вновь уходили, прятались за ангаром, за грузовиками. Ждали. И так в течение всей ночи. В это время штаб по чрезвычайному происшествию вел переговоры с террористами. В зависимости отнакала этих переговоров и действовали. Они агрессивней - мы ближе к самолету.

Там я впервые понял состояние солдата на фронте перед атакой. Его не передать словами...

Видимо, террористы нас все-таки заметили. Дело в том, что самолет освещался прожекторами, и делалось это весьма неудачно: наши тени были видны из иллюминаторов. На ломаном русском языке звучали угрозы, мол, уходите отсюда, иначе всех взорвем. Потом вдруг слышу: что-то упало нам под ноги. Невольно весь сжался - ни бежать, ни падать нельзя. К счастью, это оказалась не граната, а оторванная телефонная трубка.

Минуты текут, волнение нарастает, промозглый ветер с дождем, кажется, протыкает ледяными иглами каждую косточку. Вокруг темнота, где-то вдалеке горы. О них я судил по огонькам селений, да по фарам машины, которая петляла по горной дороге. Луч ее то утыкался в скалу, то шарил по небу, словно

прожектор. Подумалось: увижу ли я еще раз эту ночную картину? Вспомнились семья, жена. Моему ребенку исполнился год, один месяц и один день. Увижу ли я своего малыша, когда ему будет год, месяц и два дня?

Но в следующее мгновение раздался плач ребенка из салона самолета, и мысли о семье ушли. Теперь все силы души были отданы операции: не отстать, не споткнуться, не испортить дело.

И. ОРЕХОВ:

- Посадка самолета была очень жесткой, и при ударе о взлетнопосадочную полосу один из люков вывалился на крыло. Террористы его приподняли, прислонили. Этот люк мог в любую минуту упасть сам или его могли открыть бандиты. Теперь представьте, как "приятно" лежать у этого люка. Не успеешь ахнуть, как получишь пулю. Но такая уж, видимо, у меня судьба, по боевому расчету мне достался именно этот люк.

Когда была дана команда готовиться к штурму, заняли свои места на самолете. Не - в самолете, а - на самолете. Ползешь и каждую заклепку чувствуешь. И все-таки качание машины, видимо, было. Из салона раздалось крики: "Не вздумайте штурмовать! Всех перестреляем!"

Теперь, с годами, когда анализируешь свои действия, понимаешь: помогло то, что наше отделение в ходе учебных занятий так много внимания уделяло тренировкам на борту.

Не могу точно сказать, сколько мы пролежали на ноябрьском ветру час, два, три. Напряжение огромное, а команды все нет и нет. Кажется, кожа уже примерзла к плоскости. Ведь у нас на голое тело были надеты бронежилеты и легкие комбинезоны. И все!

Виктор Федорович Карпухин, который находился где-то между штабом и самолетом, как мог, подбадривал нас, успокаивал: "Ребята, не волнуйтесь!"

А у меня свои, так сказать, индивидуальные проблемы из-за люка. Что делать, если он неожиданно откроется? Выход один: штурмовать, не дожидаясь команды.

В. ДЕМИДКИН:

- Сначала в кабину поднялся Владимир Николаевич Зайцев. Помню, первое, что увидел: кабина маленькая, узкая, возле кресла лежал мертвый пилот. Впереди - бортинженер, тоже уже мертвый. Каждую минуту выходили на связь. Боевые группы докладывали о готовности. Мы тоже доложили, и потянулись минуты. Неоднократно объявлялась "готовность номер один". И снова время штурма откладывалось.

Из штаба нам сообщали о перемещении террористов, уточняли их местонахождение.

И. ОРЕХОВ:

- Пока лежал у люка, продумал каждый свой шаг. "Сейчас я вскочу, выбью люк. У самолета Ту-134 два люка, которые выходят на крыло, значит, между ними салонная перегородка... Здесь я должен упасть, встать... Будут сложности с пассажирами, которые сидят у люка..."

Но в жизни оказалось все по-другому. Пассажиров на этих местах не было, спинки кресел оказались опущенными вперед и люк упал в другую сторону.

Падаю в проход, вскакиваю. Дым, ничего не вижу. Тут еще ребята со всех сторон пошли. Поднимаю забрало каски. Понимаю, что попал в начало второго салона, где были пассажиры. В салоне темно, небольшая подсветка. Крики, стоны. Мы тоже кричим: "Где? Где?" Пассажиры показывают: "Вот они".

Мне достался один из бандитов, раненный в шею. Он сидел в третьем ряду салона, у прохода, и контролировал ситуацию. А порядок такой: если кто-то тебе попался, работаешь с ним до конца. Вот я и работал...

В. ДЕМИДКИН:

- По команде "Штурм!": мы стали открывать дверь кабины, но она не поддавалась. Оказывается, была привалена трупами. Налегли изо всех сил открыли.

Вперед пошел Зайцев, я за ним. Слышу его голос: "Руки за голову!" Здесь, в коридорчике, который отделяет дверь кабины от салона, были двое террористов, мужчина мощного телосложения, ростом эдак под метр девяносто, и женщина. Оба с пистолетами. Зайцев неуловимыми движениями сразу уложил их на пол, лицом вниз, и побежал. Решительно действовали мы. Мне досталась женщина, напарнику - мужчина. Я ее схватил и спустил по трапу вниз.

Выскочил в салон и увидел еще одну женщину, подумал - пассажирка. Сказал: "Пойдемте, вы свободны". И хотел помочь. Но она вцепилась в кресло, закричала: "Нет, нет, я хочу взорваться!" Оглянулся, позвал товарища: "Володя, она взорваться хочет". И мы вдвоем под руки подняли ее, передали вниз, ребятам.

Снова вернулись в салон, а Зайцев уже далеко. Тороплюсь за ним. Справа, помню, когда бежал, увидел труп мужчины. Но заниматься им некогда: надо было спасать живых.

Во втором салоне поработал уже Головатов с ребятами. Когда мы вбежали, все в креслах полулежали, полусидели с поднятыми вверх руками. Кто из них заложник, кто террорист - не очень разберешь.

Посветили фонарем, мужчина в кресле обернулся, и мы увидели у него два пистолета. Подхватили под руки - и вниз. Потом помогали пассажирам кому одеться, кому собрать разбросанные бумаги, документы. Многие и этого не могли сделать - в шоке от страха.

Затем осмотрели сиденья, места под сиденьями и все углы и закоулки нет ли взрывного устройства. И, наконец, я спустился вниз. Было уже светло, вдалеке

виднелись горы. Понял, что теперь увижу отца, мать, жену с сыном. Потом ребята не раз шутили, мол, Демидкин спустился с трапа и сказал: "Как хорошо жить!"

И. ОРЕХОВ:

- Прошло столько лет, а все вспоминается тот штурм. Странно, как по-разному перед лицом опасности ведут себя люди.

Наша группа поддержки должна была подъехать к самолету на аэродромном микроавтобусе, но водитель автобуса в самый ответственный момент струсил, отказался ехать. Пришлось ребятам в полной экипировке бежать через летное поле.

И противоположный пример. В самолете, рядом с туалетной комнатой, есть еще одна небольшая комнатка, гардеробная. Там несколько часов просидел врач, он на коленях держал женщину с пулевым ранением в спине. Несмотря на угрозы, выстрелы, он оказал помощь пострадавшей.

...С рассветом 19 ноября кровавая трагедия завершилась. Итогом ее стало несколько убитых и раненых. Террористы застрелили летчиков Завена Шабартяна, Анзора Чедия, двоих пассажиров, зверски замучили бортпроводницу Валентину Крутикову. Получили тяжелые ранения и остались инвалидами штурман Плотко и бортпроводница Ирина Химич.

Террорист Табидзе убит в перестрелке, Микаберидзе покончил с собой. Суд приговорил всех бандитов к высшей мере наказания - расстрелу. Казалось бы, приговор снял все вопросы. Но не тут-то было. Кровавая история имеет свое продолжение, и совсем недавно она получила в Грузии новый импульс старые судебные дела были сняты с архивной полки. Кое-кто хотел из бандитов, террористов и убийц сделать мучеников грузинского народа, объявить их "борцами за свободу и независимость". Не вышло.

Но как все это было, проследить, пожалуй, весьма интересно. Рассказывают участники событий.

В. ГАСОЯН:

- Если бы еще немного у власти побыл Гамсахурдиа, то наверняка бандитов героями объявили бы, а нас судили. После того, как в 1983 году я вернулся из госпиталя, мне ночью много раз звонили в дверь. Смотрю в глазок: какие-то мужчины. Спрашиваю: "Кто?" Отвечают: "Открывайте, мы следователи КГБ, поедете с нами на допрос". Я им: "Приходите ко мне завтра, на работу". Постоят и уходят.

Я в окно гляжу: садятся в легковую машину без номера и уезжают.

Пошел сам в КГБ. Мне говорят, никого ко мне не посылали, но пообещали установить наблюдение за домом. Установили, нет - не знаю, но больше никто не приезжал.

Перенервничал, конечно. У меня ведь четверо детей, мал мала меньше.

Потом я на Кубе работал, думал, столько лет прошло, забылось. Нет. Газеты стали нас грязью обливать. Почему, мол, нам Героев до окончания следствия дали? А мы откуда знаем? С Кубы приехал, деньжат немного привез. Пошел в управление торговли, прошу: "Дайте машину как многодетному или как Герою". Там отвечают: "Ты Герой Советского Союза, а Союза больше нет, значит, и машины тебе нет".

В том, что тогда стрелял, не раскаиваюсь. Бандиты к нам ворвались, товарищей на наших глазах убили, что ж, по головке их гладить?

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- После той трагедии меня с летной работы по здоровью списали. А ведь вся моя жизнь в авиации прошла. У нас, когда летать перестают, там же, в аэропорту, остаются работать. А я не могу. Больно. Потому и ушел.

Что сейчас журналисты пишут: "Шеварднадзе, КГБ и экипаж были в сговоре, знали обо всем заранее, устроили бойню правозащитников". Какие же они правозащитники? На суде им сказали: "Вы же все дети высокопоставленных родителей. Взяли бы туристические путевки в Турцию и остались там, попросили политического убежища".

Знаете, что они ответили: "Если бы мы таким путем сбежали в Турцию, нас бы приняли за простых эмигрантов. Вот Бразаускасы улетели с шумом, со стрельбой, Надю Курченко убили, так их там в почетные академики приняли".

Сколько было угонов в разных странах, повсюду бандиты сначала предъявляют свои требования, один из членов экипажа выходит из кабины на переговоры. А наши? Пять пуль в лицо Шабартяну, три пули в спину Плотко, рукоятками пистолетов по голове бортпроводницам.

Мне говорят, выполнил бы их требования, отвез в Турцию, и жертв не было бы. Зачем, мол, Гасоян и я стреляли? Ко мне в дом врываются бандиты, убивают моих близких, а я должен молча смотреть, начинать "переговоры". Чедия пытался начать переговоры - они его тут же убили.

Один из них сказал на следствии, что Шабартяна они в ногу ранили, а экипаж его пристрелил. Какие сволочи! У них погиб один, другой сам застрелился, а наших пятерых положили. Ужасно.

Суд был закрытым, а жаль. Пусть бы народ все увидел и услышал. А то, мол, Героев дали еще до окончания следствия, подозрительно. При чем тут следствие? Нас, что ли, судили?

Комиссию назначили по расследованию этого дела. Говорят о "невинно убиенных детях". Хороши "детки": столько перестреляли, инвалидами сделали. Нет, наша совесть чиста. Мы защищали жизнь пассажиров.

Надо ли добавлять что-либо к сказанному?..

Особая папка КГБ. Совершенно секретно. Экз. ед.

"20 сентября 1986 года в 3.40 по местному времени дежурному по КГБ Башкирской АССР поступил доклад о том, что двое военнослужащих срочной службы, вооруженные ручным пулеметом и автоматом с большим запасом боеприпасов, захватив такси, направились в сторону аэропорта. Не доехав до аэропорта около километра, они скрылись в прилегающих к дороге лесопосадках.

Как было выяснено, в ночь на 20 сентября трое военнослужащих в/ч 6520 внутренних войск МВД СССР Н. Р. Мацнев, А. Б. Коновал, С. В. Ягмурджи, находившиеся в наряде, самовольно покинули часть, похитили ручной пулемет и автомат Калашникова, снайперскую винтовку Драгунова и 220 патронов к ним.

В пути преступники заметили идущую за ними патрульную машину милиции и решили, что их преследуют. Они остановили такси и открыли огонь по патрульной машине, убив при этом двух сотрудников милиции - сержанта Зульфира Ахтямова и младшего сержанта Айрата Галеева.

Один из преступников, вооруженный снайперской винтовкой, скрылся. Двое других продолжали движение в такси в аэропорт.

По получении информации, по сигналу тревоги были подняты сотрудники, участвующие в мероприятиях по плану операции "Набат".

В 4.40 преступники ворвались в производивший посадку самолет Ту-134 А, следовавший по маршруту Львов-Киев-Уфа-Нижневартовск. На борту самолета находился экипаж - 5 человек и 76 пассажиров."

Младший сержант Николай Мацнев до армии учился в архангельской мореходке и слыл среди товарищей человеком бывалым. Еще бы, просоленный штормовыми ветрами морской волк! Николай, конечно, не признавался, что в плаванье выходил всего несколько раз, да и то учебное, у морских берегов. Рассказывал товарищам по роте заманчивые сказки о богатых странах, красивой жизни. Он, конечно, знал: работа на судне тяжела и далека от красивой жизни. Близился "дембель", возвращаться в Архангельск не хотелось, не тянуло "морского волка" заново драить палубу, потеть в машинном отделении. Хотелось чего-то другого...

Выход, казалось бы, подсказала сама жизнь. Их взвод был назначен в так называемую "нештатку" - нештатную группу захвата и освобождения самолета от террористов. Они изучали типы самолетов, которые садились в Уфе - от АН-12 до Ту-134, их устройство, расположение салонов, выходы и входы, люки, лючки и многое другое. В иное время Мацнев попросту плюнул бы на плакаты, карты, схемы, которыми был увешан их учебный класс, но только не теперь. На удивление дружкам Николай зубрил "летные уроки", словно собирался сменить морские просторы на воздушный океан.

Еще "веселее" стало, когда выехали в аэропорт для практических занятий на самолете. Их учили очень нужным приемам: проникновению в самолет, использованию спецсредств при борьбе с террористами.

Через несколько месяцев упорных тренировок Мацнев откроет близким друзьям, готовым идти за ним в огонь и в воду, свой "гениальный" план. Поскольку самолет они теперь знают как свои пять пальцев, смогут захватить его, заблокировать группу захвата, да еще для обороны возьмут не какой-нибудь дедовский обрез, а современное стрелковое оружие, - успех им обеспечен. Ну а там отлет за рубеж - и здравствуй, красивая жизнь!

Осталось проработать план: продумать пути бегства из подразделения, захватить оружие, узнать расписание движения самолетов, на очередной тренировке поинтересоваться у работников аэропорта, охраняются ли воздушные лайнеры.

Кто-то предложил взять из парка бронетранспортер: быстроходная машина, и на случай погони - это тебе не "Жигули". Дал пару очередей из крупнокалиберного пулемета, сразу отпадет охота догонять. На том и порешили.

В преступную группу под руководством младшего сержанта Николая Мацнева вошли рядовые Александр Коновал, Сергей Ягмурджи и Игорь Федоткин.

С 19-го на 20 сентября все вместе заступили в наряд по роте. У Мацнева ключи от оружейной комнаты. Он вскрывает "оружейку" и забирает ручной пулемет, автомат, снайперскую винтовку, боеприпасы к ним. Через окно столовой солдаты покидают расположение части, на улице останавливают такси. В затылок водителя упирается ствол автомата: "Гони, быстро!.." Указывают адрес. За городом, в одном из караулов стоит Игорь Федоткин, который должен вывести из парка бронетранспортер.

Проскочили ночными улицами Уфы, выехали за город. В поселке Затон приказали остановиться, почему-то решили сменить машину.

Ждать пришлось недолго. За поворотом мелькнули фары автомобиля. Но что это? Покачиваясь на ухабах дороги, навстречу им мчал милицейский УАЗ. Их выследили! Мацнев вскинул автомат. Очередь... И желто-голубой автомобиль кувыркнулся с обочины. Коновал испуганно прижал к себе винтовку и прыгнул в кусты.

- Сука, предатель, - прошипел Мацнев, но Ягмурджи упрямо тянул его за рукав.

- Некогда, Коля! Хрен с ним...

Они упали на заднее сиденье такси, Ягмурджи прокричал:

- Хочешь жить, шеф, жми, что есть мочи.

Было уже не до Федоткина. В ту ночь он так и не дожидается своих сообщников. Машина мчалась в аэропорт.

Не доезжая до аэропорта, беглецы бросили такси на дороге и скрылись в лесопосадках. Пробрались к взлетно-посадочной полосе и залегли в канаве. Ближайшим к ним оказался Ту-134 с бортовым номером 65877.

Самолет Бориспольского авиаотряда принимал пассажиров. Была уже глубокая ночь, дежурная по встрече Людмила Софронова проверяла билеты, бортпроводницы Елена Жуковская и Сусанна Жабинец рассаживали уставших людей. Наконец, все утряслось, пассажиры в салоне, опоздавших не было, и дежурная протянула загрузочную ведомость на подпись второму пилоту Вячеславу Луценко.

И тут под чьими-то тяжелыми шагами загрохотали ступени трапа и Людмила увидела направленный на нее ствол автомата. "Бандиты!" - успела крикнуть она, и Луценко мгновенно втащил ее в кабину, захлопнув дверь.

На крик оглянулась бортпроводница Елена Жуковская, перед ней стоял растрепанный, запыхавшийся парень в солдатской форме.

- Вы почему не в кресле?

- Что-о! - заорал тот. - Быстро взлетайте, даю двадцать минут. Впереди, у входа в салон, появился другой, в таком же солдатском бушлате, со вскинутым автоматом.

- Хорошо, - сказала Лена, - успокойтесь. Я сейчас доложу командиру ваши условия.

А условия были таковы: взлетать и следовать в Пакистан. Лена еще не раз ходила к пилотам и возвращалась назад - передавала, уточняла, разъясняла. Наземные службы после шока приходили в себя, тянули время.

Прошло двадцать минут. Мацнев нервничал. Он схватил Сусанну за шиворот, приставил к затылку автомат и громко стал отсчитывать секунды. "Один... два... три..."

- Лена, - прохрипела, задыхаясь, Сусанна, - он меня убьет! Жуковская бросилась к кабине, забарабанила в дверь. В это время в салоне прозвучал выстрел. Лена похолодела: убил!

Но Сусанна была жива, стрелял другой бандит - Ягмурджи - и убил пассажира, монтажника управления Запсибнефтегеофизика Александра Ермоленко. Он что-то не так сказал террористу, и тот нажал на спусковой крючок пулемета.

Мацнев оглянулся и, решив, что кто-то из пассажиров убил его напарника, дал очередь по салону. Пули прошли рядом с головой Лены, обожгли плечо женщины, закрывавшей собой ребенка, ранили в живот электрика из управления буровых работ Укрнефть Ярослава Тиханского и вновь поразили Ермоленко.

Лена видела разъяренных бандитов: они готовы расстрелять пассажиров. Надо было что-то срочно делать. Как можно спокойнее она сообщила Мацневу и

Ягмурджи: "Земля" полностью приняла их требования, но взлет невозможен нарушена герметичность машины, им предлагают другой самолет. Террористы не поверили. Дали двенадцать часов на ремонт. Иначе перебьют всех заложников.

Пошли первые минуты двенадцати часов ультиматума.

...Группа "А" совершила посадку утром 20 сентября в уфимском аэропорту. Все, что стало известно еще в полете, потом на земле, не вселяло оптимизма. Придется иметь дело если и не с профессионалами, то уж с полупрофессионалами точно. Им известны пути проникновения в самолет, и они вероятнее всего уже заблокированы. Работать можно только по двум направлениям - с хвоста и из кабины. Но опять-таки это знают и террористы. Они готовы встретить мощным огнем всякого, кто сунется в самолет. Пулемет и автомат - сокрушающее оружие. Ни один бронешит в ту пору не способен был выдержать удар автоматной пули.

Чтобы уничтожить террористов, пришлось бы стрелять в салон, но там находились люди. Стало быть, выход один: поразить бандитов сразу и наповал. В ином случае они могли открыть огонь по пассажирам.

Легко сказать, наповал. Такое предложение скорее из области фантастики. Террористы постоянно передвигаются по самолету. Где они окажутся в тот момент, когда нужно будет открывать огонь? Не ускользнут ли в другой салон, не прикроются ли заложником?

Решение искали в штабе по чрезвычайной ситуации, в группе "Альфа", пилоты самолета и две хрупкие девушки - бортпроводницы.

Это они уговорили террористов разрешить вынести убитого Ермоленко. Потом выпустить раненых. Потом - четырех женщин с детьми.

Тянулись часы. Устали пассажиры. Устали бандиты - Ягмурджи впадал в оцепенение. Мацнев, наоборот, начинал метаться по самолету, как затравленный зверь, матерился, кричал. Девушки мучительно искали выход.

- Знаешь что, - Лена Жуковская подсела к Мацневу. - Есть один вариант...

- Какой еще вариант? - недовольно пробурчал бандит.

- Чтобы быстрее взлететь, надо улучшить центровку.

- Ну и что?

- Убрать лишних пассажиров. Тебе не все ли равно, двадцать их или семьдесят?

- Оно, конечно, меньше мышей - меньше писку. Лена уже собиралась вскочить, но он опустил свою ладонь на ее плечо.

- Не спеши. Надо подумать...

Думал долго. Смотрел в иллюминатор, потом зачем-то мерил шагами самолет, наконец, согласился:

- Ладно, давай...

Лена шла по проходу между креслами. Теперь от ее решения зависела судьба этих людей. Останутся ли они вновь под дулами автоматов или через минуту вздохнут облегченно.

Сколько будет жить бортпроводница Лена Жуковская на свете, столько будет помнить эти глаза. Хотелось забрать всех, но двадцать пассажиров предстояло оставить.

Выбирала тех, кто был на самом надломе, в нервном возбуждении, которое грозило взрывом, кто выглядел больным и особенно уставшим. А остальные? Что станет с ними? Она отводила глаза.

Лене удалось выпустить сорок шесть заложников, когда Мацнев остановил ее окриком и ткнул автоматом в бок, отгоняя от дверей.

..."Альфа" отработывала вариант за вариантом. И отбрасывала. Ни один из них не годился. Группа захвата уже дежурила в кабине лайнера, снайперы припали к окулярам оптических прицелов и докладывали о перемещениях террористов внутри самолета. Готовность - высшая, но возможность действовать нулевая.

И все-таки забрезжил света конце тоннеля. На соседнем самолете, стоящем невдалеке, бойцы "Альфы" отработывали новый, не применяемый никогда прежде, даже на тренировках, вариант.

Сняв каски, бронежилеты и, оставшись, считай, в нательном белье, без оружия, репетировали скоростной штурм самолета. Оставив своих ребят в роли заложников, группа захвата врвалась в салон.

Да, действительно, налегке можно сделать несколько бесшумных шагов и даже нанести неожиданный удар. И все-таки риск был огромен.

Где в этот момент окажутся террористы? Будут ли стоять, сидеть? Удастся ли разглядеть их среди пассажиров, застать в расслабленном состоянии? А если наоборот? Нападавшим, безоружным, не защищенным ничем парням грозила смерть.

Тем не менее, этот вариант был принят. Опасный, но единственно возможный. Да, жертвовать собой ради спасения заложников стало жизненным правилом каждого бойца группы.

Но вскоре события получили самое неожиданное развитие: Мацнев и Ягмурджи потребовали наркотиков. Оказывается, еще на "гражданке", а потом и на службе, в роте, они покуривали запретную травку. "Можно организовать!" - согласилась Лена.

- Значит, так, - с видом знатока сказал Мацнев, - передай, пусть готовят двадцать ампул, иглы, ну и все остальное - спирт, жгут, вату... И еще гитару. Серега классно поет.

Лена бросилась к кабине пилотов, но Мацнев ее остановил:

- Скажи, чтоб ампулы и гитару принес наш ротный, другого к самолету не подпустим...

"Земля" прислала ампулы. Вместе с наркотиками дали сильнодействующее снотворное. Ягмурджи, выпив три ампулы, скис на глазах. Мацнев к наркотикам не притронулся, но, поглядев на спящего, тоже присел рядом, прикемарил.

Убедившись, что оба уснули, Лена предложила пассажирам обезоружить преступников. Однако никто на такой шаг не решился. Тогда она сама осторожно сняла с колен Ягмурджи пулемет. Надо отдать должное мужеству Лены, но, забрав пулемет, она подвергла себя страшной опасности, по существу, подписала себе смертный приговор. Очнувшись, террористы просто убили бы ее. И это действительно чуть не стоило ей жизни.

Уснув, Ягмурджи свалился с кресла, при этом разбудил Мацнева. Тот вскочил, еще секунда-другая, и он бы вспомнил о пулемете. Но Лена нашлась, схватив ампулы, протянула их Мацневу:

- Смотри, он и тебе оставил!

Мацнев обрадовался. Сусанна подсунула чашку. Он слил все ампулы вместе и залпом выпил. Дико застонал, закружился по салону. Пока не опомнился, Лена вцепилась в него: "Коля, Коленька, выпусти пассажиров, ты же обещал..."

"Черт его знает, обещал - не обещал", - отмахнулся он от Лены, как от назойливой мухи: "Подгоняй трап и к ядрене-фене, пока я добрый!"

Подогнали трап. Выбежали пассажиры, следом бортпроводницы. Дверь захлопнулась. И тут Мацнев очнулся: где пулемет? Стал трясти Ягмурджи. Но тот ничего не помнил.

В ярости они колотили прикладом автомата в дверь пилотской кабины, орали, матерились, обещали перебить всех. А ведь если бы исполнили свое обещание, дали очередь по кабине, крови было бы много. Слава Богу, выстрелов не прозвучало.

"Альфе" же предстояло решить, что делать с террористами. Они по-прежнему вооружены, опасны, на совести Мацнева и Ягмурджи убийства, ранения заложников. И как бы это жестоко ни звучало, их могла остановить только пуля. Но в данной ситуации на применение оружия должен дать добро... прокурор. Однако он долго не мог принять решение.

Затяжка грозила смертью всем, кто находился в кабине - и пилотам, и группе захвата. Не было сомнения, что окончательно придя в себя, преступники откроют стрельбу по кабине.

Прокурор по-прежнему вилял, а потом принял "соломоново решение": брать живыми, но если применяют оружие, уничтожить. "Альфа" резонно возразила, что у террористов не берданка, а автомат Калашникова. Это значит: они должны уложить кого-нибудь из группы и тогда только можно открывать огонь. Получается, трупов пока мало. Уже известно, что умер раненный в живот пассажир. Опять молчание штаба. Опять прокурор думает. Наконец, решение есть.

Группа захвата открывает дверь пилотской кабины. Мацнев сидит с автоматом на коленях. Он еще успевает сделать несколько выстрелов в атакующих, но ответная очередь бросает его навзничь. Ягмурджи пытается схватить выпавший из рук сообщника автомат, но ему не дают этого сделать. Мацнев убит наповал, Ягмурджи ранен. Поединок окончен.

Бортпроводниц Елену Жуковскую и Сусанну Жабинец наградили орденами Красного Знамени. Но главная награда, как до сих пор считает Лена, - ее ребенок. Когда все это случилось, она была беременна.

Невероятно, но факт: против бойца "Альфы", применившего оружие, возбудили уголовное дело. Но, к счастью, в ходе следствия было доказано, что сотрудник действовал в соответствии с законом. Ибо он сам воплощал в себе закон, а террористы стояли вне закона. Ягмурджи не признал свою вину и не раскаялся. Просто сожалел, что не до конца продумал террористическую акцию. Что же касается людей, которые погибли от его руки, о них он не думал вовсе.

О бандитском захвате автобуса с детьми в Орджоникидзе 1 декабря 1988 года, о том, как освобождали ребятишек наша пресса писала много. Операция прошла успешно. Израиль выдал преступников. Сотрудники КГБ, экипаж самолета проявили мужество и были по достоинству награждены. Высокие награды в Кремле вручали первые лица государства: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета М. С. Горбачев и его первый заместитель А. И. Лукьянов.

Смелая учительница Наталья Ефимова, которая более суток находилась вместе с детьми под боевыми стволами террористов, была удостоена ордена "За личное мужество" N 1.

На экраны страны вышло два фильма: документальный - "Заложники из 4-го "Г" и художественный - "Взбесившийся автобус".

Кажется, в этой истории нет белых пятен, все ясно и понятно, расписано и снято по минутам. АН нет. Через три года в "Досье" "Литературной газеты" появляется статья "Международный терроризм - кто "за"? Автор ее - достаточно известный журналист Игорь Беляев, в некотором роде даже "специалист по терроризму". К

этой теме он обращался неоднократно. Тем удивительнее было прочесть его откровение.

"Помните декабрь 1988 года? - спрашивает Беляев. - Да, когда террористы захватили автобус с ребятами во Владикавказе (на момент захвата г. Орджоникидзе) и выпустили их и учительницу только тогда, когда получили в свое распоряжение огромные деньги (3,5 миллиона американских долларов) и самолет для отлета в Израиль. И там они были схвачены и выданы советским представителям.

Так вот, все то, что связано с реагированием на этот террористический акт, как мне известно, формировалось уже в ходе самих событий, что было явно ненормальным. И когда представители "Аэрофлота", уполномоченные соответствующих компетентных органов делали максимум возможного, чтобы нейтрализовать террористов, то многое ведь базировалось на их интуиции, а не на профессионализме и опыте".

Странно, не правда ли? Автор прекрасно знает, что удалось освободить всех до единого заложников - 30 детей, учительницу и водителя автобуса. И террористы не мальчики - матерые преступники, готовились долго и тщательно. Как признавался сам главарь банды, они перечитали десятки публикаций, просмотрели не один зарубежный фильм о нападениях на самолеты и выбрали самый бесчеловечный и изощренный способ - захват детей.

Кстати, детей и учительницу они отдали раньше, чем получили деньги, на которых автор статьи заостряет внимание. Да и не деньги определили исход борьбы, а оружие. Впервые в мировой практике его вручили бандитам. Но даже после этого удалось переиграть террористов.

И все благодаря интуиции? Ни опыта тебе, ни знаний, ни профессионализма. "Формировались в ходе самих событий", "базировались на интуиции" и поди ж ты, сумели выиграть труднейший бой с хитрыми, жестокими бандитами. Вот так любители!

Не думаю, что автор статьи столь наивен и не может отличить работу профессионалов от любительских упражнений. Но тогда в чем же дело? Видимо, даже многочисленные публикации, фильмы по причинам ли секретности или по каким-то другим обстоятельствам не смогли по-настоящему раскрыть деятельность профессионалов. Их сложная психологическая борьба за жизни заложников прошла как бы мимо повествования.

Хотелось бы восполнить этот пробел. Ведь захват автобуса с детьми в Орджоникидзе и их освобождение - без сомнения, одна из сложнейших операций такого рода, проведенных когда-либо в мире. И мы должны знать о ней все.

2 декабря 1988 года. 3.10. Аэропорт Минеральные Воды. Пять минут назад полковник Геннадий Зайцев начал переговоры по рации с главарем вооруженной банды, захватившей автобус с детьми, Павлом Якшиянцем. Главное, что

волновало штаб по чрезвычайному происшествию, - состояние детей. С этого и начал полковник.

Зайцев: Алло, Павел, ты слышишь меня?

Якшиянц: Не беспокойтесь.

Зайцев: Павел, учительницу можешь пригласить?

Якшиянц: Пожалуйста. - Обращается к учительнице: - С тобой будут разговаривать. Говори, что хочешь.

Учительница: Здравствуйте, говорит учительница Наталья Владимировна.

Зайцев: Очень приятно, Наталья Владимировна. Я - Геннадий Николаевич.

Учительница: Вы не скажете, когда нас отсюда выпустят? Зайцев: Наталья Владимировна, я обращаюсь к вам как к главной защитнице детей. Как они чувствуют себя?

Учительница: Дети сейчас спят. Конечно, все хотят домой. Проснутся, опять начнут плакать.

Зайцев: Нужно ли кому-то из детей оказать медицинскую помощь? Или иную помощь, по вашему мнению?

Учительница: Нет. Они чувствуют себя хорошо. Помощи медицинской не надо. Только есть хотят и домой бы поскорее.

Зайцев: Я очень прошу вас: держитесь изо всех сил. Что бы ни произошло, знайте - все о вас беспокоятся. Подчеркиваю, вашей жизни, если все пойдет нормально, ничто не угрожает.'

...Ах, дети, дети. Просто представить трудно, что родился, ходит по земле человек, который пошел на такое чудовищное преступление - в заложники взял детей.

Что знал полковник, что знали в штабе на этот час о главаре банды? К их прилету в Минводы местные комитетчики уже получили кое-какую информацию.

Павел Якшиянц, 38 лет, уроженец Ташкента. Работал водителем в Орджоникидзе. Трижды судим. Хитер, изощрен, жесток.

Н-да... Десять с лишним лет руководил Зайцев группой "А", всякого навиделся, но такое - держать под ружьем автобус с одиннадцати-двенадцатилетними детишками - встречает впервые.

Он сам отец и дед. Представляет сейчас испуганные глазенки мальчишек и девчонок. Эх, кабы не дети, "Альфе" на все про все хватило бы считанных секунд, и лежать бы сволочам мордой на грязном полу.

Но нет, он должен быть спокоен и мудр. Ему вести дуэль с главарем бандитов.

Якшиянц: Мы поступили очень грубо, сапогами в морду, можно сказать. Но мы себя оправдаем. В дальнейшем я вам говорю: одна секунда, как вы сделали добро, вторая секунда будет наше добро. Не принимайте нас за дуралеев. Я интересовался всеми этими акциями, и по-моему, неплохо продумал операцию.

Зайцев: Павел, готовы удовлетворить все ваши требования. Но нами руководит беспокойство за детей. Могли бы вы тоже ответить гуманностью и освободить детей?

Якшиянц: Да, освободим детей. Но только в случае, если руководитель государства официально объявит во всеуслышание и подпишет документы о нашем беспрепятственном выезде... Зайцев: Куда вы хотите вылететь?

Якшиянц: В любое иностранное государство, которое нас не выдаст. Уверены в лояльности Пакистана, Израиля, ЮАР.

Заместитель председателя КГБ генерал Пономарев выжидающе смотрел на Зайцева. Полковник опустил микрофон.

- Пакистан...

- Добро, - ответил Пономарев и направился в противоположный конец комнаты, в которой располагался штаб, к телефону правительственной связи.

2 декабря 1988 года. 0.45. Москва. Аэропорт Шереметьево. Экипаж Александра Божкова готовится к полету в Дели. Они недавно вернулись оттуда, увозили после гастролей цирк. Веселые пассажиры попались: медведи, лошади, орлы. В полете вели себя смирно, только орлы все помахивали крыльями, беспокоились.

Однако очередной рейс в Индию был неожиданно отменен. Самолет полетел в Минеральные Воды. Когда приземлились, поразило безлюдье в аэропорту. Пока выруливали на дальнюю стоянку, "Земля" ввела в обстановку. У трапа их встречал сотрудник КГБ, рассказал подробнее о случившемся, уточнил: "Дело добровольное. Кто чувствует себя неуверенно, может отказаться". Ни один из пилотов не дрогнул. С этой минуты они уже знали: им лететь за границу по требованию террористов, им быть заложниками.

Зайцев нажал тангенту микрофона: "Мы готовы предоставить вам возможность вылететь в Пакистан. Как вы относитесь к этому?"

Якшиянц: Хорошо. Значит, куда мы улетим отсюда?

Зайцев: Самолет без дозаправки дотянуть до Пакистана не сможет. Поэтому требуется промежуточная посадка в Ташкенте. Именно Ташкент ближе всего к Пакистану. Поняли меня?

Якшиянц: Душанбе вас не устраивает?

Зайцев: Душанбе ближе к нам и дальше от пакистанской границы.

Якшиянц: Там разве нет прямой границы с Советским Союзом?

Зайцев: Нет. Да и Ташкент географически ближе к Пакистану.

2 декабря 1988 года. 1.20 московского времени. Совпосольства в Исламабаде, Кабуле, генконсульство СССР в Карачи.

Советские полномочные представители в Афганистане и Пакистане получили срочное сообщение о захвате детей в Минеральных Водах, о требованиях террористов предоставить им самолет до Пакистана.

Несмотря на глубокую ночь, послы СССР настойчиво выходили на связь с местными властями.

2 декабря 1988 года. 1.25 московского времени. Аэропорт Минеральные Воды.

Произвел взлет самолет, следующий рейсом по маршруту Минводы-Ташкент с 15 сотрудниками антитеррористической группы "Альфа" на борту. Возглавил группу Сергей Гончаров.

Вскоре в штаб пришло сообщение: Ташкент готов принять террористов. Однако к тому часу бандиты уже изменили свое решение.

Якшиянц: Значит, я вам говорю: иностранный самолет из Пакистана прилетает в Ташкент. Что мы делаем? Грузимся в самолет. Там присутствует посол этого государства. Вы подписываете с нами договор, что не применяете силу, мы детей оставляем и летим.

Зайцев: Хочу пояснить: вопрос весьма сложный. Сейчас ночь. Посла Пакистана требуется из Москвы доставить в Ташкент. Значит, надо провести переговоры на самом высоком уровне.

Якшиянц: Непонятно мне, разве посол Пакистана не может сразу вылететь?

Зайцев: Может. Но, подчеркиваю, он находится в Москве. Его надо найти, поднять, обеспечить вылет...

Якшиянц: Вы меня не поняли, что ли? Я спрашиваю: посол или временный поверенный?

Зайцев: Полномочный представитель Пакистана в Советском Союзе. Его резиденция в Москве.

Якшиянц: Как, вы поддерживаете дипломатические отношения с государством, которое с нами воюет?

Зайцев: Что вы имеете в виду?

Якшиянц: С территории Пакистана уничтожаются наши парни. Там базы. Ну, если у вас пакистанский посол, нам Пакистан не нужен. С этим послом можно о чем угодно договориться. Да-а, значит, они тоже засранцы приличные, простите за выражение. Наших бьют, а сами в Москве сидят. Ладно. Как насчет Израиля?

Зайцев: У нас с Израилем нет дипломатических отношений. Павел, а если Финляндия, вас устроит?

Якшиянц: Я даже улыбнулся Финляндия! Боже мой! Это ж наши шлепанцы в Балтике. Летим только в Израиль!

Участники операции по освобождению заложников в Минводах во главе с командиром "Альфы" Г. Зайцевым.

2 декабря 1988 года. 2.47 московского времени. Тель-Авив. Консульская группа Советского Союза.

Руководитель консульской группы Г. И. Мартиросов был поднят с постели ночным телефонным звонком из Москвы. Сообщив о происшествии, его предупредили, что самолет скорее всего направится в Израиль.

Заместитель министра иностранных дел СССР попросил выйти на руководство страны. Он намеренно воспользовался открытой связью в надежде, что Тель-Авив "услышит" беседу МИДа со своим посланником и как-то отреагирует. Так, по существу, и случилось.

Через час после разговора с Москвой Мартиросову позвонил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Анут и дал понять, что им известно о захвате самолета.

Израильяне практически сразу выразили согласие принять самолет. А в Минводах продолжалась борьба. Теперь бандиты требовали денег.

Зайцев: Вы уже несколько раз говорили о деньгах. Что вы имеете в виду, какие деньги?

Якшиянц: Нам нужны доллары, стерлинги...

Зайцев: О какой сумме идет речь?

Якшиянц: Ну тысяч по пятьсот на брата.

Зайцев: А сколько вас братьев? Сколько человек? Вы слышите меня, вы не ответили.

Якшиянц: Я сказал еще в Орджоникидзе - нам нужно миллион в долларах, миллион в фунтах стерлингов и миллион золотом. Золотом с пробами. Мы все это проверим.

Зайцев: Миллион золотом и миллион фунтов стерлингов. Я вас правильно понял?

Якшиянц: И миллион долларов. И золотом. Русским золотом. Самым дешевым и самым дорогим.

Зайцев: Я вас так понял: либо миллион долларов, либо миллион фунтов стерлингов, либо миллион золотом?

Якшиянц: Совершенно вы меня не поняли. Все три в одно место. Может быть, вы скажете: "Дадим вам три - золотом?" Пожалуйста.

Зайцев: Павел, я откровенно говорю, что у нас такой возможности нет. Речь может идти о долларах.

Якшиянц: А почему золота нет, русского золота?

Зайцев: Павел, у нас золота с собой нет.

Якшиянц: Как так? В Советском Союзе золота нет, что ли? Я удивляюсь. Неужели вам жалко денег. Просто туда с миллионом неудобно ехать. Столько морд! Не успеешь оглянуться, как опять будешь в заднице.

Зайцев: Я еще раз обращаюсь к вам. Вы обсудите этот вопрос с товарищами. Мы можем дать только доллары.

Якшиянц: Три миллиона?

Зайцев: Нет, два...

Якшиянц: На каких условиях?

Зайцев: Условие одно: вы освобождаете детей, мы передаем два миллиона и обеспечиваем вылет.

В это время в комнате штаба полковник Зайцев увидел сотрудника группы "Альфа" Валерия Бочкова, окликнул:

- Как с деньгами, Валерий Александрович?

- Все нормально, Геннадий Николаевич, деньги уже в Минводах. А было так: сотрудники 4-го управления КГБ, приехав во Внешторгбанк, выгребли из сейфов все, что было в наличности. Работники банка только руками развели: с чем работать завтра? Сотрудники безопасности промолчали. Только один, увязывая мешок с валютой, угрюмо сказал: "До завтра еще дожить надо..."

В ту ночь каждый из них думал о своем: банкиры о деньгах, уплывающих неизвестно куда, сотрудники безопасности - о детях, в сердце которых направлен бандитский обрез. ...Самолет с мешками денег улетел в Минводы. Теперь, когда с будущей безбедной жизнью все было решено, террористы потребовали новых гарантий. Гарантий безопасного вылета в Израиль. Как только не изощрялись бандиты, чего только не придумывали. Их требования, даже самые безумные, пытались удовлетворить. Повторим: никто не имел права рисковать детьми.

Позже выяснилось, что бандиты продумали даже мелочи: окна автобуса наглухо зашторили, в салоне расставили банки с бензином. Одна искра, и гибель тридцати детей неминуема. Арестовать преступников ценой тридцати жизней?

Якшиянц: Значит, я вам говорю: сюда к нам - члена Политбюро, но не того, который должен выйти на пенсию, а цветущего. Личность мировую, известную. И

гарантии от нашего Президента. Пусть даст железные гарантии, а его жена Раиса Максимовна пусть едет с нами. Если она детей любит.

Зайцев: То, что вы предлагаете, нереально.

Якшиянц: Раиса Максимовна - не государственный человек, она мать. Почему же на это нельзя пойти? Знаю, с ней меня и за два миллиона никто не уничтожит.

Зайцев: Вас и без нее никто не собирается уничтожать. Но ваше требование невыполнимо.

Якшиянц: Думаете? Но другого выхода не вижу. Это, может, моя фантазия, но если бы я был Первый, посоветовал бы: "Знаешь, жинка, давай-ка съезди с хлопцами". Считаю, что Крупская бы поехала. Сказала бы: "Я вам как бабушка, меня возьмите, а детишек отдайте".

Зайцев: Павел, вы прекрасно видите - рядом стоит самолет, работают двигатели, он полностью готов к вылету. Так летите! При чем тут Раиса Максимовна?

Трудно сказать, были ли эти требования доложены Президенту. Говорят, Горбачев знал о них. Во всяком случае, секретарь ЦК Егор Лигачев, в ту пору второй человек в государстве, несколько раз звонил в штаб ЧП в Минводах.

А главарь уже требовал вернуть в автобус жену и дочь. Дело в том, что при захвате автобуса вместе с террористами находилась и жена Якшиянца Тамара Фотаки с дочерью. По дороге в Минеральные Воды она упросила мужа выпустить их. Тот согласился. Теперь счел необходимым возвратить обеих обратно.

Якшиянц: У нас все идет отлично, я не жалуюсь. Единственно, у меня была минута слабости, когда жену с ребенком выпустил. Она мне сказала: "Павел, нас всех уничтожат! Пожалей ребенка". Действительно, я посмотрел, у нас такая зарядка техбензином, непременно сгорим - и выпустил.

Теперь передумал и говорю: подготовьте их к возвращению. Это будет одно из требований. Они должны вернуться в автобус. Вот

так - Тамару Михайловну и дочь. Она не против, просто не верит, что все пройдет благополучно. Зайцев: Я понял.

Но Фотаки возвращаться наотрез отказалась. Ее уговаривали заместитель председателя КГБ генерал Пономарев, полковник Зайцев, местные партийные работники. Просили как женщину, как мать. Тамара Михайловна боялась.

После проведенной оперативной работы стали известны имена сообщников Якшиянца.

В. Муравлев, 26 лет. Шофер, электрик. Последние месяцы нигде не работал. Дважды судим.

Г. Вишняков, 22 года. Работал в автобусном парке, потом на заводе...

Однако пока никто не знал: трое их, четверо или пятеро? Главарь банды говорил о семерых сообщниках, но хотел получить восемь бронежилетов. И вот впервые прозвучало грозное требование выдать оружие. Требование - одно из самых опасных и тупиковых. В мировой практике не было случаев выдачи оружия террористам. В отечественной тоже.

Что означал бы такой шаг? По существу, самоубийство. Все понимали: каждая пуля бандитов - пуля, летящая в грудь людей из "Альфы".

А Якшиянц требовал семь автоматов.

Зайцев: Еще раз прошу повторить. Как я понял, мы должны дать вам восемь бронежилетов. Так или нет?

Якшиянц: Да, так. И еще семь автоматов. Их работоспособность мы проверяем, заряжены ли они боевыми, чтобы не было подлога. Это наша полная гарантия. Плюс Тамара с ребенком.

Зайцев: Для чего вам нужны автоматы?

Якшиянц: Вы должны точно гарантировать, что по прилету на место один из нас выйдет в город, проверит, действительно ли это та страна. Потом автоматы сдаем.

Зайцев: По существующим международным нормам ввозить в другую страну оружие запрещено законом.

В это время, чтобы увести Якшиянца от мысли об оружии, Зайцев предлагает в качестве заложников вместо детей экипаж самолета. Бандит не верит, он считает, что в форме летчиков перед ним предстанут работники спецслужб.

Зайцев: Взамен детей мы даем гарантии правительства и экипаж.

Якшиянц: Экипаж - это первоклассные бойцы, они согласны пожертвовать собой, чтобы выполнить долг перед Родиной. Это я понимаю. Вы должны применить все, чтобы не выпустить нас. Я не верю, что вы просто так отпускаете. Такого не было. Не было никогда.

Зайцев: Да, не было. А сейчас впервые проблема решается таким образом. Я подчеркиваю еще раз, ваши требования удовлетворены на самом высоком правительственном уровне.

Когда читаешь магнитофонную запись переговоров, порою кажется, что там, в автобусе, находится благоразумный человек, со своими мыслями, чувствами. Он не лишен сострадания, то и дело говорит, что ему жаль детей, пытается философствовать о добре и зле. Даже шутит! Но вот лишь один непредвиденный случай - в радиостанции террористов село питание. Штаб послал к автобусу женщину, работника аэропорта, с новыми батареями.

Ну а кого же послать? Мужчину? Бандиты могут решиться на отчаянный шаг. Увидев в окно женщину, Якшиянц пригрозил: "Если еще кто-нибудь подойдет, как эта женщина, без предупреждения, - уничтожим автобус".

Зайцев: Не было другого выхода. У вас село питание.

Якшиянц: Питание у нас нормальное. Просто вам трудно кнопку нажать.

Полковник Зайцев "нажимал кнопку" и вел переговоры одиннадцать часов без перерыва. Уговаривал, увещевал, лавировал, уходил от вопроса об оружии. Упорно работали местные комитетчики: они выявили сообщников Якшиянца, доставили в аэропорт отца одного из бандитов - Муравлева.

Отец: Володя, доброе утро.

Муравлев: Здравствуй, папа.

Отец: Володя, мне страшно и я плачу. Что ты творишь? Что ты делаешь с детьми? Остановитесь. Не оставляйте Родину, важнее Родины ничего нет! Куда вы катитесь! Подумай о бабушке, о дедушке Саше, подумай. Ты на его земле сейчас. Кого ты бросаешь? Остановись, сынок! Я тебя прошу. С ваших голов ни один волос не упадет. Это гарантии правительства, Горбачева. Если он сказал, кому еще верить в нашем государстве?

Муравлев: Слушай, папа, мы повязаны друг с другом: кто выйдет, тот должен умереть. Такой закон у нас.

Отец: Никто вас умирать не заставляет. Вы должны жить. Вы молоды.

Муравлев: А что, разве плохо для государства валюту заработать? Подумаешь, пройдет каких-то десять лет, и мы эти два миллиона вернем. Ничего не случится.

Отец: Два миллиона захотели? Зачем они вам, эти два миллиона? Честно надо трудиться. У нас в семье копейку зарабатывают трудом. Твой дедушка Ваня трудился, молотком добывал свой хлеб. Сынок, я должен с вами поговорить.

Муравлев: Не надо.

Отец: Ты хотел бы с матерью встретиться, проститься? Если она вас попросит, как сыновей, одуматься и вернуться, согласишься.

Муравлев: Больше нечего сказать?

Отец: Ты не хочешь со мной в последний раз поговорить?

Муравлев: Нет, не надо, тут все против.

Отец: Можешь дать микрофон Павлу? Его Павлом зовут?

Муравлев: Не надо, все это впустую.

Отец: Володя, одумайтесь, там же маленькие дети, я слышу, они плачут.

Муравлев: Кто плачет? Они смеются.

Отец: Володя, ты подумай, если бы такое случилось с твоим двоюродным братом Алешкой, Лехой. Он такой же маленький.

Муравлев: Уже поздно задний ход давать.

Отец: Я с матерью разговаривал. Знаешь ведь, какое у нее здоровье.

Муравлев: Не могу я, не уговаривай.

Отец: Положи ее в гроб тогда, положи в гроб. Мать у нас труженица, тебя любила, лелеяла, обогревала, обмывала, кормила, в детский сад водила. Ты вспомни это, сынок. Давай я подойду. Хочешь или не хочешь, я обязан сказать. Я все-таки отец.

Якшиянц: Не надо мучить парня. Он волнуется. На протяжении двух месяцев каждый из нас обдумывал. В любой момент мог отказаться. В любой момент. Сто раз!

Отец: Павел...

Якшиянц: Для меня не имеет значения, сколько нас человек. Здесь достаточно одного с зажигалкой. Даже если вы заберете всех, со мной вопрос не решите. Если кто будет подходить, я водителю и этой бабе-училке уши или что-нибудь еще отрежу и выброшу прямо в лицо...

Волк показал зубы, почувствовав опасность. А дети который час сидели в душном, пропахшем бензином автобусе. Отец Муравлева взывал к совести бандитов.

Отец: Деньги есть, самолет стоит, но мы, советские люди, обращаемся к вам. Я, как отец Володи, обращаюсь. Подумайте еще раз. Какое кощунство взять детей заложниками. Такого даже варвары не делали.

Якшиянц: С помощью ума, силы, хитрости они хотят добиться результатов. Но мы-то стоим по другую сторону баррикад. Нам надо добиться своего! Мы не грубим, не торопим. А можно события поторопить. Парочка жертв, и события потекут, побегут. И правительство приедет. Боже мой! Это очень много - тридцать человек.

Да, это очень много - тридцать детских душ. Аэропорт был оцеплен солдатами, танки и бронетранспортеры замерли у летного поля, боезапас наготове. Они могли бы стереть с лица земли батальон, а может даже полк противника, но оказались бессильными перед горсткой бандитов. "Альфа" тоже была бессильна. Пока бессильна.

У микрофона другой бандит. Он назвался Германом.

Герман: Вы не приняли наши условия с автоматами и бронежилетами?

Зайцев: Жилеты лежат, восемь штук. Мы готовы передать их в любое время.

Герман: В чем тогда дело? Все предельно просто.

Зайцев: Вы можете принять бронежилеты. Сколько штук требуется?

Герман: восемь бронежилетов и семь автоматов.

Зайцев: Мы ведем речь о бронежилетах.

Герман: И об автоматах тоже. Это входит в наши условия.

Зайцев: Герман, я каждому разъясняю: автоматическое оружие по нормам международного права запрещается ввозить как в Советский Союз, так и в любую другую страну мира. Вы поймите.

Герман: А как это станет известно, что мы ввозим?

Зайцев: После приземления местная полиция сделает досмотр.

Герман: Можно тайник в самолете придумать.

Зайцев: За это ответственность еще больше. Я повторяю, вопрос о вашем вылете решен. Вы требовали деньги - Советское правительство готово выделить их. Вы требовали бронежилеты - мы готовы дать бронежилеты. Но просим в обязательном порядке соблюсти неременное условие: освободить всех детей.

Герман: Это можете рассказать детям четвертого класса. Они поверят.

Зайцев: Что вас не устраивает?

Герман: Нет стопроцентной гарантии. Сказано уже сто раз.

И такой гарантией бандиты считали выдачу оружия. Требования террористов были переданы в Москву. Но что необычного, нового может предложить Москва? Москва молчит.

Штаб бросает в бой последний "резерв".

Зайцев: Павел, с тобой жена хочет поговорить.

Жена: Павлик, доброе утро. Павлуша, родной, послушай. Я только что разговаривала с заместителем председателя КГБ Советского Союза. Гарантии полные. Бог тебе навстречу. Хочешь, оставайся здесь, хочешь уходить уходи. Детей оставляй, и лети. Никто тебе помехой не будет. Павлуша, милый, я здесь одна, ребенок у чужих людей остался. На все иду, только сейчас сделай по уму, не напори глупостей, родной. Оставляйте детей и идите. Деньги вам приготовлены. Горбачев в курсе дела. Он дал свое согласие. Уже там, в твоём любезном Израиле, все договорено. Не упирайся, иди, заклинаю тебя, Павел, я тебе говорю, что с тобой буду. Буду! Но сейчас это не в моих силах. Ребенка на чужих людей не брошу.

Якшиянц: Было бы твоё желание, я бы подождал. Даже своим ходом готов в любое государство ехать, хоть в автобусе. Раису Максимовну они не хотят в заложницы. Боятся. А члена Политбюро? Тоже нет. Нам что, погибать впустую?

Жена: Павлик, я тебя прекрасно понимаю. Для чего вас уничтожать? Это ни к чему. Тут единственная цель: забрать детей. Я же здесь все своими ушами слышу, обстановку знаю. Неужели ты думаешь, я бы тебя на гибель толкала? Павел, поступи благоразумно, по-человечески, как отец. Там же дети, чьи-то дети. Ты представь, если бы это твои дети были. Кошмар! Сколько это длится? Сутки! Вдумайся. Вам все дадут. Уже мешки денег стоят наготове. Забирайте, езжайте. Зачем вам оружие? Вас же самих с ним не пустят никуда. Зачем оно тебе? Вот, пожалуйста, экипаж самолета здесь, все здесь. У меня на глазах! Я же тебе родная душа. У нас же ребенок, Паша! Мы же дитем связаны!

Якшиянц: Зачем врать. Пацаны над нами смеются. Учительница даже говорит: "Нет, ребята, вас постреляют". Шофер это говорит. Люди посторонние, со здравым умом. Скажем, у меня преступный ум, извращенный. Ты сама мне вчера сказала, что нас с детьми уничтожат. Нет, не верю, дайте гарантию.

Жена: Павлуша, если я сейчас приду, ты ко мне выйдешь? Якшиянц: Ты, наверное, будешь говорить за свою судьбу, за нашего ребенка. Не уговоришь. Что тебе нужно? Крест от меня?

Жена: Да дурак же! Какой крест мне от тебя нужен? Что еще сказать, Господи! Хочу объяснить, гарантии вам даны. Эти люди слов на ветер не бросают. Бронежилеты дают, деньги дают. Экипаж не вооружен. Зачем вам оружие? Какой ты упрямый. Это только твоих рук дело, я знаю. Мальчишки там - тьфу! По сравнению с тобой - телята. Это ж твоя рука! От тебя все зависит. Павел, еще раз говорю, креста от тебя не хочу. Знаешь, у меня на свете четыре родных человека: ты, отец, мать и дочь. Так почему, если у меня есть возможность, тебя не спасти? Почему я тебя должна хоронить? Ты жив останешься, будешь с деньгами.

Якшиянц: Я уже все потерял. Я обречен на выезд. А это хуже смерти. Смерть - это мгновение. Но ты сама подписала приговор. Ни Родину, ни честь я не предаю (!). Мог бы заставить полететь в Пакистан и там бы пошел в формирования, взяв оружие в руки. Но я не пойду туда. Потому что хочу жить для себя и для своей семьи, а не для государства.

Жена: Павлик, я хочу только одного: чтобы ты вернулся домой. Есть такая возможность. Паша, остановись! Еще не поздно. Поверь мне! Нас Элечка дома ждет. Дитя пожалей!

Якшиянц: Ты вышла - и все. Между нами барьер. Не надо из меня делать зверя.

Жена: Мы можем жить по-человечески. Пойти к тебе я не могу, ребенка бросила у знакомых в городе. Ты мне три года назад какое горе сделал ребенка украл! За тобой летела. Куда опять меня втянул? Зачем? Знаешь прекрасно, что я не хотела, против была. Так не делается, надо по-человечески делать.

Якшиянц: Тамара, если ты женщина и мать, ты поймешь матерей этих детей. Вернись, и я отдам детей. Ан нет, о себе думаешь. Теперь о других подумай, пусть тебе тяжело будет, но не убьют же тебя.

Жена: Мой ребенок на улице, понимаешь? Чего ты хочешь? Чересчур много хочешь. Люди все, что могли, предложили. На все твои условия пошли...

Итак, переговоры Якшиянца с женой ничего не дали. Бандит был непреклонен. У этого человека и вправду не осталось ничего святого.

Прошло 16 часов со времени захвата автобуса. Истекал девятый час переговоров.

Якшиянц по-прежнему требовал оружия. Переговоры оказались в тупике.

На связь вышла Москва. Центр давал добро на выдачу оружия террористам. Трудно было поверить в это. Но другого выхода не было.

Зайцев: Мы предлагаем тебе четыре пистолета Макарова.

Якшиянц: Хорошо! С полными обоймами. Пистолеты и по запасной обойме. Мы берем обоймы на выбор, постреляем. Но если будет подвох, пистолеты выбрасываем и диктуем другие условия.

Зайцев: Павел, ты имей в виду сам и предупреди товарищей, четко изложи: с нашей стороны оружие применяться не будет. Но чтобы и с вашей стороны были полные гарантии неприменения.

Якшиянц: Безусловно. Я еще раз повторяю: безусловно. Вы нам для самолета предоставьте один автомат. Будем выходить, автомат прикрываться. Когда половина экипажа будет в самолете, автомат оставим на полосе.

Зайцев: Один автомат Калашникова. Мы удовлетворили ваши требования. Наши требования прежние: все дети, учительница и шофер должны быть освобождены.

Якшиянц: Да, конечно. Теперь об экипаже самолета. Пусть они выйдут в рубашках, чтобы было видно: никакого сверхсекретного оружия при них нет.

Зайцев: Еще один вопрос. Надо сообщить ваши данные. Вы же летите за границу. Фамилии, имя, отчество, год рождения, место жительства.

Якшиянц: На это я ребят уговорить не могу. У некоторых родители ничего не знают. И они не хотят, чтоб знали.

Зайцев: Скажи хотя бы точное количество людей, чтобы сообщить, сколько человек летит.

Якшиянц: Герман говорить не хочет, Ахат, Гриша - тоже. Они скажут в самолете.

Зайцев: Я понял тебя. Сейчас готовим бронежилеты, оружие. Убедительно прошу: не нервничайте, если что - связь со мной.

Якшиянц: Приносить оружие частями. Передавать в окошко.

Зайцев: Экипаж и специалисты, которые будут готовить машину к вылету, пошли к самолету.

Ну вот и наступил их час. Заместитель начальника шереметьевской эскадрильи Вячеслав Балашов оглядел экипаж.

Командир Александр Божков. Летчик, что надо, и в личном деле запись "первый класс", и в работе - первоклассный пилот. Работал в ледовой разведке, в широковысотных арктических экспедициях, летал в Афганистан.

Второй пилот - Александр Гончаров. Сибиряк, красноярец. Молчун, слова не вытянешь, надежен в полете и на земле. Пилотировал "Аннушку", Як-40, Ил-86.

Штурман Сергей Грибалев. Работал штурманом вертолетного отряда в Тюменской области. Летал на "точки" - к нефтяникам, геологам, охотникам. Позже облетел всю Европу, Юго-Восточную Азию.

Старший бортиженер авиаотряда Юрий Ермилов. Опытен. Знал еще Ту-114. Попадал в переделки - садился со сломанным шасси, однажды заклинило тягу руля, а за спиной двести пассажиров. Но нашел выход из критической ситуации.

Радист Александр Горлов. Прошел три антарктических экспедиции. Самая сложная - на корабле "Сомов". За тот героический рейс получил орден.

Бортоператор-инструктор Борис Ходусов и его молодой коллега Виктор Алпатов. Борис начинал еще бортпроводником, потом участвовал в первом полете Ил-76 в Антарктиду. Виктор - самый молодой в экипаже. Окончил авиационно-техническое училище, работал в конструкторском бюро. И вот потянуло в небо.

"Что ж, ребята как на подбор", - подумал Балашов и кивнул экипажу: вперед, пилоты! Отступить некуда. Перед выходом на летное поле задержался:

- Только вот что, мужики, разное увидим. Но с бандитами ни-ни, предельная вежливость. От нашей выдержки зависит жизнь детей.

Они шагнули за порог. Поле аэродрома лизал колючий зимний ветер, низкие облака, казалось, зависли над самыми самолетами. Автобус стоял невдалеке. Тихий, мрачный, с зашторенными окнами. Главарь банды вновь вышел на связь со штабом.

Якшиянц: Тамара не думает лететь?

Зайцев: Тамары здесь нет. Она ушла.

Якшиянц: Не хочет?

Зайцев: Павел, сейчас товарищи по одному, какусловились, будут подносить бронежилеты.

Якшиянц: А оружие?

Зайцев: Потом принесут оружие.

Якшиянц: Ждем и наблюдаем.

К первой встрече с бандитами были готовы начальник отдела Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев и сотрудник "Альфы" Валерий Бочков.

Бандиты вновь на связи.

Муравлев: Нам вроде сказали, что кто-то будет идти. Но никого не видно.

Зайцев: Пошел товарищ.

Муравлев: С какой стороны?

Зайцев: Идет к автобусу.

Первым понес бронежилеты Шереметьев. Ни одна шторка не шевельнулась на окнах.словно вымер автобус. Приоткрылась дверь. В темноте салона никого не было видно. Шереметьев приподнял руки: "Вот, мол, принес".

На пороге появился небольшой мужчина - скуластое, заросшее черной щетиной лицо, впалые, с хищным наркотическим блеском глаза.

- Я принес бронежилеты, Павел, освобождай, как обещал, детей. Ядовитая усмешка скривила лицо бандита:

- Я не Павел, я Геннадий.

- Геннадий так Геннадий. Восемь комплектов будут, а пока два. За один раз не утащить.

Муравлев, стоявший сзади Якшиянца, передал тому обрез, спустился с подножки, стал слева, вплотную к Шереметьеву. Подстраховал главаря.

- Пропусти в автобус, - попросил сотрудник КГБ, - надо на детей глянуть.

Важно было и другое: до сих пор неизвестно, сколько бандитов? Просил-то восемь бронежилетов.

Оказывается, темнил. Четверо их всего было. Заглянул Шереметьев в салон, и сердце сжалось от боли: в духоте, в грязи, среди банок с горючим, изнуренные, уставшие, с потухшим взглядом сидели детишки. Но, слава Богу, все живы. Молоденькая учительница полными слез глазами глядела на Шереметьева. Подмигнул ей ободряюще: держись, Наташа.

Потом начался торг. За бронежилет - ребенка.

Следующим пришел Бочков. Бандиты глянули на него, угрюмо кивнули: "Сложи у колес". Чем-то не понравился им Валерий. Комплекцией, что ли. Очень уж могучий мужик.

Снова у автобуса Шереметьев: в одной руке автомат, в другой снаряженный патронами магазин.

Опять очередь Бочкова. Передал Якшиянцу пистолет, тот повертел его, вставил магазин. Вернул Валерию: пробуй. Тот передернул затвор, нажал на спусковой крючок. Выстрела нет. Бандит насторожился: никак подвох? Но Бочков уже понял в чем дело. "Что ж ты магазин толком не дослал?" Прогремел выстрел.

Потом следователь долго будет пытаться Валерия: зачем, мол, стрелял? Затем и стрелял, что нельзя было не стрелять.

Протянул пистолет, заглянул в автобус:

- Слушай, Павел, я свое слово сдержал, оружие принес. Отдай мне девчонок.

Понимал: девочкам труднее, да их всегда и больше в классе. Значит, больше удастся освободить.

- У меня самого в доме две девочки. Не мучай их. Девочки стояли на площадке у дверей. Муравлев прикрывался ими, когда Бочков внизу с Якшиянцем вел переговоры. Не получив ответа, сотрудник группы "А" стал не спеша снимать с площадки детей - одну, другую. Заглянул в салон: есть еще девочки?

Взял четверых, а когда отошли от автобуса на несколько шагов, еще две выпрыгнули. Всего шестеро. Обнял за плечи, повел, а сам шепчет: "Что бы ни случилось, не бойтесь и не бегите. Только не бегите." Вдруг за спиной выстрел. Валерий крепче прижал к себе девочек, скомандовал: "Не бежать!" Хотя у самого внутри все похолодело.

Оказывается, бандиты проверяли автомат, выстрелили вверх, в люк автобуса.

Каждая ходка Бочкова и Шереметьева - вызволенные дети. Двое, четверо, шестеро... всего десять человек. Заложниками оставались одиннадцать мальчишек вместе с учительницей Натальей Ефимовой.

Долго обсуждалась процедура пересадки из автобуса в самолет. Наконец, казалось бы, решение принято...

Зайцев: Павел, я хотел бы уточнить некоторые вопросы. Мы с тобой определились, что дети идут до самолета, становятся в две линейки у трапа и вы в это время поднимаетесь на борт. Так?

Якшиянц: Знаете, что я вам скажу. В дальнейшем вы представьте все это нам делать. Так будет спокойнее. Потому что можно придумать и другие хитрости.

Зайцев: Павел, мы же с тобой договорились основательно. Все, что вы просили, мы сделали, требования выполнили. Ты согласен со мной?

Якшиянц: Я согласен с тем решением, которое я принял.

Зайцев: Павел, мы с тобой так не договаривались.

Якшиянц: Мы договаривались, что дети останутся здесь.

Зайцев: Правильно, будут стоять у входного люка в две шеренги. Так или нет?

Якшиянц: Был такой момент. Но ситуация изменилась...

Зайцев: Павел, давай, раз уж определились, будем держать слово.

Якшиянц: Почему не даете с женой попрощаться по рации?

Зайцев: Ее нет, она уехала домой, к ребенку.

Якшиянц: Понятно...

Зайцев: Павел, как мы все-таки определимся с детьми? Давай оставим вариант, который обговорили?

Якшиянц: Вы считаете, он самый безопасный?

Зайцев: Но мы же договорились, что будем поступать таким образом. Дети выстроятся у самолета, вы пройдете, а дети уйдут к нам.

Якшиянц: Так и будет. Только часть детей останется в автобусе.

Зайцев: Повтори, я тебя не понял.

Якшиянц: Часть детей останется в автобусе.

Бандит обманул. За одиннадцать часов переговоров он не раз клялся в честности, вспоминал Родину, честь, жену, дочь, но обманул нагло и коварно. Вместе с экипажем заложниками вновь оставались дети.

Террористы проводили детей в самолет, прикрываясь ими на случай нападения. В самолет заходили так: сначала летчик, потом ребенок, а уж за ним бандит. Не забыли Шереметьева.

Последним поднялся на борт Муравлев. Произвел салют из обреза в воздух и дико захохотал от радости.

Бандит Герман Вишняков, по-хозяйски оглядев самолет, сказал, что знаком с машиной, в прошлом служил в десанте, прыгал с парашютом.

Еще один, не говоря ни слова, прошел в хвост самолета и занял там боевую позицию.

И тут новое требование Якшиянца: Шереметьев должен остаться в самолете заложником вместо детей.

Зачем это сделали бандиты, остается только гадать, ведь в заложниках у них недостатка не было. Может, ждали, что сорвется офицер КГБ. За время их общения Якшиянц без конца тыкал Шереметьеву в грудь оружием, грубил, дерзил. Но Евгений Григорьевич молча делал свое дело, старался казаться спокойным,

сдержанным, невозмутимым. И на сей раз он только до боли сжал зубы, сказал, мол, сходит в штаб, доложит, и назад с ответом.

Ухмыльнулся бандит:

- Утебя что, шеф, жены нет, детей, родителей? А может, утебя две жизни?

В штабе, услышав об этом, дали прямой провод на Москву, на комитет. Оттуда передали: в данном случае приказать не могут. Что ж, пришлось идти без приказа. Понимал, иначе бандиты не отпустят детей.

Когда поднимался на борт, у входа стоял вооруженный Муравлев. Не оборачиваясь, быстро зашептал:

- Как отец, а? Как? Что еще говорит?

- Одумайся, пока не поздно. Не позорь фамилии.

- Поздно. Передайте, пусть простит, если сможет. Шереметьев прошел в салон, кивнул Якшиянцу на детей, которые, словно стайка испуганных воробьев, жались к учительнице.

- Финтишь, Паша. Обещал же пацанов на земле оставить. Отпусти!..

- Ты Тамару приведи, тогда отпущу. Без нее взлета не будет, и дети тут останутся.

Что ответить бандиту? Даже если бы и можно было высказать все в лицо, где же найти такие слова? Как определить глубину человеческого падения? Да и человек ли перед ним? По виду вроде смахивает: голова, ноги, руки, а по нутру - зверь, монстр, исчадие ада.

Но кто бы он ни был - надо идти уговаривать Тамару Фотаки, жену Якшиянца. Вновь Тамару просили Пономарев, Зайцев, Шереметьев. Не соглашалась, отказывалась. "Я не хочу к нему возвращаться. Ненавижу!" Больше часа прошло с тех пор, как покинул борт Евгений Григорьевич. И вот, наконец, жена Якшиянца возвращается с ним в самолет. Павел отводит ее в конец салона, что-то возбужденно говорит, объясняет. Тамара тоже не молчит, просит отпустить детей.

- Черт с тобой! - орет бандит и подбегает к Шереметьеву: - Молись, твоя взяла. Выгружай детей.

Наташа с Тамарой начинают спускаться на землю вконец измученных ребятишек. Внизу их принимает Бочков, другие сотрудники группы. Подходить чекистам к трапу опасно, поэтому они стояли с другой стороны самолета, так и считали спускающихся детишек. Один, два... пять... одиннадцать. Последней сошла учительница.

Наступило временное облегчение. За много часов тяжелейшей психологической дуэли - первая победа. Все дети живы, вырваны из рук мясника. На борту в качестве заложников остались экипаж и Женя Шереметьев. Но они - взрослые,

закаленные люди, бывавшие не раз в переделках, они выдюжат. Теперь с бандитами говорить попроще.

"Альфа" была готова к штурму. Группа захвата, засевшая в пожарном депо, находилась там почти сутки. Ребята были в любую минуту готовы пожертвовать собой, чтобы уничтожить бандитов, освободить заложников. Однако пока не пришло их время.

Бочков принес к трапу самолета три мешка денег. Якшиянц все больше нервничал, грозил, тыкал пистолетом в лицо Шереметьеву. Он никак не мог поверить, что операция удалась, их выпустят, они взлетят.

Запущены двигатели. Якшиянц мечется по салону. Шереметьев опускается на пол самолета. Пистолет в грудь, команда: "Руки за голову!" Евгений Григорьевич повинуется. Но вот в проем двери влетает мешок с деньгами. Бочков кричит снизу:

- Павел, отдай Шереметьева!

- Гони "бабки"!

Еще один мешок падает к ногам Якшиянца.

- Всему есть мера терпенья, слышишь? Давай Шереметьева!

- Еще мешок! - требует бандит.

Когда на борту оказываются все три мешка, он выглядывает в дверь:

- Не хочет Шереметьев выходить, понял!

- Ах ты, подонок! - взрывается Бочков. - Да тебе, сволочи, вообще верить нельзя. Веди мне Шереметьева, я с ним поговорю.

Бандит растерялся. За полсуток увещаний так с ним никто не разговаривал. Шереметьева вытолкнули к дверям, Бочков и Кирсанов приняли его внизу.

Все ушли, у самолета остался один Бочков. Присутствие его у трапа нервировало бандитов, они боялись штурма. На этом Бочков и сыграл. Через члена экипажа передал требование: соблюдать договоренность, вернуть автомат.

На сей раз они подчинились быстро - выбросили на полосу автомат. Бочков подобрал его, стер снег с приклада: "Так-то легче с вами разговаривать..."

Он до последнего был уверен, сейчас группа захвата пойдет на штурм. Самолет знакомый: успеют они выстрелить, не успеют - это уж не столь важно. Скрутят их ребята, сомнений нет.

Поразило, когда лайнер стал выруливать на старт. Не принято в "Альфе" задавать вопросы командиру, но тут не сдержался Бочков.

- Мы что же, выпускаем их?

Зайцев и сам, наверное, не до конца поверил в это. Столько сил истрачено, так измывались бандиты над детьми, жизнью рисковали бойцы, и вдруг натебе - скатертью дорога, с миллионами за границу.

- Есть команда отпустить, - чуть слышно прошептал Зайцев сразу охрипшим голосом, неотрывно глядя, как бежит по полосе Ил-76.

- Есть команда, Валера...

Никто еще не знал - ни Зайцев, ни Бочков, что по дипломатическим каналам Израиль дал добро на выдачу бандитов. Так стоило ли рисковать экипажем, бойцами группы, самолетом?

Маршрут был непростой. В Тель-Авиве никто из пилотов не был. Трасса незнакомая, проходит через Турцию, Кипр. Где-то за Сухуми с экипажем попрощался советский, родной диспетчер. Пожелал доброго пути. Да уж на "доброту" бандитов грех жаловаться: с летчиков перед рейсом сняли наручники, а над Анкарой "Павлуша", как окрестили пилоты главного головореза, забежал в кабину, стал совать деньги. Говорил, что в знак благодарности, за работу.

Пришлось взять, чтоб не обидеть "хозяина". Опять же, валюта государственная, у командира экипажа будет сохраннее.

Бандиты, раскрыв мешки, распихивали по карманам доллары, франки, фунты стерлингов. Вишняков, приняв очередную порцию наркотиков, матерился от досады, что надел узкие джинсы: беда, деньги в карманы не лезут.

Радист Александр Горлов держал связь с диспетчером на Кипре, когда "Павлуша" дернул его за рукав:

- Слушай, а вы нас правильно везете? Не по кругу катаете, как иркутян?

Хотелось врезать бандиту, чтоб башка с резьбы слетела, да нельзя. Горлов кивнул:

- Иди к штурману, он все покажет...

Штурман ткнул пальцем вниз: смотри, мол, под крылом Кипр. Якшиянц вроде успокоился, ушел в салон. Там рабочие места бортоператоров - Бориса Ходусова и Виктора Алпатова. Бандита потянуло на откровения. Повадал биографию. Крутая жизнь, ничего не скажешь: из 38 лет 16 Якшиянц провел в тюрьмах и лагерях. Имеет две семьи. От первой жены двое детей и от второй, Тамары, ребенок. Алпатов спросил:

- Неужто в детей смог бы стрелять?

"Павлуша" долго думал, качал головой:

- Не знаю. В детей, может, и нет. А учительку... Надоела она мне. Излил душу и Муравлев. Тоже не повезло в жизни - дважды судим. Денег нет, с квартирой проблема. А вот работать неохота. Дома бросил жену и ребенка.

Под крылом был Израиль, самолет заходил на посадку. Якшиянц вновь забеспокоился, заглянул в кабину, поигрывал пистолетом.

- Смотрите, мужики, Сирия нам не годится...

Не годилась она и экипажу.

Божков посадил самолет на одной из военных баз под ТельАвивом. База уже была окружена войсками.

Заглохли двигатели, и бортинженер Борис Ходусов открыл правую дверь.

- Всем оставаться на местах! - заорал Якшиянц и оттолкнул Ходусова от двери.

Встречающих было трое. Бандит приветствовал их пачками стодолларовых купюр.

- Презент! - широко улыбнулся "Павлуша".

Однако хозяева от денег отказались. Страшная догадка пронзила Якшиянца: эти сволочи не туда посадили. Разве могут в Израиле отказаться от долларов?

Оказывается, могут.

- Переводчика! - закричал террорист.

Потребовал у встречающих удостоверения личности. Израильский солдат вынул удостоверение. Что там прочел бандит - сложно сказать. С ним пытались объяснить по-французски, по-английски, по-немецки...

- Боже мой, - горько усмехнулась жена, - он и по-русски-то с трудом говорит.

Свои услуги израильтянам предложили пилоты. Но Якшиянц высокомерно отказался - на иностранной территории не верил соотечественникам.

Наконец прибыл переводчик и представители властей потребовали освободить экипаж, немедленно сдаться. У бандитов отобрали четыре пистолета, охотничье ружье, мешки с деньгами. Такой прием террористам не понравился, и они тут же предложили израильтянам миллион долларов за возможность улететь в Южную Африку. Увы, и от этого миллиона встречающие отказались. Единственное, что разрешили террористам - "отдохнуть" в камере тюрьмы Абу-Кебир.

3 декабря 1986 года. 14.30 московского времени. Израильский международный аэропорт Бен-Гурион.

Группу сотрудников "Альфы", прилетевших в Израиль, встречал представитель Советского Союза Мартиросов, работники полиции и спецслужб страны. Сразу уточнили детали операции - когда и как осуществится передача террористов, оружия и денег.

После этого сотрудники комитета выехали на военную базу, где и должны были встретить террористов. Однако их ждали осложнения. Некоторые депутаты кнессета от оппозиции стали возражать против выдачи бандитов, оружия и денег.

После выступления депутатов оппозиции государственная машина закрутилась быстрее. Большинством голосов было принято единственно разумное решение: вернуть преступников. Срочно послали за ними в тюрьму, разрешили готовить самолет, тот же Ил-76, который угнали террористы.

Вскоре на летное поле, к самолету, подкатил кортеж полицейских машин. Бандиты были с завязанными глазами, в наручниках. Работники спецслужб Израиля устроили живой коридор, провели по нему террористов. Вверху, в дверях самолета, их приняли два сотрудника "Альфы". В Ил-76 усадили самых агрессивных - главаря Якшиянца и его подручного Вишнякова. Муравлева, Анастасова и Тамару Фотаки отправляли в другом лайнере. Здесь же, у трапа, передали деньги и оружие. Самолеты взлетели и через несколько часов приземлились на московской земле. Первым сел Ил-76. Бандитов спустили вниз, с главаря сняли повязку. В холодной декабрьской ночи над козырьком аэропорта нестерпимо ярко горели страшные для Якшиянца слова: "Москва. Шереметьево".

Подкосились ноги, поплыли ненавистные неоновые буквы. Сознание отказывалось воспринимать реальность. Тело Якшиянца обмякло, повисло на чьих-то сильных руках. Когда он пришел в себя, то спросил:

- Что со мной будет? Расстреляют?

- Пряников дадут, - сказал кто-то за спиной. Суд приговорил Якшиянца к 15 годам лишения свободы, с отбыванием всего срока в тюрьме.

Досье "Альфы"

"Альфа" - уникальное и единственное в своем роде подразделение в нашей стране, которому нет аналогов.

Во всем мире подобные подразделения можно перечесть по пальцам. "Дельта" в США, ГСГ-9 в Германии, САС в Англии, израильские спецподразделения, группа национальной жандармерии во Франции, австрийская "Кобра", бельгийский спецэскадрон быстрого реагирования, испанский "ГАЛ". Известно, что и некоторые другие страны пытаются создать специальные части по борьбе с терроризмом. Им активно помогают израильские и немецкие инструкторы.

Несмотря на различие социальных систем, подразделения антитеррора в разных странах сталкиваются с множеством одинаковых, весьма схожих проблем.

Полковник Чарльз Беквит, создатель "Дельты", так вспоминает о годах после возвращения с вьетнамской войны. "Прошло несколько лет. Я пришел к выводу, что армия США не считает нужным иметь подразделение, подобное САС. У меня голова шла кругом от тирании бюрократов".

Только в конце 70-х годов Беквиту удалось "протолкнуть" идею создания секретного армейского подразделения под кодовым названием "Дельта". Как говорят, "не было бы счастья, да несчастье помогло". В октябре 1977 года в Могадисо террористы захватили авиалайнер компании Люфтганза "Боинг-737". Западногерманская антитеррористическая группа ГСГ-9 штурмом взяла самолет и освободила 86 заложников. В ходе операции были убиты трое и ранен один террорист.

"Тот день, - пишет Беквит, - для Пентагона оказался необычным. Состоялось совещание комитета начальников штабов, всюду были суматоха и беготня". Президент написал записку, он интересовался у председателя комитета начальника штабов, есть ли в вооруженных силах США подобная единица? Генерал Роджерс информировал председателя о своем, принятом несколько месяцев назад решении - создать подразделение по борьбе с терроризмом. Дело сдвинулось с мертвой точки, теперь Беквит пользовался не просто благорасположением начальника штаба армии, но и его активной поддержкой.

В ту пору, когда создавалась "Дельта", нашей антитеррористической группе "Альфа" исполнилось три года. На ее счету не было громких побед, и "крестный отец" "Альфы", тогдашний председатель КГБ Юрий Андропов не очень спешил вводить ее в бой. На штурм самолетов, захваченных террористами, ходили наспех сформированные милицейские подразделения.

Так уж случилось, что главным экзаменом "Альфы" стал Афганистан. Возникает закономерный вопрос: ее ли это дело - участвовать в переворотах, штурмовать дворцы? Разумеется, нет. Но как тогда группа "А" оказалась в Кабуле? Да так же, как и "Дельта" в Гренаде, когда она, по существу, была использована в качестве элитарного диверсионного подразделения. Известно, что за несколько часов, а по некоторым источникам, за двое суток до начала агрессии в Гренаде подразделения коммандос проникли на остров и совершили ряд диверсионных актов.

Отряд "Дельта" был переброшен к месту действий на вертолетах спецподразделения "Ночные охотники", захватил ключевые объекты, в том числе аэропорт, и совместно с другими коммандос обеспечил высадку основных сил. Подобная операция под кодовым названием "Пегас" планировалась и против Никарагуа, где "Дельте" отводилась ведущая роль - ее бойцы должны были накануне вторжения проникнуть в столицу, чтобы убить или взять в плен руководителей сандинистской революции.

Это говорит о том, что несмотря на статус подразделения, предназначенного исключительно для антитеррористических операций по освобождению американских заложников на территории других государств, "Дельта" используется далеко не по назначению. Следует признать, что нередко юридический статус подразделения антитеррора служит ширмой для диверсионной работы американских коммандос. И тут, как показывает практика,

не спасает даже то, что решение об использовании "Дельты" принимает Совет национальной безопасности страны.

У нас до последнего времени "Альфа" выполняла приказы председателя Комитета государственной безопасности, подчинялась только ему. После августовского путча она была выведена из структуры КГБ и стала подчиняться непосредственно Президенту СССР, а с

развалом Союза - Президенту России. Региональные отделения группы стали самостоятельными подразделениями антитеррора суверенных государств бывших республик Советского Союза.

Юридический статус группы (по существу, его отсутствие - в условиях тоталитарной системы) изначально predetermined будущее подразделения. Все тут зависело от воли и взглядов председателя КГБ на использование "Альфы". Если в конце 70-х и начале 80-х годов "Альфа" применялась в основном по своему назначению (за исключением, пожалуй, Афганистана), то примерно на 1987-1991 годы приходится пик тяжелых нагрузок на группу, не связанных с исполнением антитеррористических функций. Это и длительные командировки в "горячие точки" страны, в места межнациональных конфликтов, привлечение к оперативной работе, охрана особо важных мероприятий.

Да, "Дельта" тоже обеспечивала безопасность Олимпийских Игр в Лос-Анжелесе, охраняла папу Римского во время его визита в Латинскую Америку. Это вполне объяснимо. При проведении крупнейших спортивных и зрелищных мероприятий, визитов государственных и общественных деятелей для охраны привлекаются лучшие силы службы безопасности. Но как объяснить годовое "стояние на часах" у тюрьмы Лефортово? К явно чудаческой команде руководства КГБ альфовцы относились с иронией, но приказ есть приказ дено и ношно бойцы, оставив боевую учебу, дежурили у стен изолятора. Зачем? Официальная версия была такова: американцы собираются напасть на тюрьму и выкрасть некоторых арестантов. Смешно? Однако бойцам "Альфы" смеяться пришлось недолго. Заступив на охрану, они мокли, мерзли и пеклись на солнце у Лефортово.

Никакие обращения к руководству комитета не помогали. Сердобольные бабушки подкармливали "невольников приказа" пирожками, выносили чай. Студенты из расположенного по-соседству общежития, завидев поутру на лавочке две знакомые фигуры, приветственно помахивали спортивными шапочками: "Привет, ребята! Как дежурство?"

Прошли лето, осень, зима, весна, снова наступило лето. Из Лефортово никого не выкрали. Охрану, к счастью, сняли.

Все это можно было бы воспринять как досадное недоразумение или перестраховку высокого начальства, если бы не одно обстоятельство: обстановка в стране накалялась, то в одном, то в другом месте вспыхивали межнациональные конфликты и "Альфу" бросали в самое пекло. Туда, куда они

приезжали, их, как правило, не ждали и встречали далеко не с распростертыми объятиями.

Бойцы не жаловались на отсутствие комфорта, но когда в Баку их поселили в казарму и не предложили ничего, кроме матрацев, даже выдавшие виды оперативники были удивлены. И так бойцы жили три месяца, питаясь всухомятку. Кстати, им платили те же пресловутые 3.50 командировочных в сутки, а работа была такая, что возвращались в ночь, полночь, под утро какая уж там столовая! Из Еревана пришло известие: на Комитет госбезопасности готовится нападение. Сотрудники "Альфы" выехали в Армению, словно там не было своих чекистов. И охраняли не столько комитет, сколько его председателя. А нужен ли такой председатель, который не доверяет своим работникам, просит охрану из Москвы? Увы, этим вопросом, видимо, никто в верхах не задавался.

Юридическая незащищенность и правовая неопределенность сотрудников группы особенно ощущались в самые острые моменты оперативной работы. Отдавать приказы находилось множество охотников, но отвечать за них не хотелось никому. Разумеется, в роли "стрелочника" выступали бойцы.

Логическую точку в этих странных, перевернутых взаимоотношениях спецподразделения поставил Вильнюс. "Альфа" оказалась разменной монетой в политических играх.

Возможно, кто-то не согласится и скажет, что той самой точкой, завершающим аккордом был августовский путч, отказ группы идти на штурм Белого дома. Это не так. В Вильнюсе "Альфа" пережила драму - погиб молодой сотрудник, лейтенант Виктор Шатских. За что погиб? Во имя чего?

Михаил Головатов, который командовал группой сотрудников подразделения в столице Литвы, был объявлен врагом литовского народа, преступником. Но самое страшное их ждало в родной Москве. Проснувшийся утром после событий Президент Советского Союза... отказался от них напрочь. Он "ничего не знал и знать не хотел", кто и что творил у вильнюсского телецентра. Президент предал "Альфю". Теперь по всему выходило: именно он, подполковник Головатов, вместо воскресного отдыха с семьей собрал несколько своих подчиненных и махнул в Прибалтику. Чтобы раз и навсегда навести там порядок.

"Альфа" привезла в Москву своего убитого товарища. Истерзанное разъяренной толпой спецобмундирование и такие же истерзанные души. Каждому, и кто вернулся из Вильнюса, и кто не видел никогда в жизни его мощенных камнем улиц, было о чем подумать.

Газеты ревели о головорезах КГБ. Назывались дикие цифры убитых, раненых. А "Альфа" не сделала ни единого выстрела. Не был истрачен ни один боевой патрон!

Понятно, что кто-то должен был ответить за отданный приказ. Но тот, кто отдал его, отвечать не хотел.

Верные слова написал Чарльз Беквит в своей книге, размышляя о роли спецподразделений в жизни общества. Очень многое надо сделать, чтобы создать такое подразделение - трудиться не один год, проявив при этом максимум изобретательности, поиска и таланта. Но самое главное, о чем беспокоится первый создатель американской "Дельты" - определить юридический статус подразделения с момента его комплектования. И следовать ему неуклонно. В этом залог успеха подразделения и надежная защита каждого, кто встанет в его ряды. Кто выберет себе крайне трудную, опасную - истинно мужскую профессию.

8 марта 1988 года на военном аэродроме Вещево, что под Ленинградом, был предотвращен угон самолета Ту-154. Цена этого теракта велика - сгорел дотла авиалайнер, погибло, включая пятерых террористов, 9 человек, 19 человек ранено.

Врачи госпиталя, куда доставили пострадавших, сделали 32 операции. На пяти столах одновременно оперировали пострадавших военные хирурги. Всю ночь, до рассвета продолжалась борьба за жизнь 26-летнего ленинградского аспиранта Игоря Мойзеля. Пуля, пробив поясницу, прошла навывлет через легкое.

Поражает признание самого Мойзеля, сделанное уже после выздоровления. Когда на борту самолета прогремел взрыв и авиалайнер загорелся, заложники стали прыгать вниз, на бетонку. Игорь раньше других оказался у открытого люка. Прыгнул, указывая спасительный путь другим. На земле оказался первым. Казалось бы, опасность миновала.

"Я упал на землю, на корточки, - рассказывает Игорь, - мне завернули руки назад, прижали лицом вниз к бетонному покрытию и выстрелили в спину. Боли я практически не почувствовал, затем меня подняли, провели вперед на несколько метров, положили вниз лицом и велели лежать с руками за головой. Пока меня тащили, то били ногами, стараясь попасть в лицо и по голове, но я закрывался руками".

Сколько раненый Мойзель пролежал на бетонке, трудно сказать. Когда его подобрала "скорая помощь", врач Е. Кочетова уже с трудом прощупывала пульс.

Кто же стрелял в Игоря, пинал ногами? Террористы этого уже не могли сделать, к тому времени они были мертвы. Оставшиеся в живых спрятались за кресла. Убивали Мойзеля его так называемые спасители. Те, кто пришел вызволять заложников из лап бандитов, имея мало представления о том, что и как делать. Что тут сказать? Не дай нам Бог впредь еще таких спасителей.

Однако заклинания вряд ли помогут. Ибо трагедии, подобные ленинградской, время от времени повторяются. И не только в нашей стране.

23 ноября 1985 года самолет египетской авиакомпании вылетел из Афин в Каир. Через 22 минуты после взлета он был захвачен террористами. По рассказам очевидца, один из них прошел в пилотскую кабину, второй расположился в центре корабля, третий остался в хвостовой части. Бандиты были вооружены

пистолетами и ручными гранатами. Сотрудник службы безопасности, сидевший впереди, открыл огонь, но тут же был тяжело ранен.

После этого террористы отобрали у всех паспорта и, рассадив пассажиров по национальным группам, расстреляли пятерых - двух израильтян и трех американцев. Просьба командира корабля о дозаправке самолета была отклонена. Авиалайнер совершил посадку в аэропорту Валлетта (о. Мальта).

Во время штурма самолета египетские командос действовали неумело и не смогли предотвратить применение террористами ручных гранат, что привело к массовой гибели пассажиров. Было убито более 60 человек.

Офицер британской антитеррористической команды САС, оказавшийся свидетелем трагедии, рассказал, что с бандитами никто не вел переговоров. Диспетчер за полчаса до штурма прервал все контакты с бортом. А они крайне необходимы для того, чтобы отвлечь внимание террористов.

Египетские командос имели лишь теоретические знания по захвату Боинга-737. Штурмуя самолет, они пренебрегли отвлекающими маневрами, группа захвата постоянно находилась в поле зрения террористов. На каждый люк и дверь египтяне поставили по 8- 10 человек, которые мешали друг другу. Долго, около трех секунд, штурмующие открывали первый люк, а первый боец оказался в салоне только через 5 секунд.

Одной из причин, подтолкнувшей террористов к открытию огня, было то, что на борту оказались сотрудники службы безопасности. По своему поведению они явно отличались от обычных пассажиров. На своих местах они разместились еще до посадки пассажиров. А ведь в других авиакомпаниях сотрудники безопасности, дабы не быть обнаруженными, садятся со всеми пассажирами.

Кстати говоря, на борту нашего Ту-104, следовавшего по маршруту Москва-Новосибирск-Чита в 1973 году, произошла подобная трагедия. Милиционер В. Ежиков, сопровождавший самолет (такая мера безопасности широко практиковалась после угона Ан-24 отцом и сыном Бразинскасами), улучив момент, выстрелил в спину террориста Рзаева, который захватил лайнер. В ту же секунду сработало взрывное устройство.

К сожалению, есть и еще достаточно яркие примеры неудач в борьбе с террористами. Сюда следовало бы отнести и освобождение самолета в аэропорту Карачи. На борту Боинга-737, летевшего в Бомбей, было около 400 пассажиров, 17 из которых погибли и 98 получили ранения в ходе перестрелки, завязавшейся между пакистанскими солдатами и преступниками.

Мы привели только три случая гибели десятков людей от рук террористов, назвали три адреса: Ленинград, Валлетта, Карачи. Тысячи миль между ними - Северо-Запад Европы, Средиземноморье, Азиатский континент. Но их объединяет то, что люди оказались заложниками не только воздушных бандитов, но и невольными жертвами малоопытных, неподготовленных бойцов спецслужб.

Как не вспомнить предупреждение полковника Чарльза Беквита: нельзя частично заниматься борьбой с террором, даже талантливый дилетант не сможет соперничать с ними; только профессионалы способны на равных вести бой с международными террористами.

Оставим в покое ошибки египетских и пакистанских коммандос. Но как случилось, что у нас, при существовании мобильной, высоко профессиональной группы антитеррора, имеющей достаточно богатый опыт борьбы с воздушными бандитами, разыгралась эта кровавая бойня?

Вспомним, что в первые же минуты после посадки террористы увидели солдат с оружием, бегущих к самолету, вспомним выпрыгивающих из горящего лайнера пассажиров, которых принимали за бандитов и встречали на земле ударами прикладов. Как это далеко от профессионализма, как не похоже на умелые, расчетливые действия "Альфы"...

В том-то и весь секрет: к трагедии под Ленинградом 8 марта 1988 года группа "Альфа" не имела ровным счетом никакого отношения. Захваченный самолет взорвался в тот момент, когда вертолет "Альфы" заходил на посадку на аэродроме Вещево. Бойцы прикинули к иллюминаторам, увы, уже было поздно. Им осталось только постоять у догорающего остова самолета. Они были единственными людьми, кто мог с самого начала помочь заложникам. Однако нашлись "ответственные работники", которые, приняв сообщение о захвате самолета, быстро смекнули: дело особой сложности не представляет, какие-то юные музыканты во главе со своей мамой, вооруженные обрезом, захватили самолет. Соберем силы, припугнем, смотришь, можно и дырочку для ордена вертеть. Широкая грудь "ответственных" так и осталась без орденов. Но оказались смертельно ранеными ни в чем не повинные люди. Или, быть может, это чужая боль? Только кто даст гарантию, что завтра она не станет нашей болью, когда пуля террориста настигнет нас с вами? Никто такой гарантии не даст.

Потому хотелось бы вспомнить заново, как все это было в весенний день 1988 года. Не только вспомнить, но и навсегда сохранить в памяти. Может статья, скоро в полет. Конечно, трудно поверить на тихой, благословенной земле, что внезапно обрушатся на тебя такие страсти-мордасти, но ведь пилоты и пассажиры самолета Ту-154 N 85413, следующего из Иркутска, тоже не верили... Даже получив угрожающую записку: "Следовать в Англию (Лондон). Не снижаться. Иначе самолет взорвет. Вы находитесь под нашим контролем" - бригадир бортпроводников Ирина Васильева не поверила. Так и сказала командиру корабля Валентину Куприянову, мол, не пойму, может, столь оригинальная шутка по случаю 8 Марта?

Командир корабля не разделял оптимизма бортпроводницы. Он отдал ясные и четкие команды: с этого момента в пилотскую кабину не входить, связь поддерживать по телефону, выяснить, действительно ли реальна угроза, что конкретно требуют террористы?

Всего через несколько минут девушки поняли справедливость слов Куприянова. Когда Тамара Жаркая и Ирина Васильева появились во втором салоне, в конец которого ушли после посадки в Кургане Овечкины, они увидели направленные в грудь стволы охотничьих обрезов.

- Вдвоем не подходить! Одной оставаться на месте! - раздался окрик.

15.01. Главный центр управления воздушным движением получил информацию из Ленинграда: на траверзе Вологды вооруженными преступниками захвачен самолет Ту-154. Высота полета 11.600 метров.

... Бандиты обнаружили себя после вылета из Кургана. Пассажиры хвостового отсека с удивлением увидели, что молодой человек в сером свитере и фетровом берете не пускает людей в туалет. Не пустил женщину, потом ребенка. Не успел подняться со своего места мужчина, как услышал резкую команду: "А ну сядь!.." Он обернулся - два парня подняли обрезы и направили их в пассажира.

15.15. Борт самолета N 85413 информировал "Землю": в салоне 11 угонщиков. Остаток топлива на 1 час 35 минут полета.

Кто они, угонщики? Многодетная семья Овечкиных из Иркутска. Здесь их хорошо знали: газеты, радио, телевидение не раз рассказывали о талантливых ребятах, создавших семейный диксиленд "Семь Симеонов". У ансамбля было достаточно меценатов - областные руководители гордились: как же, не в прославленных консерваториях, а в рабочей "глубинке" подрастают истинные таланты. Считали, что появление Овечкиных на сцене повышает престиж местных органов культуры.

В рекламе "Симеонов" не было границ: Восточно-Сибирская киностудия сняла о них документальный фильм. Юных музыкантов устроили в Иркутское училище искусств, потом обком выбил места в Институте имени Гнесиных.

Только учиться по-настоящему музыке оказалось некогда: грянули гастроли: сначала в Москве, Кузбассе, потом за рубежом - в Японии. А по возвращении оттуда учиться уже не хотелось. Старшие быстро поняли, что свалившаяся на их головы нежданно-негаданно популярность может дать богатые дивиденды. Какое уж тут творчество - успеть бы побольше урвать, пока не подросли в семье самые младшие. В них-то все и дело: вырастут будет обычный ансамбль. А так - с изюминкой, дети вызывают умиление слушателей.

Институт Гнесиных, едва отучившись семестр, пришлось бросить.

Окончательно вскружила голову Япония. "Симеоны" вернулись с гастролей в полной уверенности: только за рубежом по-настоящему смогут оценить их талант. Тогда-то, видимо, и возникла мысль "мотануть" в капстрану.

Не следует судить Овечкиных за желание покинуть Родину. Каждый волен жить там, где ему захочется. И сама история привлекает как раз не намерением уехать

из Советского Союза, не такое уж это редкое стремление, а необычайной жестокостью молодых людей и их матери, лично руководившей всей операцией.

Потом журналисты будут "раскручивать" психологический феномен "Симеонов" и придут к поразительному выводу: когда обсуждался план захвата самолета, никто в семье и словом не обмолвился о заложниках, их жизнях. Словно эти люди и не существовали для Овечкиных.

Игорь Овечкин, оставшийся в живых, рассказывал на суде, что в случае провала братья договорились взорвать "бомбу". Его спросили:

- Но в самолете-то почти сотня человек. В чем их-то вина? Игорь отвечал:

- Я не помню, чтобы мы говорили о них.

Но сам он боялся смерти. Когда стало ясно, что угон не состоялся, Игорь спрятался возле пилотской кабины. Самому застрелиться? Ни за что! Знал цену жизни.

Вопрос о пассажирах задали и сестре Игоря - Ольге Овечкиной, тоже оставшейся в живых.

- Оля, а как же пассажиры?

- Не думали как-то мы о них...

15.22. Удаление самолета от Ленинградского аэродрома Пулково - 180 километров.

15.30. Начальник смены главного центра УВД передает на борт: бортинженера можно выпустить в салон для переговоров. Соблюдать меры предосторожности.

Бортинженер Иннокентий Ступаков вышел во второй, задний, салон. Едва вошел, крик: "Стоять! Дальше ни шагу!" Как можно спокойнее предложил: "Подойдите кто-нибудь один, поговорим..." Сошлись на середине салона, сели в кресла по разные стороны прохода. Террорист нервничал:

- Требуем лететь в Лондон!

- Горючего не хватит. У нас топлива едва до Ленинграда. Надо садиться на дозаправку.

- Тогда садитесь за границей...

- Хорошо, - сказал Ступаков, - я доложу командиру. Чтобы не подвергать риску пассажиров, экипаж первоначально принял решение лететь за рубеж. "Земля" дала добро. Но чем ближе лайнер подходил к Ленинграду, тем яснее становилось: до ближайшего финского или шведского аэродрома не дотянуть.

В Кургане самолет был дозаправлен, но ровно настолько, чтобы долететь до Ленинграда, на крайний случай - до запасного аэродрома в Таллинне. Если же

следовать в Финляндию, то у неизвестного аэродрома пришлось бы маневрировать, изучать подходы, тут и могло бы кончиться топливо. Как быть? Садиться в Ленинграде или Таллинне? А если террористы узнают город с высоты? Обещание взорвать "бомбу" более чем реально.

"Земля" приказывает уходить на запасной аэродром, который находится в стороне от Ленинграда. Самолет делает разворот почти на 180 градусов.

А в салоне раздаются истеричные крики террористов: "Что такое? Что происходит? Почему самолет поворачивает? Всех взорвем!"

К бандитам бросается бортпроводница Тамара Жаркая, пытается их успокоить, объясняет: самолет делает маневр перед посадкой в финском городе Котка. По громкой связи звучит сообщение: лайнер идет на дозаправку в Финляндию, просим пассажиров оставаться на своих местах, пристегнуть ремни, сохранять спокойствие.

15.55. ТУ-154 у цели. Впереди аэродром Вещево. Высота 1500 метров. Командир корабля Валентин Куприянов запрашивает "Землю": какие рекомендации? Рекомендация одна - продолжать переговоры.

...Самолет резко идет на снижение. Низкая облачность. Преступники беспокоятся, требуют сделать круг над землей. Ноу пилота свой план: надо скорее посадить лайнер. 16.05. Самолет произвел посадку.

Потом в десятках публикаций, в разных вариациях прозвучит одна мысль - теперь все зависело от профессионалов другого ведомства. Операция вступила в самый ответственный, завершающий этап. Но именно посадка ознаменовала и первый просчет: пилоты, пассажиры и, конечно же, террористы увидели, как от края летного поля к лайнеру бегут солдаты. Знакомые шинели, фуражки, автоматы Калашникова. Бандиты понимают: их провели. Гремят первые выстрелы, пока предупредительные, в салонную переборку.

Преступники требуют, чтобы экипаж вышел из кабины и выстроился лицом к стене.

Командир корабля передает через бортпроводницу Ирину Васильеву о подходе автомобиля-заправщика. Вновь в салоне крики: "Взлет! Взлет! Не нужна дозаправка, взорвем!" Василий и Дмитрий Овечкины ломятся в дверь пилотской кабины, бьют ногами, прикладами обрезов, стремянкой. Грозят: "Если экипаж не будет подчиняться, начнем убивать пассажиров".

Тамара Жаркая просит их успокоиться, уговаривает: "Не надо стрелять! Взорвется самолет, погибнут люди. Сейчас подойдет заправщик и полетим дальше". Двое бандитов хватают ее за руки и усаживают с собой. А через несколько минут Дмитрий Овечкин, красавец-трубач в ансамбле "Семь Симеонов", убивает Тамару.

Подошел первый заправщик. С борта самолета видно, как находящийся на заправщике офицер спешно срывает с шапки кокарду. Люди, стоящие у края летного поля, делают жесты, тоже понятные всем - они направляют действия штурмующих. Обстановка накаляется. Василий рвется в кабину: "Открывай! Иначе кого-нибудь застрелю..." Олег бежит с оружием по салону и истерически орет: "Не смотрите на меня - перестреляю!"

Командир передает в салон: при дозаправке без бортинженера не обойтись.

17.04. С борта самолета сообщили: разрешение на выход бортинженера получено.

Иннокентию Ступакову ловко удалось выскользнуть из кабины, да так, что никто из преступников не успел проникнуть к пилотам. Вот он уже на крыле, открыл горловину, опустил в нее шланг. Бандиты внимательно следили за каждым его движением.

17.12. Первый дозаправщик заправил самолет. С борта требуют второй.

17.18. Напряжение на земле растет. Спасатели на вертолетах перебазировались ближе к самолету. Рейсовые самолеты огибают опасный район.

17.20. Угонщики, угрожая оружием, требуют немедленного вылета в Хельсинки.

17.50. К Ту-154 подошел второй заправщик.

18.10. Заправка окончена.

Теперь перед Ступаковым стояла задача - вновь проскользнуть в кабину, не дав прорваться туда бандитам. Но как это сделать? Овечкины "пасут" каждый его шаг.

Поднявшись на борт, Иннокентий передает бандиту стремянку, просит: "Подержи, надо люк закрыть." Пока тот возится со стремянкой, удается совершить обратный маневр.

В это время - вызов по СПУ. Кто-то из террористов, взяв трубку у бортпроводницы, спрашивает: "Почему не взлетаешь, командир?" "Надо развернуться, жду тягач". "Жди, но только пять минут, понял? Не взлетишь, взорвем самолет!"

18.35. Два человека из группы захвата поднялись в кабину. Начинается подготовка к обезвреживанию бандитов.

18.50. Продолжаются угрозы взорвать самолет. Бортпроводники проявляют выдержку.

В 19.10 самолет тронулся с места и группа рванула дверь пилотской кабины.

В те дни газета "Известия" дальнейшие события живописала так: "Сразу началась бешеная стрельба. Через несколько секунд дверь захлопнулась. Два

бойца, разрядившие пистолеты в преступников, упали на пол кабины, обливаясь кровью. Их раны, к счастью, оказались не опасны для жизни".

В том, что "два бойца разрядили пистолеты", сомнения нет, но вот в кого? Преступники не получили и царапины. Куда же летели пули, в кого палили два бойца? Вот что рассказывает участница тех событий, бортпроводница Валентина Николаева:

"Они приоткрыли дверь и начали беспорядочную стрельбу по салону, не видя и не думая, что кроме преступников здесь находятся бортпроводницы, пассажиры. Пули летели не в преступников, а в мою сторону. Я присела, закрыв голову руками, пули летели над головой, через панель, в пассажиров первого салона".

Старший следователь военной прокуратуры Ленинградского военного округа майор юстиции Андрей Ковалев, который вел следствие, так оценивает действие группы захвата:

"От экипажа группе захвата было известно, чем вооружены преступники, но это не помогло.

"Когда в нас понесся град выстрелов, - рассказывали они, - мы подумали, что стреляют из автомата..." В ответ сами стали палить из пистолетов. Прикрывшись щитами, стреляли вслепую в конец салона, где находились Овечкины. Ранили пассажира майора Я. Таюрского. Он сидел в трех-четыре метра от кабины самолета, из которой вела огонь группа захвата. Вместе с ним пострадали еще три человека. И только чудом можно объяснить тот факт, что в такой перестрелке не поубивали пассажиров, находившихся в салоне самолета... Замечу, так действовали не солдаты срочной службы, а профессионалы, которые за свой труд получают деньги".

Не прав старший следователь только в одном: хотя бойцы группы захвата получают деньги и числятся в профессионалах, они далеки от этого высокого звания.

Такие же "профессионалы" действовали и в хвостовой части самолета. Ничего лучшего они не придумали, как, открыв люк, разрезать ножом коврик под ногами прямо у бандитов.

Однако было бы неверно во всем случившемся обвинять только группу захвата. От первого своего шага в аэропорту Иркутска до последней минуты в горящем самолете, террористы Овечкины встречались с вопиющим непрофессионализмом. Исключение составляет, пожалуй, только экипаж самолета - не теряющие самообладания пилоты, мужественные бортпроводники. Остальные - крепко повязаны неумением работать, низкой служебной квалификацией.

Первыми, кто сказал бандитам "счастливого полета", была смена иркутского аэропорта под руководством капитана милиции К. Джикая. На выходе номер три в тот день контролировали посадку и вели досмотр ручной клади сержант В.

Макеев, младший сержант В. Журнист, в также диспетчеры отдела перевозок Г. Сергеева и И. Богомолова. Кроме ручной клади и инструментов, других вещей у Овечкиных не было. Ничего подозрительного в поведении пассажиров милиционеры не обнаружили. Да особенно придирчиво и не присматривались, ведь это ж "сами Овечкины", музыканты, гордость области.

Один из старших братьев даже попытался поставить контрабас в рентгенотелевизионный интерскоп. Галина Сергеева попросила положить инструмент на стол, дернула молнию на чехле, махнула рукой: проходи! Вот и вся проверка.

О действиях группы захвата и тех, кто "встречал" на земле убегающих из горящего самолета пассажиров, мы рассказали. Надо добавить, что и в верхнем эшелоне руководства операцией профессионализма было не больше.

Начальник управления КГБ по городу и области генерал-лейтенант В. Прилуков руководил операцией непосредственно из... Ленинграда. Как? На этот вопрос он отвечал сам: "Держал связь с Москвой".

Однако эта драма, потрясшая в свое время страну, хоть и не такая далекая, но уже история. Она забывается и, возможно, ее не стоило бы ворошить, если бы жизнь не рождала новых "Симеонов", на пути которых по-прежнему оказываются "профессионалы", работа которых оплачивается человеческой кровью и жизнями.

...23 февраля 1992 года. Опять Ленинград, вернее, теперь уже Санкт-Петербург. Может, тут простое совпадение, но операция по освобождению заложников в знаменитой тюрьме "Кресты" закончилась провалом. Убит заложник, сотрудник следственного изолятора.

Тем не менее, один из участников штурма, офицер ОМОНа, с уверенностью заявил: "Специалистами и руководством ГУВД исполнение операции оценено довольно высоко".

Трудно сказать, что стоит за "высокой оценкой" руководством ГУВД собственных омоновцев, но специалисты во всем мире считают: операция с применением спецподразделений не имеет смысла, если в ходе нее уничтожаются как террористы, так и заложники. В таком случае достаточно роты солдат, которая, окружив захваченный бандитами объект, искромсает огнем автоматов и правых и виноватых.

Иной оценки нет и быть не может...

И все-таки, что же случилось в питерских "Крестах" или, как их официально именуют, в следственном изоляторе N 1 ГУВД СанктПетербурга тем февральским днем?

Во время прогулки семеро подследственных, вооруженных заточками (заостренными металлическими штырями) и двумя гранатами, набросились на контролеров В. Аввакумову и А. Яремского. Затачив пленников в служебное

помещение и запершись изнутри, преступники выдвинули ультиматум: в обмен на жизнь заложников они потребовали два автомата, четыре пистолета с боекомплектом, гранаты, автомобиль. Было также поставлено условие обеспечить беспрепятственный выезд из тюрьмы и предоставить самолет.

Знакомство с личными делами бандитской семерки не предвещало легкой борьбы. Статьи уголовного кодекса, по которым предъявлены обвинения каждому из бандитов (разбой, убийство, насилие) - тянули, как минимум, на 10 лет лишения свободы каждому. Да и большинство из них за решеткой не были новичками.

Ситуация складывалась угрожающая.

В "Кресты" выехала группа захвата ОМОН. Три с половиной часа вели переговоры с преступниками заместитель начальника ГУВД В. Фролов и исполняющий обязанности прокурора города В. Большаков.

Преступники категорически отвергали все предлагаемые варианты, по-прежнему угрожая расправой над заложниками. Не отрезвили бандитов слезы матерей, мольба жен и родственников, которых доставили в изолятор.

Из тюрьмы привезли "авторитетного" рецидивиста, который тоже советовал им сдаться. Не послушали. Вели себя нагло, агрессивно.

Переговоры, начатые в 10.45, завершились в 14.00. Преступники твердо стояли на своем, демонстрируя гранаты - "лимонки" (как впоследствии выяснилось, муляжи, слепленные из хлебного мякиша и раскрашенные).

Было принято решение: в 14.15 начать операцию по освобождению заложников. Но как это сделать? Штурмовать камеру, в которой заперлись террористы? Да, хотя это один из самых сложных вариантов. В тюрьме, построенной еще до революции, все было сделано добротнo: крепкие решетки, массивные двери с надежными замками. При подготовке штурма пробовали, зацепив тросом, вырвать оконную решетку. Толстый трос лопнул, а решетка даже не сдвинулась с места. Вот уж проклятый царский режим, и тут нам подгадил!

Другой путь для штурмовой группы - маленькое окошко на лестнице, через которое велись переговоры с преступниками. Оно бы и хорошо, да не пролезть могучим парням в окошечко.

Задача казалась практически невыполнимой. Сами омовцы признавались: шанс на то, что при штурме заложники уцелеют, - один из ста. И все же выбрали именно этот, по существу, тупиковый, безысходный вариант. Почему?

Не простой вопрос. Безусловно, были еще кое-какие варианты. Ведь ситуация с захватом заложников в следственном изоляторе не нова. Достаточно вспомнить сухумский изолятор. Там преступники вооружились не заточками и муляжами гранат, а боевым оружием - пистолетами, десятками пистолетов, по несколько штук на каждого негодяя. Тогда "Альфу", как до того питерский ОМОН, тоже

подталкивали идти на штурм камер, но не вышло. Ее начальник однозначно взял ответственность на себя, и все взвесив, настоял на так называемом варианте "Рафик". Бандитов выманили во двор и когда они сели в микроавтобус, прозвучала команда группе захвата. Террористы в несколько секунд оказались арестованными, заложники освобожденными. Хотя местное руководство, милицейские генералы боялись варианта "Рафик": как бы чего не вышло. Вдруг действительно, усевшись в микроавтобус, бандиты вырвутся на свободу, в город. Что делать с ними тогда? А так спокойнее, хоть и грозятся, орут, но в камерах, в тюрьме. Долго пришлось профессионалам из группы "А" убеждать высокое начальство. Убедили. И операция закончилась успешно.

Ничего подобного не произошло в Санкт-Петербурге. Две штурмовые группы выдвинулись на лестницу, к окошку, через которое шли переговоры. Приготовили трос с крюком, чтобы в нужный момент выдернуть решетку. У запертой двери стояла еще одна группа, которая после начала штурма должна была выбить ее с помощью подручных средств.

Потом, в паноптикуме "Кресты" Александра Невзорова, все увидят, как боец подразделения отчаянно колотил в дверь кувалдой. Помогали ему и другие, но, как оказалось, безуспешно. Дверь открыли только изнутри, после окончания операции.

О начале штурма преступников известил сам командир группы захвата. Он решил с ними поговорить. Предупредил: "Ваши требования невыполнимы. При штурме ложитесь на пол, тогда останетесь живы". И тем самым подписал смертный приговор заложникам.

Естественно, после такого выступления ни о какой внезапности не могло идти и речи.

Потом омоновец объяснил, что пошел на своего рода маневр, онде отвлекал внимание бандитов от выдвигающейся группы захвата, пытался "стянуть" террористов в одно место и, наконец, хотел в последний раз образумить преступников. Не получилось ни того, ни другого, ни третьего. Бандиты, как и следовало ожидать, приготовились и ждали штурмующих. Конечно, с заточками и муляжами они не могли противостоять вооруженным омоновцам и с началом штурма один был застрелен снайпером, другой из автомата при попытке сопротивления, остальные остались в живых. Но свое гнусное дело они успели сделать: убили заложника.

Интересно, что решетку из окна удалось вырвать лишь с третьей попытки, на что ушло 10 минут. Вся операция длилась 15 минут. В такой ситуации четверть часа - целая вечность.

Сыграла свою роковую роль и слабая техническая оснащенность, нехватка спецсредств. Подумать только, у милиции Питера не нашлось гранат светового действия, которые дают яркую вспышку и ослепляют на время преступников. Что же касается взрывного устройства направленного действия

"Ключ", а оно "открывает" любые двери, то тут нужны специально подготовленные люди, умеющие его применять. "А у нас их пока нет", посетовал заместитель командира ОМОНа капитан Павел Пашаев.

Если отсутствуют спецсредства, нет профессионалов, умеющих их применять, может, лучше приглашать их со стороны, из "Альфы", например, ведь в ее практике не было провалов: заложники оставались в живых, террористы либо убиты, либо арестованы. Когда дело идет о жизни людей - не время для межведомственных распрей. Но руководство ГУВД Санкт-Петербурга всякий раз отвергало эту мысль с порога: мол, наши ничуть не хуже. Оказалось, как ни прискорбно признать, значительно хуже.

Поговаривают, что с милицейским начальством города на Неве злую шутку сыграли удачи "Альфы". Еще бы, обезврежены террористы в Сарапуле, Тбилиси, Уфе. Операции прошли успешно, бойцы спецподразделения действовали умело, высокопрофессионально. Соответственно были и награждены. Вот и решили местные руководители, что не боги горшки обжигают. Оказалось, чтобы бороться с террористами надо быть Богом в своем деле.

Штурм на аэродроме Вещево по существу, захлебнулся в огне и крови. Но прошло время, многое забылось, стерлось в памяти, уволились в запас старые начальники, появились новые. А у "Альфы" опять победы - спасли детей в Минводах, обезвредили террористов в Баку, Саратове. И самое главное, "без шума и пыли" взяли следственный изолятор в Сухуми, захваченный вооруженными преступниками.

Со стороны посмотреть: все легко и просто. И поэтому вновь звучит знакомый мотив: "А мы чем хуже?" Нет, не хуже и не лучше, просто - другие.

23 февраля 1992 года газеты сообщили о гибели в "Крестах" заложника, отца троих детей. Тогда же было опубликовано другое сообщение: "Шестеро этапированных по железной дороге преступников, особо опасных рецидивистов, напали на караул, тяжело ранили трех конвоиров, забрали оружие и боеприпасы. На трассе бандиты остановили "Икарус" с 30 пассажирами, ехавшими из Кзыл-Орды в Сарыачаг.

Преступники потребовали подготовить самолет для вылета в южную страну.

При въезде в аэропорт грохнули отвлекающие гранаты. Операция по захвату преступников длилась 3 секунды. Разбив окна, парни из подразделения по борьбе с терроризмом ворвались в "Икарус". Бандиты были расстреляны на месте".

Какие похожие сообщения, и какие разные судьбы у заложников. Откуда они, эти парни, сумевшие уничтожить бандитов и сохранить 30 жизней? Тоже из "Альфы". Из регионального алма-атинского подразделения антитеррористической группы "А". Теперь, правда, оно уже стало самостоятельным.

Особая папка КГБ. Совершенно секретно. Экз. ед.

"10 мая 1989 года в 16.45 группа подследственных изолятора N1 УИТУ УВД Саратовского облисполкома: Рыжков В. К., 1969 г. рождения, арестованный за разбой, Семенютин Г. Л., 1972 г. рождения, Левахин Д. И., 1962 г. рождения, осужденные за разбой и другие преступления, Збандут Г. П., 1956 г. рождения, осужденный за умышленное убийство, угрожая самодельным холодным оружием, во время прогулки во внутреннем дворе изолятора, захватили в качестве заложниц двух сотрудниц изолятора.

Завладев ключами от 3-го этажа корпуса, преступники открыли одну из камер и дополнительно взяли в качестве заложников двух несовершеннолетних подследственных: Федорова А. В., 1972 г. рождения и Бекетова Ю. М. 1972 г. рождения.

Забаррикадившись на этаже, преступники требовали встречи с руководством УИТУ, представителями прокуратуры и УВД. В разговоре с прибывшими руководителями преступники выдвинули требование предоставить им 4 пистолета, 10 тысяч рублей, транспорт и возможность выезда за пределы области. В случае невыполнения требований преступники угрожали расправой над заложниками".

Когда 11 мая самолет Ту-154 с 18 сотрудниками спецподразделения "Альфа" произвел посадку на военном аэродроме г. Энгельса В. Карпухин и М. Головатов поняли: им придется расхлебывать кашу, заваренную непрофессиональными действиями саратовских милиционеров.

После захвата заложников и выдвижения требований преступниками руководители УВД пытались вступить в контакт с террористами, но разговор как-то не клеился. Милиционеры были к нему психологически не готовы, бандиты же буквально "брали за горло", грозясь уничтожить несчастных женщин и подростков. Представители правоохранительных органов вновь и вновь совещались. Время шло. Террористы проявляли всё большую нервозность, сыпали угрозами. Наконец, результатом "сидения" руководства была полная капитуляция перед бандитами. Решили не рисковать. Подали террористам микроавтобус "Раф" с полной заправкой бензином и, по существу без борьбы, выложили боевое оружие - пистолет Макарова и 24 патрона к нему. За что бандиты освободили женщину и подростка.

В 10 часов вечера из ворот следственного изолятора на улицы оживленного Саратова на высокой скорости выскочил "Рафик", с четырьмя вооруженными бандитами. Остальных заложников, вопреки обещанию, те взяли с собой. Вскоре одну из пострадавших террористы выбросили из машины. Женщина была без сознания, едва не умерла от жестоких побоев.

Пять часов преступники колесили по ночному городу. Они чувствовали себя хозяевами: выезжали на полосу встречного движения, газовали на красный свет, неожиданно открывали огонь из пистолета. Они захватили еще одну заложницу, 19-летнюю И. Закутаеву, продавца магазина, которая была свидетельницей по делу одного из бандитов.

Оперативный штаб, созданный из представителей УВД, Комитета государственной безопасности, прокуратуры и командования подразделений внутренних войск, с оцепенением следил за разбойными действиями террористов.

В 22 часа штаб проиграл еще один раунд борьбы - преступники, обнаружив преследование, выдвинули ультимативное требование: прекратить слежку, в противном случае угрожали застрелить заложников. Как напишут потом в оперативных милицейских документах, "преследование было прекращено, преступники скрылись в неизвестном направлении". Штаб потерял вооруженных бандитов.

Двенадцать часов о террористах не было ничего известно - убыли ли они на территорию другой области или здесь, в Саратове, готовятся к новым убийствам, а может, уже совершили их. С превеликим трудом к 15 часам следующего дня удалось установить: преступники находятся в квартире супругов Просвирных, в доме N 20 по улице Жуковского, рядом с саратовским аэропортом. В квартире кроме взрослых - двухлетняя дочь Просвирных. Все они взяты заложниками.

Теперь преступники выдвигали новые требования: предоставить самолет для вылета за границу, дать водку, наркотики, крупную сумму денег. И снова грозили убить заложников. Предупреждали, что на случай штурма они привязали хозяйку квартиры с дочерью к дверям. Попытки убедить бандитов отказаться от преступных замыслов ничего не дали.

Так очень напряженно складывалась обстановка на момент прибытия группы "Альфа" в Саратов.

Было 23 часа 8 мая. Переговоры, которые вели с преступниками начальник ГАИ Саратовского облисполкома и заместитель прокурора области, в очередной раз зашли в тупик. Преступники вели себя агрессивно, нагло угрожали. Чтобы показать серьезность своих намерений, стали истязать женщину-заложницу. На просьбу выдать ребенка потребовали водки, наркотиков, автомат, бронежилет. То и дело в захваченной квартире распахивалось окно, террористы сажали на подоконник одного из заложников, кричали, что выбросят его с четвертого этажа.

Штаб принял решение выдать водку и наркотики. Их подняли в осажденную квартиру по веревке.

Стало ясно, выход один - штурм квартиры. "Альфа" подготовилась к штурму. Карпухин и Головатов провели рекогносцировку: прошли в квартиру этажом ниже той, что была захвачена преступниками, составили ее схему. Снайперы постоянно наблюдали с помощью приборов ночного видения за поведением преступников и их передвижениями. Вся информация передавалась в штаб.

А информация тревожная - действия террористов становились непредсказуемыми.

В 3.10 группа захвата заняла исходные позиции. В 3.25 начальник группы "А" отдал команду на штурм. Здесь следует подчеркнуть - магазины автоматов

сотрудников "Альфы" были снаряжены холостыми патронами. Бойцы с помощью специального альпинистского снаряжения спустились с крыши и буквально влетели в окна захваченной квартиры, забросав преступников имитационными гранатами. Бандиты никак не ожидали штурмующих из окон. Они ясно видели, что лестниц под окнами нет, никто к штурму не готовится. В те же секунды дверь вышибла тараном вторая группа и ворвалась в квартиру.

Преступник, вооруженный пистолетом, успел сделать два выстрела. Пули пришили в бронешит. Пользуясь фактором внезапности, группа захвата через несколько секунд обезвредила бандитов.

В последних строках отчета о действиях группы в Саратове начальник "Альфы" напишет одну фразу, которая не нуждается в комментариях, ибо она коротко и емко характеризует высокий профессионализм спецподразделения антитеррора: "Пострадавших при проведении захвата не было".

Особая папка КГБ. Совершенно секретно. Экз. ед.

"11 августа 1990 года в г. Сухуми семь арестованных преступников, находящихся в изоляторе временного содержания (ИВС) МВД Абхазской АССР, захватили в качестве заложников трех работников охраны.

Овладев ключами, они выпустили из камер 68 подсудимых и осужденных.

Среди 75 содержащихся в изоляторе 73 совершили уголовные преступления, 15 из них арестованы за убийство, 8 - за разбой, 1 - за угон самолета.

Инспиратор этой акции - трижды судимый матерый преступник П. Прунчак, взятый под стражу за убийство трех человек, двое из которых - сотрудники милиции".

...Порядком уставший от суточного дежурства постовой Козмава, гремя ключами, идет коридором первого этажа. Сейчас он повернет ключ в замке двери седьмой камеры, потянет железную ручку на себя, передаст ведро и веник. Обычное дело - уборка помещения. Так каждое утро, изо дня в день, из года в год. Правда, вчера начальник изолятора, инструктируя наряд перед заступлением на дежурство, велел быть особенно осторожным у седьмой и десятой камер. По некоторым данным, там вроде бы готовят побег. Но постовой привык к предупреждениям. Они звучат на каждом инструктаже. И, как правило, никаких последствий. Обязанность начальника - постоянно предупреждать об опасности. Понятное дело, не на конфетной фабрике работают.

Козмава знал, что идет на нарушение инструкции, ведь открывать дверь должен дежурный офицер, в присутствии постового. То есть у камеры их должно быть двое. Но гудит голова после бессонной ночи, в ушах стоят крики и ругань заключенных, хочется скорее распрощаться с этим затхлым "каменным мешком".

Не взглянув в глазок, постовой открывает дверь. Резкая команда, стремительный бросок, удар по голове - Козмава падает на бетонный пол.

Дежурный офицер Шикирба не заметил, когда постовой забрал ключи. Опомнился, увидев на пульте охранной сигнализации тревожное мигание желтого глазка: в седьмой камере открыта дверь. Лейтенант помчался в камерный блок. А в дверь уже протискиваются заключенные Дзидзария и Бигвава. Офицер пытается затолкнуть их обратно в камеру. К нему на помощь прибежал постовой Нижерадзе со второго этажа. Но уже поздно - семеро преступников вырвались из камеры, набросились на охранников, отобрали ключи, поспешно открыли другие камеры.

Четвертый охранник смены, постовой сержант Векуа, видя, что ничем не может помочь товарищам, захлопнул на перегородке, преграждающей выход из камерного блока, дужку замка, затем выбежал во двор, запер дверь изолятора и кинулся в дежурную часть МВД рассказать о нападении. Бежал и клял все на свете: из-за блокады железной дороги ломался график спецэтапов, вагоны с заключенными простаивали на путях вместе с десятками замерших поездов. Недели три не было поступлений, потом сразу привалило - сорок два заключенных. Требовалась усиленная охрана, да где ее взять. Ее и по обычному штатному расписанию не хватало: постовых, в изоляторе восемнадцать человек, а должно быть двадцать четыре.

По камерам распахивали кого куда - судимых с несудимыми, совершеннолетних с несовершеннолетними.

Да и следователи, прокуроры, судьи - разве они считались с бедами изолятора? Из дальних уголков республики, из других изоляторов везли в Сухуми на допросы задержанных. А потом здесь же оставляли, и не на десять дней, как положено, а на недели, месяцы. Так убийца, рецидивист Павел Прунчак сидел в изоляторе уже месяц, а суда все не было.

Когда Векуа докладывал о нападении, заключенные успели повалить стальную перегородку и открывали камеры второго этажа.

Еще через несколько часов взбунтовавшиеся преступники овладели оружием. Когда прокурор Квициния и руководство МВД Абхазии совещались: входить или не входить в изолятор, из-за решетки второго этажа выбросили горсть патронов и наган. Бандиты давали понять, что они вооружены. "Откуда у них оружие?" - удивился первый замминистра МВД Абхазии Аршба.

Действительно, откуда? Оказалось, что в изоляторе в одном из помещений, хранилось более трех тысяч стволов нарезного и гладкоствольного оружия - винтовок, пистолетов, охотничьих ружей и 28 тысяч единиц боеприпасов, изъятых у населения, а также у преступников.

Верно сказал на следствии один из зачинщиков бунта, осужденный за убийство Петухов: "Какой же дурак держит в переполненной тюрьме боеприпасы и оружие? Для нас это был приятный сюрприз".

Теперь представим себе преступников, которым уже нечего терять, и в их распоряжении вот такой арсенал. Представим, что они вырываются на улицы города. Думаю, Абхазия в августе 1990 года стояла на пороге страшной трагедии.

Возможно, кто-либо возразит, мол, они же не вырвались. Да, и только по двум причинам: в первое утро - случайно. К ним в руки не попал сержант Федор Векуа, и он успел захлопнуть щеколду на дверях. А на четвертые сутки, когда по их требованию был подан микроавтобус, на их пути уже стояла "Альфа".

14 августа с одного из московских аэродромов стартовал самолет, следующий в Сухуми. На его борту было 22 сотрудника группы "А" и 31 боец ОМЗДОНа. "Альфовцы" знали: идут на трудное дело, тут тебе не террорист с ружьем или поддельным взрывным устройством, а десятки преступников, вооруженных до зубов. Что ж, работа есть работа. Из трех отделений группы отобрали лучших, отменных снайперов, мастеров рукопашного боя, опытных командиров. Руководил операцией начальник группы "А" полковник Герой Советского Союза Виктор Карпухин.

Экипировка по максимуму - тяжелые бронежилеты, электрошоковые дубинки, щиты, спецгранаты, приборы ночного видения. В полете прокурор Абхазии ввел группу в обстановку. Три дня в

руках вооруженных преступников томились заложники. Требования бандитов постоянно менялись. Они хотели, чтобы перед ними для безопасности выстроили жителей - женщин и детей, потом требовали бронетранспортер, дабы уехать из города, ставили и такое условие: посадить невдалеке от изолятора вертолет.

Город напоминал растревоженный улей - у изолятора собралась толпа жителей, родные и близкие преступников, просто любопытные. Квартал был оцеплен бронетранспортерами и войсками, низко кружил вертолет.

Все эти дни и ночи с преступниками вели переговоры руководители МВД Абхазии и Грузии, родственники, лидеры различных движений, просто друзья.

Зачинщик бунта, убийца Прунчак выкрикивал свои требования из-за спин других. Его, совершившего немало преступлений, выследили в пещерах глухого Очамчирского района два милиционера. Прунчак застрелил их из охотничьего ружья. Но вскоре был сам ранен. Он бы, конечно, погиб, но министр внутренних дел Абхазии Ломинадзе отдал распоряжение и Прунчаку сделали переливание крови, спасли жизнь. Кровь дал один из милиционеров.

Теперь Ломинадзе, стоя у решетки под винтовочными стволами, говорил: "Прунчак, если бы мы хотели тебя убрать, задержали бы переливание крови. И все. Обещаю, если вы сложите оружие и разойдетесь по камерам, за этот случай вас не привлекут к ответственности".

В ответ - крики, мат. И новые требования.

Сразу после прилета в Сухуми и проведенной рекогносцировки "Альфа" стала прорабатывать варианты штурма изолятора и освобождения заложников.

Михаил КАРТОФЕЛЬНИКОВ, сотрудник группы "А", участник операции в Сухуми:

- Когда преступники оказались хозяевами в изоляторе, они стали все ломать, крушить, рвать сигнализацию. Нашли свои уголовные дела, стали читать, выявили нескольких стукачей, ну и, наконец, добрались до комнаты с оружием.

Уже в самолете мы стали составлять план действий. Оружия у них было более чем достаточно - пистолеты Макарова, Марголина, ТТ, винтовки. Много боеприпасов. Тут войну вести можно. Потому каждый из нас спрашивал себя: как быть?

В городе их брать невозможно, могут пострадать тысячи мирных граждан. А бандиты требовали предоставить БТР, чтобы уйти в горы. Значит, в горах придется атаковать бронетранспортер. Это бы ладно, но есть другая опасность: прорываться в горы бандиты станут через город. Кто знает, что взбредет в их лихие головы, когда в руках окажется мощная боевая машина.

Местные органы предложить ничего не могли, у них не хватало сил. Три дня они выжидали, старались не выносить сор из избы, только куда уж там: пришлось обратиться в Москву.

Выходит, "альфовцы" могли рассчитывать только на себя. А требования бандитов постепенно менялись. Кто-то из них соглашался уезжать, кто-то отказывался, количество людей называлось разное. Сначала требовали автобус, потом уже вертолет. Его посадили на площади Ленина, недалеко. В изоляторе был слышен шум винтов. Те говорят: покажите экипаж. К изолятору пришли пилоты. Тут же требование - один из летчиков должен остаться заложником. На это мы не согласились.

Вскоре они отказались от бронетранспортера. Видимо, поняли, что горные дороги трудные, запас хода БТРа небольшой, могут подбить и взять.

Михаил МАКСИМОВ, сотрудник группы "А": - Считаю, что самое удачное изобретение "Альфа" сделала в Сухуми. Буквально за один день нашли и разработали новый тактический прием. На одном из этапов переговоров бандиты отказались от БТРа. Значит, передвигаться они будут в автобусе или "Рафике".

На этот случай есть хорошо отработанный прием, во всем мире его называют "прием лопатки". Разбиваются окна автобуса, ставится трап и по нему бойцы спецподразделения врываются в салон. Но тут была иная обстановка: пока мы схватим террористов, они убьют заложников. Значит, надежный, проверенный вариант тут не годился.

У омздоновцев есть прием, когда в машине прячут специальную взрывчатку и, к примеру, в момент остановки у нее направленным взрывом отрывает колеса. Для

нас этот прием не подходил, но натолкнул на мысль: начинить пиротехникой "Раф", который будет предложен бандитам. Снаряжали его всю ночь.

Дополнительное отвлекающее взрывное устройство было заложено во дворе изолятора.

М. КАРТОФЕЛЬНИКОВ:

- Подогнали "Рафик". Бандиты долго выясняли отношения, орали, ругались. Вспыхнула драка. Видимо, решали - кому ехать. Потом внутри помещения началась стрельба. Как выяснилось позже, они опробовали оружие, приводили его в боевое состояние.

Выпустили "шестерку". Тот внимательно осмотрел "Раф". Не понравилось, что нет шторок. Ладно, повесили шторки.

И вот, наконец, десять отъявленных преступников, большинство убийцы Прунчак, Дзидзария, Петухов, Ахвледзани, Малов, Бигвава и другие, натянув на головы чулки с прорезями для глаз, прихватив с собой Козмаву и Нижерадзе (тоже в масках), с рюкзаками и с оружием, вышли из дверей изолятора.

Снайперы оказались парализованными: в кого стрелять, где бандиты, а где заложники? Однако на них особенно и не рассчитывали - достаточно того, что они вели наблюдение за террористами и были готовы в любую минуту открыть огонь.

Тут произошла небольшая накладка. Взрыв в "Рафе" должен произойти, как только бандиты его заведут, но вот он катится уже метров десять на выезд из ворот, а взрыва нет.

Представляете состояние некоторых генералов, которые как раз и боялись этого. Еще десяток-другой метров и преступники на свободе. Конечно, даже в том случае, если бы пиротехника не сработала, машина с бандитами на улицу не вырвалась бы - ворота перекрыл бронетранспортер.

М. МАКСИМОВ:

- По расчету мы начинали одновременно. Нас было три группы - первая действовала на "Рафике", вторая проникала через люк с четвертого на третий этаж, еще одна группа взрывала боковую дверь изолятора.

Для нашей группы сложность состояла в том, что люк, через который предстояло спуститься на "оккупированный" этаж, мы не видели. Он находился под паркетом. Определили примерное его месторасположение, но вскрывать паркет не могли: боялись выдать себя шумом.

Что касается двери, то там возникли свои проблемы. Рядом с дверью, метрах в двух-трех - цементный забор. Дверь взорвать не проблема - опасна ударная волна. Надо было так рассчитать силу взрыва, чтобы и дверь убрать с дороги, и самим остаться в живых. Не колотить же кувалдой, как это делала группа захвата в Санкт-Петербургских "Крестах".

Хотя в "Крестах" двери - не чета советским, сухумским. Бандиты надавили плечами - вывалилась стальная перегородка, отделяющая камерный блок от остальных помещений. Боковые штыри перегородки не были даже закрепленными в кирпичных гнездах. Окажись перегородка покрепче, так бы и остались преступники на первом этаже, не прорвались к оружию. Если бы да кабы...

В тот день, перед штурмом, мы пригласили к себе прораба, который строил изолятор. Он посмотрел на тротилловые шашки и откровенно предупредил: "Осторожно, ребята! Строили изолятор кое-как, материалы тащили, воровали. Балки перекрытия лежат на "честном слове". Рванете упадет наша тюрьма." Ладно, хоть нашел мужество признаться.

После его слов подошел Карпухин, снял одну тротилловую шашку с центра люка.

М. КАРТОФЕЛЬНИКОВ:

- "Рафик" подогнали почти вплотную к дверям. Всем трем подгруппам, которые брали его, надо было бежать примерно одинаковое расстояние. Но он выкатился вперед. Мы стали стрелять по колесам. По салону вести огонь нельзя. Террористы сидели с заложниками вперемешку.

Моя подгруппа штурмовала машину сзади. Пока преодолевали расстояние из засады к "Рафу", бандиты успели выпустить в нас 20 пуль.

Мы выбили заднее стекло. Рукояткой пистолета я "вырубил" ближнего бандита, второго схватил за шиворот и вытащил. А преступник оказался мощный, ростом под метр восемьдесят. Потом ребята удивлялись: как ты смог такого борова выволочь?

Где у него только не было оружия: за пазухой, в карманах, за поясом.

При штурме ранили Игоря Орехова. Когда он навалился на бандита, Прунчак, сидевший на переднем сидении, выстрелил. Пуля попала в незащищенную часть шеи между каской и бронежилетом, пробила шею. Счастье, что террорист стрелял из малокалиберного пистолета Марголина, а не из Макарова или ТТ.

Ну и как всегда, рядом не оказалось врача. Как снять боль? Ребята из местного КГБ бутылку коньяку притащили. Принял Игорь, тут и "скорая" подоспела. Так Орехов отпраздновал свой день рождения. Признаюсь, что и я в тот день выкурил несколько сигарет, хотя никогда в жизни не курил. Как-то совсем не весело, когда в упор по тебе палят из пистолетов...

М. МАКСИМОВ:

- Когда у самых ворот "взорвался" "Рафик", мы тут же подорвали и люк. Снизу он, оказывается, был еще закрыт на засов. Крышка люка вылетела, но засов остался, разделяя люк на две части.

Боец ОМЗДОНа все рвался к люку. Я его удерживал, так как преступники снизу стреляли. Одним выстрелом он был легко ранен в ногу. Я отвел его в сторону, бросил в люк шумовую гранату и спустился вниз на канате. Оказался в комнате, где прежде хранилось оружие. Бандиты уже сбежали отсюда, дверь заперли. Пришлось взрывать дверь, прорываться дальше.

На пути ребят, которые штурмовали этаж через дверь уголовники устроили баррикаду, открыли огонь.

Штурмующие на огонь не отвечали. Они применили так называемое "психологическое оружие". Что это за оружие, разъяснять пока не станем. Скажу только - достаточно было одного выстрела, чтобы бандиты сдались.

На следующее утро бойцы "Альфы" пришли к морю. Как были в поту и в грязи, так и пришли: отмыться, полежать на солнышке. Загорающие догадались: "Это ребята, штурмовавшие изолятор!" Окружили, обступили, с улыбками, с поздравлениями. Кто-то позавидовал: "Наверное, за такую работу кучу денег получите!"

"Альфовцы" смущенно улыбались: они-то знали, их зарплата рассмешила бы любого абхазца или грузина. Но восхищение подкупало.

Кто-то уже протягивал им арбузы, дыни, цветы. Расталкивая обступивших, пробился через толпу высокий усатый грузин. Опустил на песок ящик, раскрыл объятия:

- Генацвале! Родные мои! Для вас вино, настоящее кахетинское! Вино и вправду было отменное.

Вильнюс. Ночь с 12 на 13 января 1991 года. В город введены войска, штурмом взяты телецентр, телевизионная вышка. Есть убитые и раненые, как среди штурмующих, так и среди защитников.

Газеты ту ночь нарекли "кровавой". Борис Ельцин сказал, что "это начало мощного наступления на демократию". Группа народных депутатов СССР, обращаясь с воззванием "Мы с вами, братья", назвала все происшедшее "черным днем в истории Литвы". Председатели Верховных Советов Латвии, Литвы, Эстонии и России подписывают обращение к Генеральному секретарю ООН с предложением немедленно созвать международную конференцию по урегулированию проблем балтийских государств.

Вильнюсская ночь тяжела для всех. В Вильнюсе крепко завязался узел противоречий экономического, межнационального, военного характера. Наверное, когда-нибудь об этом "узле" напишут книги, попытаются исследовать события глубоко и беспристрастно. Нет необходимости сейчас вдаваться в исследование причин трагедии, но следует попытаться разгадать загадки тех трагических дней, определить в них роль и место "Альфы".

Сразу хочется однозначно и честно расставить все точки над "1". Антитеррористическое, секретное подразделение 7-го управления КГБ СССР, именуемое официально группа "А", принимало самое непосредственное участие во взятии трех объектов Вильнюса - комитета по телевидению и радиовещанию, телевизионной приемопередающей вышки и радиопередающего центра.

Всего в столицу Литвы выезжало 67 сотрудников. В среднем на каждый объект шло по двадцать с небольшим человек. Не было у "Альфы" ни мифических танков, о которых так много писали в газетах, ни бронетранспортеров, ни боевых машин пехоты, ни сверхсекретного, страшной силы оружия. Танки были подтянуты позже, когда телецентр пал, и принадлежали они армейским подразделениям, но никак не "Альфе".

Не соответствует действительности и утверждение корреспондентов "Комсомольской правды", которые, оказывается, "установили", что боевые дружины якобы поддерживались спецподразделением 7-го управления КГБ СССР по борьбе с терроризмом. "И эти дружины прорвались к телебашне, телецентру..."

Хочешь не хочешь, а выходит, что бойцы "Альфы" поставили перед собой рабочих, офицеров военных училищ (утверждалось, что из них составлялись дружины), отставных военнослужащих, и пошли за их спинами. Заведомая чепуха.

Как же было на самом деле?

В поиске истины нам поможет документ - отчет спецгруппы "А" о действиях в январе 1991 года в Вильнюсе, опубликованный сначала в литовском еженедельнике "Гимтасис краштак" ("Родной край"), а потом в "Независимой газете". Как попал секретный отчет в открытую печать остается загадкой. Хотя какой бы секретности ни был документ, он проходит десятки рук, и в самой группе, и в комитете. В

"Альфе" считают, что его продали за кругленькую сумму, как в свое время продали секретные сведения о прибытии подразделения в Литву.

Однако даже в наши дни не так уж часто идут с "аукциона" совершенно секретные тайны, и в папках с грифом "Секретно" хранится, как правило, правда о делах минувших. Именно поэтому всегда и существует тяга к документам секретной важности - они не лгут.

Из секретного отчета группы "А".

"7 января 1991 года сотрудники группы: заместитель начальника группы "А" подполковник Головатов М. В., начальник 4-го отделения майор Мирошниченко А. И старший оперуполномоченный 1-го отделения капитан Орехов И. В. находились в командировке в г. Вильнюсе для проведения рекогносцировки и других подготовительных мероприятий по планированию чекистско-войсковой операции с участием сотрудников группы "А".

11 января 1991 года в 17 час. 30 мин. в соответствии с решением руководства КГБ СССР в подразделении была объявлена боевая тревога и в 20 час. 00 мин. 65 сотрудников во главе с начальником 3-го отделения подполковником Чудесновым Е. Н. выехали в аэропорт Внуково. На двух самолетах (бортовые номера 65994 и 65998) в 21 час. 30 мин. сотрудники группы "А" вылетели в Вильнюс, прибыли туда в 23 час.00 мин. (время московское, далее указано местное время).

В г. Вильнюсе группу сотрудников возглавил зам. начальника группы "А" подполковник Головатов М. В.

В соответствии с разработанным оперативным штабом КГБ Литвы и Прибалтийским военным округом МО СССР планом, исходя из складывающейся критической политической обстановки в республике, перед сотрудниками Министерства обороны и МВД СССР была поставлена задача по деблокированию ряда объектов, недопущению вывода их из строя сторонниками движения "Саюдис", прекращения вещания провокационных и подстрекательских теле- и радиопередач и взятия этих объектов под охрану ВВ МВД СССР.

Объектами были определены следующие государственные учреждения: объект N 1 - комитет по радиовещанию и телевидению, объект N 2 телевизионная приемопередающая вышка, объект N 3 - радиопередающий центр".

В последнее время перед вильнюсскими событиями группа изрядно помоталась по командировкам. Постоянно 100-150 бойцов спецподразделения выезжали в районы межнациональных конфликтов - в города Степанакерт, Ереван, Баку, Тбилиси, Кишинев, Душанбе. На их глазах разваливалась страна, махровый национализм набирал силу, экстремисты раздували пламя гражданской войны.

Огромные усилия, сложная оперативная работа порой сводились на нет бездумными действиями политиков.

Люди устали...

Особенно напряженным выдался 1990 год. Кроме командировок в горячие точки страны "Альфа" включилась в борьбу с организованной преступностью участвовала в задержании бандитов-вымогателей в Москве и других городах страны. Были подготовлены и проведены 12 труднейших операций, изъято большое количество ценностей, холодное и огнестрельное оружие.

В мае 1990 года "Альфа" разработала и провела операцию "Капкан" по задержанию продавцов и скупщиков оружия. В августе брали вооруженную банду "Серого" в Ереване. В перестрелке было убито 3 бандита, 2 ранено, 6 задержаны. В том же месяце штурмовали сухумский изолятор со взбунтовавшимися преступниками, брали террористов-угонщиков, захвативших самолет в Ташкенте. Навоевались вдоволь. И если кто-то считает, будто в тот январский день, получив приказ о вылете в Вильнюс, в "Альфе" радостно потирали руки и рвались в бой, то он ошибается. Сам Михаил Головатов, которому предстояло руководить группой в

Литве, горестно развел руками: "Не знаю, что и сказать, мужики. Все-таки нас туда посылают". До конца не верили, что это случится. Но вот случилось.

Из секретного отчета группы "А".

"После принятия инстанциями решения о проведении операции в ночь с 12-го на 13 января, был произведен боевой расчет сил и средств сотрудников группы "А", им в оперативное подчинение передавались силы 234-го полка 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии МО СССР и сотрудники ОМОНа МВД Литвы.

В 23 часа 00 мин. подполкоиником Головатовым М. В. проведен инструктаж с сотрудниками группы "А" по расстановке сил и средств, взаимодействию с военнослужащими СА и МВД Литвы, по организации и поддержке связи. Было обращено внимание на неприменение стрелкового оружия и определен порядок использования спецсредств, о недопущении жертв со стороны населения".

...По замыслу руководства танки должны были расчистить путь для движения колонн, подразделения МВД и ВДВ - оттеснить от объектов людей и обеспечить коридор для "Альфы". Ничего подобного не случилось. Танки и десантники опоздали на 40 минут.

Теперь представьте себе состояние человека, будь он трижды супермен, оказавшегося перед лицом многотысячной, разъяренной толпы. Примерно то же чувствовали 25 бойцов группы, когда покинули машины у телецентра.

Евгений ЧУДЕСНОЕ:

- Едем ночью, кругом полно народу, а возле телецентра - огромная толпа, тысяч пять-шесть. Смотрю, проскакиваем мимо. Ну, думаю, слава Богу, дали "отбой". Нашелся-таки умный мужик, глянул, сколько людей, и решил не рисковать.

Оказывается, нет. Развернулись и опять к телецентру. На первой машине ехал Олег Тонков из моего отделения. Вижу, они выскакивают, имитационную гранату бросают - и вперед. До сих пор не могу представить, как мы туда проскочили.

Михаил МАКСИМОВ:

- Перед нами ехали две машины, то ли с ОМОНОм, то ли с военными. "Просвистели" вперед метров на триста и замерли, стоят. Вот вам и коридор, и прикрытие. Но делать нечего - бросились к телецентру, начали пробиваться. Били нас крепко, мы тоже отмахивались прикладами. Останавливаться нельзя: разорвут в клочки.

Как ни старались идти вместе, растащили по одному. Перед зданием высокий парапет, хорошо освещенный. Вот тут, когда мы оказались на свету, в нас начали стрелять. Смотрели потом, парапет в пулевых выбоинах. И место, откуда саудисты стреляли, нашли - нагар остался на раме окна.

Из секретного отчета группы "А". "Оперативная обстановка характеризовалась следующим образом. Вокруг объектов несли круглосуточное дежурство толпы

людей (в ночь на 13.01.91 г. доходившие до 5-6 тысяч человек), агрессивно настроенных и возбужденных постоянными заявлениями представителей "Саюдиса", дороги были блокированы грузовиками, автобусами и легковыми автомобилями. Здания теле- и радицентра, телевышки оказались подготовленными на случай попытки их захвата, усилена охрана милиционерами города и сотрудниками службы безопасности "Скучиса", имеющими пистолеты и автоматическое оружие. В большом количестве были подготовлены камни, дубинки, "заточки", бутылки с бензином, приведены в готовность противопожарные системы и брандспойты. Не исключено, что имели оружие и лица, окружавшие объекты".

Из такого оружия и был убит лейтенант Виктор Шатских. Пуля вошла в спину снизу вверх, пробив бронезилет. Выстрел сделали с короткого расстояния, видимо, в тот момент, когда боец "Альфы" попал в полосу света, вскочив на парапет. Он еще пробежал коридором первого этажа метров шестьдесят и у самой лестницы сказал Чудеснову: "Евгений Николаевич, что-то у меня спину печет"...

Начальник отделения приказал его перевязать, а сам бросился на второй этаж. Чудеснов даже не мог представить, что у Шатского огнестрельная рана, думал, пикой кольнули, ножом порезали. Когда проделывали коридор, он сам видел у людей отточенные металлические пики на древках знамен.

Не успев подняться на этаж, услышал, что снизу звали. Спустился, Шатского раздели, в спине страшная рана. Жизнь уже едва теплилась в могучем теле лейтенанта.

Семье Виктора предстояло пережить не только утрату родного человека, но и ложь, грязную клевету, дикие вымыслы, связанные с его смертью. От него, в первые дни после гибели откажется Комитет госбезопасности, тот, в котором отец его, полковник, работал четверть века, а мать - двадцать два года. В газетах напишут: о десаннике Викторе Шитновиче, офицере внутренних войск Владимире Шацком, командире взвода Псковской дивизии ВДВ Викторе Шатских. И только через неделю КГБ признается: наш был лейтенант.

То, что станет с именем сотрудника "Альфы" Виктора Шатских уже потом, после похорон, чудовищно. Иначе не назовешь.

Вот лишь одна цитата из публикации санкт-петербургского историка Игоря Бунича "Кейс Президента":

"...Шеф КГБ Крючков принимает решение послать в Вильнюс спецкоманду "Альфа" - по сути, отряд профессиональных убийц.

11 января группа "Альфа", переодетая в форму внутренних войск, прибыла на военный аэродром под Вильнюсом. Карпухин объявил задачу: необходимо захватить телецентр, а затем и здание парламента. Генерал-полковник Кузьмин согласился только "содействовать", а затем взять "объекты" под охрану...

"Ладно, содействуйте. Обойдемся без вас", - решает Карпухин и предупреждает своих людей, что здания телецентра и парламента оцеплены вооруженными боевиками "Саюдиса". Предполагается "бакинский вариант". Карпухин не видит на лицах вымуштрованных исполнителей особого восторга. Мало того, происходит неслыханное - лейтенант Шатских решительно отказывается принимать участие в акции, связанной с убийством людей. Такого еще не бывало за всю историю существования группы "Альфа", хотя инструкции предусматривали эту возможность: единственным выходом из подобной ситуации был расстрел ослушника на месте. Выполнив инструкцию, Карпухин в душе остался даже доволен - труп лейтенанта Шатских было решено подкинуть к зданию телецентра в качестве доказательства существования вооруженных боевиков".

Эти строки я перечитал десятки раз, отнес газету в "Альфу", показал многим из той группы, что выезжала в Вильнюс. Смелые, мужественные люди, не раз шедшие под пули террористов, прикрывавшие собой заложников, мастера спорта, борцы и боксеры, побеждавшие на ковре и в жизни, были бессильны перед ложью. Они растерянно листали газету со статьей Бунича и не верили своим глазам.

Что касается отряда "профессиональных убийц", то прочитавшие эту книгу, думаю, по достоинству оценят заявления лжеисторика.

Если же говорить о Карпухине, темперамент которого ярко живописует автор, то Виктор Федорович вообще не был в Вильнюсе. Это подтверждено документами КГБ, приказами начальника группы "А", которые он подписывал в Москве с 7-го по 14 января, пока 67 сотрудников находились в Прибалтике, да и оставшиеся в центре бойцы видели всю неделю своего командира на службе. Свидетелей десятки.

Но ни свидетели, ни истинные свидетельства Буничу не были нужны, как, впрочем, и сама истина. Ведь если уж и создавать портрет "убийц-профи", то кто же ими должен командовать? Знамо дело, страшный кровожадный убийца, который "расстрелял на месте" одного из самых близких ему людей - сына своего друга. Давнего друга, еще с лейтенантских времен, с тех пор, когда они вместе, молодыми офицерами, служили в пограничном училище. Потом Карпухин ушел в "Альфу", а Виктор Алексеевич Шатских остался в училище, был курсовым офицером, закончил академию, перешел на кафедру общевойсковых дисциплин, преподавал тактику.

Служили они в разных местах, но по-прежнему крепко дружили. Карпухины часто бывали гостями Шатских. Тут-то впервые, сидя на коленях у "дяди Вити", и услышал Виктор это загадочное слово "Альфа". И про самолеты услышал, которые они освобождали и про друзей "дяди Вити", снайперов, каратистов, вообще настоящих мужчин.

Теперь уже не трудно догадаться о юношеской мечте Виктора: "Альфа" стала звездой его судьбы, все в жизни было подчинено одному - попасть в группу. А попав, Виктор стремился стать настоящим бойцом.

Выезжая на операции, "старички" всегда придерживали горячую молодежь. Так и Шатских: раз оставили "на хозяйстве", другой. На третий он сам пришел к Карпухину: "Виктор Федорович! Хочу работать. Если папа и мама дали ценное указание - меня беречь, то так не пойдет".

Пришлось включить его в боевой расчет.

Е. ЧУДЕСНОВ, командир отделения, говорит В. Шатских: - Он немного прослужил в моем подразделении, но мы с ним побывали уже в Ереване. Там частые боевые тревоги, засады. Виктор вместе с нами ходил на захват матерого главаря крупной банды и не дрогнул. Приказы, команды всегда выполнял четко.

Конечно, на первые задания молодежь шла с "круглыми глазами", многие волновались. Так ведь мы на пулю шли, все объяснимо.

Он рвался в дело. Как-то сказал мне: "Мы, конечно, многого не умеем, но так и не научимся, если постоянно тормозить нас будете".

В Вильнюсе жили на призывном пункте. Помню, днем, накануне штурма, в баскетбол играли. Оказывается, Виктор здорово играл. Его все пытались отодвинуть, но наше третье отделение выиграло. А вечером поступила команда: срочно прибыть в Северный городок. Приехали, подогнали бронезилеты, каски, рации проверили. Произвели боевой расчет: кто куда идет, какую дверь открывает. Задача была: войти, отключить аппаратуру и сдать все под охрану десанникам.

...Пошли. Все, до единого. И не было там никаких истерик и отказов выполнять приказ. Бунич пишет: "Лейтенант Шатских решительно отказывается принимать участие в акции, связанной с убийством людей". Надо быть идиотом, чтобы сегодня отдать приказ: "Иди и убивай". Не было такого приказа и не могло быть. Если бы кому-то хотелось побольше убить "непокорных" литовцев, то не надо было привлекать спецподразделение, хватило бы нескольких автоматчиков. Не трудно представить, что значат тридцать-сорок человек с пулеметами или автоматами перед тысячами людей, стоящими плечом к плечу. Игорь Бунич пишет: "Ночью 13 января группа "Альфа", убив 13 человек, захватила телецентр в Вильнюсе".

Что же это за бойцы спецподразделения, которые, стреляя в толпу из автоматов, "убили 13 человек!" Еще раз подчеркнем: стреляли из автоматов, в упор, по толпе!..

Нет, "Альфа" в народ не стреляла. Помните, мы говорили: бойцы даже в преступников стреляют в крайнем случае. Потому что думает прежде всего о последствиях каждого выстрела.

Из секретного отчета группы "Альфа".

"Лишь восемь сотрудников из группы подполковника Е.Н. Чудеснова проникли на 2-й этаж телецентра, прервали передачу из центральной аппаратной.

В помещении телевышки сотрудники столкнулись с организованным сопротивлением со стороны охраны "Скучиса". Охрана пустила в ход брандспойты с холодной водой, раздавались хлопки выстрелов. Двери и лестницы оказались забаррикадированными мебелью и различными устройствами.

Против сотрудников были использованы дубинки, "заточки", тяжелые бытовые предметы. Все, кто был в здании телецентра, одели противогазы. На первом этаже обнаружены бутылки с бензином. Все лифты оказались отключенными.

Отступив на второй этаж, охрана включила противопожарную систему и в помещения под давлением стал подаваться газ фреон.

Общее руководство операцией осуществлял подполковник Головатов М. В."

М. МАКСИМОВ:

- Внутрь "влетели" мгновенно, милицию обезоружили. Они стоят, глазами хлопают. Командую: "Сдать оружие!" Вижу, милиционеры в шоке. Пришлось объяснять: "Ребята, я понимаю, что значит сдать оружие, сам человек военный. Но у меня есть приказ. А теперь будьте благоразумны, выйдите к толпе и попытайтесь ее сдержать".

Они действительно вышли и сдерживали народ. И все-таки разъяренные люди ворвались на первый этаж. Самое страшное - агрессивная молодежь. Все пьяные. А нас перед ними пять человек.

Я был сверху, слышу - зовут, нужна помощь. Спустился, а у меня две имитационные гранаты и больше ничего. Вытаскиваю одну из них, предупреждаю: "Если вы не выйдете, бросаю". Провокаторы за спинами кричат: "Не бойтесь, он не бросит, он врет. У них холостые патроны, это взрывпакет!" И ведь знали и про холостые патроны, и про взрывпакет, только почему-то потом газетчики говорили совсем другое. Мол, боевыми мы в них стреляли.

В общем, бросил я эту имитационную гранату. От нее сильная вспышка и дым, немножко пугает. Пока толпа замешкалась, мы выдавили ее из здания. На выходе меня сфотографировали, потом мой портрет висел у Дома правительства: приговорен к смерти.

М. КАРТОФЕЛЬНИКОВ

- Когда мы вошли в здание телебашни, ее защитники перед внутренней лестницей выстроили баррикаду. Ручки кресел сцепили так, что растащить невозможно. Телефон, свет отключили.

Первые две группы побежали вверх, а я задержался внизу. Вдруг два оглушительных взрыва, видимо, бомбы-самоделки. Саша Евдокимов оглох, меня взрывной волной ударило о стену.

Под утро, когда мы покидали центр, в нашу сторону велся сильный автоматный огонь. Решили в "броню" ехать, вызвали бронетранспортеры. И правильно

сделали. Проезжая под мостом в Северный городок, подверглись нападению: на один из бронетранспортеров обрушили бетонную глыбу.

На провокации мы не отвечали.

Из секретного отчета группы "А".

"После выполнения задания, обе группы в 03 часа 30 мин. возвратились в расположение войсковой части 22238.

На обратном пути колонну обстреляли из автоматического оружия, один из БТРов пытались поджечь."

Игорь Бунич утверждает иное. "Передав охрану телецентра десантникам, боевики бросились к парламенту, где их ждал сюрприз, и весьма неприятный. Здание парламента по призыву Президента Литвы Ландсбергиса окружили десятки тысяч людей. Становилось ясно, что без армии здесь не справиться...

Карпужин (вот уж воистину - раздвоение личности! - М. Б.) бросился к коменданту города просить батальон десантников. Но доведенный уже до истерики генерал-полковник Кузьмин заорал на коменданта, требуя немедленно убрать боевую технику с улиц города. Операция провалилась."

Да нет, не провалилась. Если брать именно военную сторону, то операция прошла успешно. Задачу, которая ставилась перед "Альфой", группа выполнила. Крохотной горсткой людей она пробилась через многотысячную толпу и отключила аппаратуру.

Однако возникает вопрос: ради чего парни рисковали собой? Ради каких высоких целей погиб молодой лейтенант Виктор Шатских? Кто в конце концов отдал приказ устроить грандиозную провокацию и бросить "Альфу" в вильнюсское пекло?

На эти вопросы доселе ответов нет. Ни один из высоких руководителей не взял на себя ответственность. Как повторял сатирик Михаил Жванецкий: "Совсем не выговариваются слова: я вами руководил, я отвечаю за все".

Снова хочется "бросить взгляд за океан", послушать полковника Чарльза Беквита. Вот что он рассказывает о совещании в Белом доме 16 апреля 1980 года, накануне операции в Иране "Пустыня-1" по освобождению американских заложников.

"...После того как совещание закончилось, все встали. Президент Картер обратился ко мне:

- Мне бы хотелось увидеться с вами, полковник Беквит, перед вашим уходом.

В кабинете было очень тихо. Президент подошел ко мне.

- Я хочу попросить вас сделать для меня два одолжения.

- Сэр, все, что от вас требуется, это назвать их.

- Во-первых, мне бы хотелось, чтобы перед вылетом в Иран, вы собрали всех ваших людей. Во-вторых, передайте им мое послание. Скажите, что в случае провала операции, все равно по каким причинам, виноват в этом буду я, а не они".

Ну как тут в очередной раз не позавидовать американцам. Прекрасные слова сказал Президент. Он посылает людей на смертельно опасное дело - он берет на себя всю полноту ответственности.

Как бы хотелось "Альфе" утром 14-го нечто подобное услышать из уст своего Президента. Но М. С. Горбачев сказал, что узнал о случившемся только рано утром. Сообщение о трагедии, оказывается, застало его врасплох.

... Пройдет несколько дней и альфовцы похоронят своего боевого товарища. Им будет о чем подумать у его могилы...

До августа 1991-го оставалось полгода. И кто знает, не лейтенант ли Шатских своей трагической смертью спас жизнь Президента России Бориса Ельцина?

Август перевалил за середину, а генерал Виктор Федорович Карпухин так и не выбрал время съездить к отцу. Батя жил на даче, звал к себе хоть на денек-другой. А сын... "Непутевый сын", - подумал про себя Виктор Федорович и решил: завтра, в субботу, хоть камнепад с неба, он едет к старику.

Ведь ждет его отец! Будет слушать, склонив седую голову. Виктор Федорович недавно вернулся из Карабаха: эх, что видел-перевидел, стоит ли травмировать отцовское сердце? Но ведь ничего не поделаешь - придется рассказывать, разволнуется батя. Да какое уж тут спокойствие, когда в мирное время гибнут люди.

Виктор понимал, как горько будет слышать все это отцу. Так же горько рассказывать сыну.

"За что ж мы воевали, за что? - в который раз будет спрашивать отец. - Чтоб все вот так пошло прахом?"

Тяжко ему, фронтовику, полковнику в отставке Федору Карпухину, который встретил войну в первый ее страшный день у города

Стрый на Львовщине, глядеть на то, что творится в стране. Отец никогда ни в чем не упрекал Виктора. Да и в чем упрекать: сын-то, отцовская гордость, - генерал, командует орлами, которые и в огонь и в воду... И сам Виктор в огне бывал, под пулями, смерти в лицо заглядывал. И все же, все же, все же...

На них, сорокалетних, разве нет вины за то, что творится сегодня в стране? Думал над этим Карпухин-младший, думал...

Ну в чем, собственно, его, Виктора Карпухина, генерала КГБ, начальника антитеррористического подразделения вина?

Вырос в гарнизонах - на чемоданах, на коробках, на скрипучей солдатской кровати с инвентарными хозномерами. Иного не знал, не ведал. Рано научился стрелять, водить мотоцикл. Хлебал щи да кашу из солдатского котелка.

Помнит: все в семье было подчинено интересам отцовской службы. И годы вынужденной безработицы для матери, и двенадцать школ, которые сменил он за десять лет учебы. Перед ним никогда не стояло проблемы - с кого делать жизнь? Конечно, с отца. И Виктор закончил Ташкентское танковое училище с золотой медалью. Волей судьбы единственный из выпуска попал в КГБ. Приехал в Москву, получил распределение в пограничное училище. Служил командиром взвода, роты. Получил основательную практическую подготовку.

В те годы пограничные войска интенсивно комплектовались техникой, боевыми машинами, приходилось мотаться по военным заводам, получать танки, бронетранспортеры, осваивать их, обучать курсантов.

Несмотря на занятость, Виктор Федорович закончил пединститут. Как иначе: подчиненных в роте 300 человек. Хочешь не хочешь, надо быть педагогом.

С группой "А", с первым командиром этой группы Героем Советского Союза Виктором Бубениным их свела жизнь на танкодроме пограничного училища. "Альфовцы" учились водить боевую технику. Карпухин помогал им, консультировал, учил. И признаться, не подозревал, что майор Бубенин давно приглядывался к нему.

"Альфе" нужны были люди, знающие технику. Так он стал бойцом группы антитеррора. Карпухину казалось, что после рутинной казарменной жизни бесконечных подъемов и отбоев, учений, занятий, вождений - его ждет полная романтики жизнь. Но увы, опять занятия, срочные вызовы, непрогнозируемые ситуации. И работа над собой - тяжелая, изнуряющая.

Крестил его огнем Афганистан. Как остался жив? Виктор сам потом не раз задумывался над этим. Все смешалось воедино: удача, военная смекалка, отменная подготовка и даже чудо, когда аминовский гвардеец расплосовал бы ему грудь автоматной очередью, но кончились у него патроны. Война. Жестокая, страшная, бессмысленная...

Вернулся он с той войны Героем. Дослужился до больших чинов, стал начальником группы, обогнал отца, вышел в генералы. Хотя старик любит подтрунивать над ним, мол, что у тебя за огневая мощь - автоматы, пистолеты, имитационные гранаты, то ли дело мой артиллерийский полк!

Виктору оставалось только согласиться: полк, да еще артиллерийский, и вправду сила. "Как-то будет завтра, - думал Карпухин, возвращаясь вечером домой, - снова станет хвалиться отец артмощью полка?"

"Завтра" началось для генерала Карпухина с раннего звонка дежурного по подразделению. Командира "Альфы" вызывал к себе начальник 7-го управления КГБ генерал-лейтенант Расцепов.

Карпухин в сердцах чертыхнулся. Вызов к Расщеповуне предвещал ничего хорошего. Пропадал день, опять откладывалась поездка к отцу. "Нет уж, черта с два, - твердо решил он, - если я остаюсь в Москве, все равно вырвусь к старику хоть на часок".

Карпухин ехал по Москве - от Парка культуры по Садовому кольцу гнал в центр, на Дзержинку, к зданию комитета. Машин было немного: суббота, август, время отпусков. Пытался угадать - зачем понадобился начальнику управления. В группе все в порядке, если эти бесконечные командировки в "горячие точки" можно назвать порядком. Стоп! А вот и ответ на вызов Расщепова. Во вчерашней сводке - информация о захвате заложников в Закавказье. Значит, опять Закавказье. Он попытался вспомнить подробности захвата, но подробностей вроде бы не было. Так просто, одна строчка в оперативке.

"Боже мой, раньше сообщение о захвате заложников ставило на уши КГБ, МВД, а теперь всего лишь строка в сводке. Короткая строчечка в несколько слов".

Он оставил машину в переулке и вошел в серое здание. Поднялся на нужный этаж, прошел мимо приемной председателя КГБ. Сюда в восьмидесятом году, после Афганистана, его, майора Карпухина, пригласил Андропов. Юрий Владимирович обладал удивительной способностью расположить к себе человека - не прошло и пяти минут, как Виктор Федорович напрочь забыл, что перед ним всемогущий министр госбезопасности, один из первых людей государства.

Андропов хотел знать истину. Генеральских докладов об Афганистане он наслушался вдоволь. Пригласил на беседу очевидца, кто шел в числе первых в атаку.

Странно, но ему до сих пор кажется, что никто потом, кому он рассказывал об Афганистане, о штурме дворца Амина, не слушал его более заинтересованно и внимательно, чем Андропов.

Карпухин еще не знал, что спустя некоторое время он вновь окажется в приемной председателя комитета. Только теперь его, боевого генерала, Героя Советского Союза, не только не соизволят выслушать, но даже, что называется, не пустят на порог.

Но пока он ничего не знал, он шел к своему начальнику, прикидывая, кому из бойцов группы предстоит командировка в Закавказье.

Однако Расщепов повел разговор совсем о другом. Он поинтересовался боеготовностью группы, количественным составом, нашел на карте Московской области военный аэродром "Чкаловский". Спросил, знает ли Карпухин расположение зданий и помещений аэродрома.

Признаться, Виктор Федорович таким вопросам не удивился. Президент России возвращался из поездки и сотрудников группы вполне могли привлечь к охране Ельцина.

Расщепов подтвердил догадку: оказывается, намечалась встреча руководителей Союза с Президентом России. Следовало усилить охрану.

Усилить так усилить. Карпухин по приказу начальника управления отправился в Министерство обороны, правда, предупредив Расщепова, что сегодня собирается загород. Расщепов не возражал, просил только постоянно быть на связи. Это еще раз утвердило Карпухина в мысли, что ничего серьезного не намечается. Иначе его бы никак не отпустили из Москвы.

В Министерстве обороны поставили задачу: подготовить группу в тридцать человек "для охраны предстоящего мероприятия". Уточнили: адрес встречи может измениться, не исключается, что переговоры пройдут либо во Внуково, либо в Архангельском. Какая это будет встреча, кто участвует в ней, имена, фамилии не назывались. Карпухин не спрашивал: за время работы в КГБ привык знать ровно столько, сколько положено.

Во второй половине дня он уехал за город, к отцу. Они встретились, поговорили. В воскресенье генерал возвратился, проверил готовность группы, выделенной для охраны. Встревожило то, что все руководство КГБ находилось на своих рабочих местах.

В 2 часа ночи Карпухина и начальника управления Расщепова вызвал к себе первый заместитель Председателя комитета Грушко. Вновь была подтверждена поставленная задача.

Возникает вполне логичный вопрос: какого черта двух генералов КГБ командира суперсекретного антитеррористического подразделения и начальника 7-го управления свои же руководители двое суток водили за нос? Но только ли их? Маршал Шапошников, которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к гкчепистам, вот как рассказывает о роковом заседании коллегии Министерства обороны утром 19 августа, где и было принято решение о введении войск в Москву: "Сидим и не понимаем: что делать, как быть? Да он (маршал Язов) и не дал, в общем, времени рассуждать. Язов говорил коротко, буквально 10-15 минут... Вышел, объявил, что Горбачев болен, завтра подписание Союзного договора, но в этой ситуации подписывать его нельзя. А чтобы успокоить людей, вводится чрезвычайное положение... Войска - в повышенную боевую готовность. Действуйте! Задавать вопросы он не позволил, да никто в общем и не стремился, будем говорить прямо..."

Вышли к машинам и разъехались. Больше ни слова. Боимся друг друга, ну что тут делать..."

Вот так, а ведь на коллегию собрались самые высокопоставленные военные чиновники страны: заместители Министра обороны, главнокомандующие видами Вооруженных Сил. А Язов и говорил-то с ними всего несколько минут. И - вопросов не задавать!

Примерно то же самое происходило и в высшем эшелоне КГБ. Напрасно кто-то думает, что с Карпухиным долго возились, уговаривали, агитировали. Приходилось встречаться с Виктором Федоровичем зимой 1991-го, через несколько месяцев после путча. Он говорил примерно то же, что и Шапошников: "Сидим и не понимаем..."

Но ночью с 18-го на 19 августа все вроде было ясно, действовали по заранее намеченному плану, который, кстати, не вызывал ни у кого особых подозрений. В 4 часа утра от Крюčkова поступила команда: выдвинуться в район дачного комплекса "Архангельское", при необходимости усилить посты охраны.

Карпухин отобрал 60 человек и выдвинулся. Остановились километрах в трех от поселка, ждали указаний.

С этих пор начинаются легенды и выдумки о подразделении "А", которые сегодня можно собрать в удивительную в своем роде книгу под названием "Сплетни о группе "Альфа".

Первая из этих сплетен была поистине сенсационной, она перетекала из газеты в газету, ее подтверждали весьма уважаемые люди, якобы сами бывшие очевидцами этого исторического события. Оказывается, "спецназовцы" (как нередко называют бойцов группы "А") опоздали арестовать Ельцина и его соратником на даче. Назывались даже драматические минуты, когда Борису Николаевичу удалось ускользнуть из лап КГБ.

Вот свидетельство Анатолия Собчака: "Едем быстро. Слава Богу, десантников уже нет. То ли поехали нас брать, то ли это другая группа захвата опоздала на усовскую дачу (как потом узнали мы, на 10 минут)".

Попытаемся выяснить истину. Сигнал "Сбор!" прозвучал на базе "Альфы" в 4 утра. Группа "А" - подразделение сверхмобильное, хорошо оснащенное, имеющее в своем составе высокопрофессиональных водителей. Они в городе, при загруженности дорог, способны передвигаться быстро и уверенно, а тут раннее утро, трассы практически пусты, до дачи Ельцина рукой подать всего 30 километров. Еще не было и пяти часов, когда подразделение заняло свой пост.

Видели они, как съезжались на дачу Хасбулатов, Силаев, Руцкой, Подторанин, Собчак, Лужков и другие. Могли бы задержать по одному? Вне всякого сомнения. Не задержали.

"В половине десятого, - говорил в одном из последующих интервью генерал Карпухин, - я выпустил из поселка кавалькаду российских правительственных машин: два ЗИЛа и две "Волги" охраны".

Значит, у командира "Альфы" на выполнение задачи было как минимум 4-4,5 часа. И он-таки умудрился опоздать на 10 минут? Сначала выпустил, а потом поехал арестовывать? Странно, не правда ли?

Интересна еще одна деталь. Уже упомянутый Анатолий Собчак говорит, что когда он в то утро вошел на дачу к Ельцину, то обмер: "В комнате все российское руководство. Хватит одного взвода спецназа на всю российскую государственность".

Собчак понял, а профессионал Карпухин с шестью десятками своих ребят так и не догадался прихлопнуть "российскую государственность". Можно ли в это поверить?

Словом, "Альфа" покинула Архангельское следом за двумя ЗИЛами и "Волгами", оставив в подкрепление ельцинской охране 15 человек.

Что было дальше? Даже если представить невероятное, будто, простояв у ворот дачи не один час, Карпухин прозевал выезд "российской государственности", то "Альфа" могла бы арестовать их, как говорил популярный киногерой, без шума и пыли, на дороге к шоссе, под мостом, где сделать это особенно удобно, да и прямо на автостраде к Москве... Бойцы группы натренированы так, что никто ничего бы и не заметил, невольные свидетели просто подумали бы, что какая-то из машин сломалась, а пассажиров пересадили в другую...

Но правда такова: правительственные ЗИЛы по дороге не ломались, и, как известно, Президент благополучно добрался до Белого дома.

А в Москву уже вошли танки. Город, по существу, находился на военном положении. На Краснопресненской набережной собирались люди, начинали строить баррикады. По радио и телевидению звучали заявления ГКЧП: "Горбачев болен, временно исполнение его обязанностей возложено на вице-президента Янаева".

Ельцин издал свои Указы, обратился к гражданам России, назвал действия ГКЧП переворотом.

Что ж, для России заговоры и перевороты не нове. За тысячелетнюю историю их было достаточно. Только за последние триста лет насчитывается десятка полтора. Тут и заговоры бояр Милославских против юного Петра 1, и гвардейцев, возведших на престол Елизавету Петровну, восстание декабристов и убийство Александра II народолюбцами, мятежи Корнилова против Временного правительства, левых эсеров против большевиков и, наконец, заговор группы Маленкова, Молотова, Кагановича, а потом и Брежнева с целью свержения Хрущева.

Дождалось "своего" заговора и нынешнее поколение. Путч продлился три дня и открыл, как писали газеты, новую эпоху. Пожалуй, это действительно так - редкий заговор в истории Отечества имел столь громкие последствия. Рухнул Союз, запретили коммунистическую партию, сократили и реорганизовали армию и КГБ...

Именно армия и КГБ - главные действующие лица переворота. Его станут называть по-разному - и государственным, и кремлевским, и опереточным. И все-таки окончательно он утвердился, как военный.

Отчего, например, не вице-президентский? Ведь во главе стоял законный вице-президент. Или не министерский? В ГКЧП входили сплошь министры, во главе со своим премьером.

Причин тут много. Все, кто оказался 19-21 августа в Москве, видели танки, боевые машины пехоты, солдат и офицеров с автоматами на улицах столицы.

Три человека попали под гусеницы армейских боевых машин. По существу, то было единственное за три дня и три ночи столкновение защитников Белого дома и армии. Столкновение нелепое и оттого еще более трагическое. Но оно состоялось. Таким образом, армия вновь оказалась у всех на виду. Была другая сила, которой постоянно пугали защитников Белого дома спецподразделение "Альфа". Это имя за три дня произносили много раз громко по радиотрансляционной сети и шепотом между собой, на баррикадах.

"Альфу" ждали. "Альфу" боялись. В этих чувствах напряженного ожидания и страха было все - слухи о крючковских "головорезах", неизвестность, досужие вымыслы и сплетни.

Но в "Альфе" понедельник 19 августа и последующая ночь прошли спокойно.

Утром следующего дня командира группы вызвал к себе Расщепов и они вместе прибыли к зампреду КГБ генералу Агееву. На совещании присутствовали начальники всех управлений комитета. Здесь впервые и прозвучал приказ: вместе с частями Советской Армии и МВД осуществить штурм здания российского парламента, интернировать российское правительство, Президента в специально оборудованные точки под Москвой.

Командиру "Альфы" дополнительно придавались другие спецподразделения КГБ и МВД: московский ОМОН, дивизия ОМЗДОНа. Приказы, как и прежде, отдавались устно. Карпухину вспомнился Вильнюс. Тогда "Альфа" тоже оказалась крайней.

Генерал Агеев, закрывая совещание, предупредил: следующий сбор в 14 часов в Минобороны.

О том совещании в интервью "Известиям" командующий ВДВ, а ныне министр обороны России генерал армии П. С. Грачев вспоминает так:

- 20 августа между четырнадцатью и пятнадцатью часами в кабинете заместителя МО СССР по экстремальным ситуациям генерала Ачалова состоялось совещание. Там были генералы Варенников, Калинин, Карпухин, много гражданских, которых я не знал. Обстановка была напряженной... Говорили: правительство России выступило против ГКЧП, переговоры с ним ни к чему не привели... Надо сделать так, чтобы признание состоялось. Была поставлена задача: оцепить здание парламента. Мне было сказано: десантников разместить в районе американского посольства, МВД размещалось на Кутузовском проспекте, а спецподразделение "Альфа" - на набережной. План был такой: МВД оттесняет людей от здания парламента, а в проход входит "Альфа" и штурмует здание.

Далее приводится весьма любопытный вопрос корреспондента:

- Как вел себя во время совещания командир "Альфы" генерал Карпухин?

- Активности с его стороны не было, - ответил Грачев. - На мой взгляд, он был даже пассивен и подавлен. Ночью перед штурмом парламента позвонил мне. До штурма осталось два часа. И говорит: "Звоню своему начальству, но никто не отвечает". "Где находишься?" - спросил я его. "В двух километрах от здания парламента России. Оценил обстановку и принял решение..." - Карпухин помолчал. Я тоже его не торопил. Потом он сказал: "Участвовать в штурме не буду". "Спасибо, - сказал я, - моих тоже нет уже на территории Москвы. И я больше шагу не сделаю..."

Итак, за два часа до времени "Ч" 21 августа командир "Альфы" принял решение: в штурме не участвовать. Между совещанием у Ачалова и звонком Грачеву прошло почти двенадцать часов. Возможно, самых драматичных часов в жизни "Альфы".

Человеку, далекому от армии или спецслужб, трудно представить, что такое приказ. В ту пору в уставах не существовало понятия "преступный приказ", но существовали сами приказы. Отказ же от выполнения даже такого приказа - воинское преступление, за которое каждый военнослужащий несет суровую ответственность, а в условиях чрезвычайного положения (оно, как известно, было введено распоряжением коменданта Москвы) неизбежно предстает перед трибуналом.

...Маршал Шапошников 20 августа, ближе к ночи, позвонил генерал-полковнику Грачеву:

- Ну что думаешь делать?

- У меня, - отвечает Грачев, - такое впечатление, что они на мне решили отыграться. Хотят, сволочи, чтобы я давал команды.

- А ты что? - спрашивает Шапошников.

- Я их пошлю... Команду не дам.

Далее Евгений Иванович приводит такой диалог:

- Ну хорошо, а сам что будешь делать?

- Подаю в отставку.

- Не примут, в период ЧП это сложное дело.

- Ну, - говорит Грачев, - застрелюсь к чертовой матери. С чего бы это генерал-полковнику, Герою Советского Союза в сорок три года, пускать себе пулю в лоб? Павел Сергеевич Грачев не из робкого десятка: десантник, мастер спорта, совершил не одну сотню прыжков с парашютом, дважды был в Афганистане - командовал полком, потом дивизией, и вдруг в мирное время такое заявление.

В том-то и дело, что невыполнение приказа для военного человека всегда очень тонкая грань между жизнью и смертью.

Да, защитники Белого дома люди сугубо гражданские, собравшиеся отстаивать любой ценой своего Президента и правительство, проявили большое мужество. Но у каждого из них был выбор - остаться или уйти. У людей с погонами в августе 1991 года такого выбора не было. Выполни приказ, пойдешь на штурм - преступник, откажешься выполнить - тоже преступник. Представим на минутку: гкчеписты продержались не три дня, а три недели. Трудно сказать, в каком положении оказались бы Шапошников и Грачев, а также десятки других офицеров армии и КГБ, не поддержавших путч. Возможно, им остался бы единственный выбор: или погибнуть от рук палача, или застрелиться.

Говорю об этом не для того, чтобы просто возвратиться к страшным минутам тех дней, но дабы понял читатель состояние души командира "Альфы" генерала Карпухина.

Сразу после августовских событий много писали о том, что "головорезы Крючкова", без сомнения, готовы были пойти на штурм и потопить в крови нарождающуюся российскую демократию. И только непонятное чудо спасло Белый дом.

Теперь же стали появляться публикации противоположного толка, мол, "Альфа", когда ей был дан приказ о штурме, напрочь отказалась идти. Называются фамилии тех, кто поднял "бунт на корабле", приводятся слова, на едином выдохе произнесенные сотрудниками подразделения: "Мы туда не пойдём!", и якобы ответ "бунтарей", офицеров Михаила Головатова и Сергея Гончарова: "А мы вас туда и не поведем!"

Совсем как в художественном фильме "Человек из команды "Альфа", когда несколько десятков одетых в камуфляжку парней смеются над приказом, а потом "сплачиваются" вокруг авторитетного подполковника и дают отпор консерватору генералу. Дивизия, окружившая их, берет под козырек, отдавая высокие почести героям.

Кабы так просто! Все было значительно сложнее и я бы сказал, трагичнее.

Действительно, никогда прежде ни один из сотрудников спецподразделения не мог даже в кошмарном сне представить, будто он не выполнил приказ.

Появились такие люди не сразу, не ранним утром 19-го, а потом, в те трагические часы с 15.00 20-го примерно до часу ночи 21-го. Что же произошло за это время в подразделении? Если бы кто-то следил за базой "Альфы" в тот период, он, конечно, ничего бы не заметил. Из ворот не выходила военная техника, никуда не спешили вооруженные, закованные в современные латы бронежилетов бойцы. Разве что радиоэлектронная аппаратура группы "пахала" с полной нагрузкой.

Шла напряженная работа - подразделение собирало подробную информацию обо всём, что творится в Москве, оценивало ситуацию. Ситуация же была крайне запутанной.

Сотрудники слушали заявления и документы ГКЧП и Указы Президента России, видели трясущиеся руки Янаева на пресс-конференции, видели и Ельцина, выступающего с танка. Оперативные работники, действующие в Белом доме, докладывали о скоплении людей у стен здания парламента России, строительстве баррикад, прибытии сюда грузовика с оружием.

Возникали вопросы, на которые, увы, не было ответов. Карпухин простоял со своими ребятами четыре часа у ворот ельцинской дачи, но приказ арестовать Президента так и не поступил. Теперь же, когда Ельцин в парламенте и Белый дом стал символом демократии, их заставляют идти на штурм. Зачем?

Позже напишут, что, перед "Альфой" стояла главная проблема: как войти в Белый дом? Сложность как раз в другом: как выйти оттуда. Ведь за спиной остались бы десятки трупов.

Разные были мнения. Только никто не орал единой глоткой и с воодушевлением: "Мы туда не пойдём!" Как, впрочем, не орали и обратное. "Альфа" делала выбор между жизнью и смертью не только каждого из бойцов, но всего подразделения как такового.

Возьми они Белый дом - как бы назывался этот акт? Антитеррористический? Но в парламенте России находились не террористы законно избранный Президент, депутаты.

Хотя и те, кто посылал их на кровавую бойню, тоже законно назначенные министры. И председатель КГБ Крючков не был самозванцем, вполне законно сидел в своем кресле.

Кому в "Альфе" оказалось сложнее в те роковые двенадцать часов? Всем было нелегко. Но командиру особенно. Командир всему голова. Кто знает, какие угрозы и проклятья сыпались на его голову?..

Отдавал ли Карпухин приказ на штурм Белого дома? Как ни горько говорить об этом, но, увы, отдавал. Но Язов ведь тоже приказывал Грачеву. Мог ли он отстранить от командования ВДВ Грачева? Хватило бы у министра обороны сил и власти? Безусловно. Так и Карпухин. Задайся он целью арестовать за невыполнение приказа в период чрезвычайного положения Головатова и Гончарова - арестовал бы.

Долго еще можно искать правых и виноватых, рассуждать о нравственных позициях той или другой стороны, но факт остается фактом: "Альфа" на штурм не пошла. Не знаю, спасла ли она демократию или, как принято теперь считать, наоборот - партократию, нарядившуюся в новую демократическую тогу? Не знаю. Время покажет. Оно - самый строгий судья.

Важно иное. "Альфа" спасла просто людей, вне их званий и должностей. Ибо никто не вправе распоряжаться человеческими жизнями.

Уверен - произошло это не случайно и в этом нет никакого чуда. Подразделение антитеррора всегда защищало людей. Защитило оно их и на сей раз. Не подняв против них оружие, несмотря ни на какие приказы. Это еще один веский аргумент в споре с теми, кто считает сотрудников группы "А" "головорезами и убийцами".

...После путча Карпухину позвонил начальник Первого главного управления генерал-лейтенант Шебаршин:

- Крепись, Виктор, ты снят с должности. Группой теперь командует Головатов.

Большого удара генерал Карпухин не ожидал. Двенадцать лет в группе, четыре года ее командиром. Специальные операции в Афганистане, освобождение захваченных самолетов, изолятора в Сухуми, "горячие точки" страны - все это он, Виктор Карпухин. Звание Героя Советского Союза и генеральские лампасы, и вдруг - снят с должности. Не укладывалось в голове, не умещалось в сердце.

За что? За то, что он не арестовал Ельцина, за то, что не взял Белый дом? Нет, тут какая-то ошибка.

Карпухин поехал на Лубянку, теперь уже к новому, только что назначенному председателю КГБ Бакатину. Уж он-то поймет.

Надежды оказались напрасными. Прошел час, другой... Генерал ждал. Опять вспомнился Андропов. В первый раз Карпухин переступил порог этого кабинета неизвестным никому майором, рядовым бойцом группы "А". Неужто теперь боевому генералу, Герою, не откроют дверь? Пусть не восстановят в должности, пусть уволят из комитета, но хоть выслушают. Не выслушали.

Так ушел Карпухин. Но "Альфа" оставалась жить. Ее взял под свое крыло Президент СССР Михаил Горбачев. Взял, чтобы тут же забыть. Не был определен правовой статус группы, неясно, чем ей предстояло заниматься. Охранять Президента? Но у него и своей охраны достаточно.

А пресса - левая и правая - нагнетала страсти. Газеты пестрели заголовками: "Почему Крючков, сказав "А", не сказал "Б"?", "Кому светит "Альфа"?", "Альфа" как она есть", "Альфа" после путча"...

В тот период часто удавалось бывать в группе. Подразделение переживало критические дни. Уже второй месяц не платили зарплату. Но ведь у каждого сотрудника семья, дети.

21 декабря 1991 года газета "Правда" в отчете с пресс-конференции о создании единого Министерства безопасности и внутренних дел сообщила: "Группа "А" как таковая прекратила свое существование".

Командование группой, ветераны думали о том, как выжить, как сохранить уникальное подразделение. И пеклись не о себе.

4 июля к руководству группой вернулся ее бывший начальник - Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев. Он командовал подразделением с 1977-го по 1988-й годы.

"Альфу" посетил Президент России Ельцин. Борис Николаевич присутствовал на специальном занятии группы и лично смог убедиться в высоком профессиональном мастерстве и мобильности подразделения. Казалось бы, критический перевал позади. Есть сдвиги к лучшему. Но группа, пусть она и супер, не отгорожена от внешнего мира "китайской стеной". Зарплата у ее сотрудников хоть и выше, чем у коллег по Министерству безопасности, но все равно мала. Подразделение входит в состав управления президентской охраны.

Что ж, Президента охранять надо. Но, видит Бог, это не дело "Альфы". У нее свои функции - борьба с терроризмом, организованной преступностью. В группе накоплен богатейший опыт, прекрасные традиции и потому уникальное подразделение не должно умереть, засохнуть в "охранниках".

Вспомним, "Альфа", в отличие от самых авторитетных зарубежных групп, будь то американская "Дельта", немецкая ГСГ-9 или какая-либо другая, не имеет ни одного провала. Операции, проведенные ею, могут служить примером успешной борьбы с терроризмом.

Тревожно и то, что сегодня предпринимаются попытки создания параллельных структур - подразделений, подобных "Альфе". Есть ли в этом необходимость? Ведь даже в самых развитых зарубежных странах спецподразделения по борьбе с терроризмом единичны в своем роде. На их создание, подготовку, воспитание уходят годы.

Конечно, можно собрать в одну команду прекрасных стрелков, отменных борцов, боксеров, вооружить их, оснастить. Но будет ли эта сборная единым боевым коллективом, способным вырвать из рук террористов заложников, освободить захваченный самолет, пароход, дом? Ведь в нашей недалекой истории достаточно примеров, когда эту работу пытались выполнить различные доморощенные группы захвата, спецназа. Не исключаю, что каждый в отдельности боец-спецназовец был подготовлен не хуже "альфовца", но в одном случае не хватило опыта, в другом - взаимовыручки, в третьем еще чего-то. Не хватило того, что отличает профессионала от непрофессионала, а спецподразделение - от сборной команды. Так надо ли заново городить огород? Не лучше ли существующее и высокопрофессиональное подразделение использовать на полную мощь? Тем более, что мощи этой вполне достаточно для выполнения сложных и ответственных задач.

Например, эвакуация в сентябре 1992 года из Кабула российских дипломатов и их семей. Эту опасную операцию поручили нашим десантникам. Руководил ею лично министр обороны. Понимаю: в армии не принято спрашивать, почему именно мне, а не другому предстоит идти под огонь. Десантники пошли и выполнили боевую задачу. Были раненые, попал под обстрел и сгорел самолет. На войне как на войне. И все-таки ребята, которые летали в Кабул, -

девятнадцатилетние мальчишки. Пусть десантники, прошедшие определенную подготовку, кое-что умеющие, но все равно мальчишки. А профессионалы из "Альфы" сидели в это время в Москве. Готовы ли они были по первому сигналу рвануться в Кабул? Готовы. Но сигнал не поступил.

С горечью говорили они об этом. Опять их забыли. "Альфа" ждет настоящей работы. И дело чести Президента России поддержать это уникальное подразделение. Ибо уже сегодня оно должно стать опорой государства в борьбе с терроризмом, коррупцией, организованной преступностью.

Как ни верти - много впереди работы для профессионалов "Альфы". Много...